

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СБОРНИК
судебной практики военных судов
по вопросам военной службы,
статуса военнослужащих
и уголовным делам
(2016 – 2017)

*Под общей редакцией заместителя Председателя
Верховного Суда Российской Федерации –
председателя Судебной коллегии
по делам военнослужащих
заслуженного юриста Российской Федерации
В.В. Хомчика*

Москва

2018

В работе над сборником принимали участие:

Булаковский С.В., помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих;

Воронов А.В., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Дербилов О.А., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Дорошин А.А., советник Судебной коллегии по делам военнослужащих;

Замашнюк А.Н., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Крупнов И.В., председатель судебного состава Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Новиков А.В., помощник судьи Верховного Суда Российской Федерации;

Сокерин С.Г., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Фатеев К.В., помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих, доктор юридических наук, профессор;

Харитонов С.С., советник Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

С23

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2016 – 2017). – М. : Центр правовых коммуникаций, 2017. – Вып. 5. – 256 с. – (Серия «Юридическая энциклопедия военнослужащего»).

Книга выходит в серии изданий «Юридическая энциклопедия военнослужащего» (далее – Сборник), которая зарегистрирована в 2003 году, перерегистрирована в 2016 году, свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС77-66681.

Сборник выходит один раз в квартал, распространяется в розницу и по подписке.

Материалы судебной практики приводятся с сокращениями.

© «Юридическая энциклопедия военнослужащего», 2018 г.

© Оформление «Центр правовых коммуникаций», 2018 г.

Содержание

Раздел 1. Вопросы судебной практики по административным и гражданским делам

1. Вопросы, связанные с прохождением военной службы, увольнением с военной службы	5
2. Вопросы, связанные с обеспечением военнослужащих денежным довольствием и иными отдельными выплатами	39
3. Вопросы, связанные с реализацией права военнослужащих на жилище	44
4. Вопросы, связанные с материальной ответственностью военнослужащих, возмещением расходов на военную и специальную подготовку. Компенсация морального вреда.	124
5. Процессуальные вопросы	133
Обзор практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»	147

Раздел 2. Вопросы судебной практики по уголовным делам

1. Несоответствие выводов суда, изложенных в судебном акте, фактическим обстоятельствам дела, как основание для отмены судебных решений	180
2. Ошибки в квалификации преступлений	182
3. Ошибки, связанные с назначением наказания	184
4. Нарушения уголовно-процессуального закона	190
5. Ошибки в рассмотрении гражданского иска	202
6. О возмещении ущерба, причиненного уголовным преследованием (реабилитация), и возмещении судебных издержек	204
7. О рассмотрении военными судами дел о преступлениях, совершение которых сопряжено с осуществлением террористической и экстремистской деятельности	208
Обзорная справка практики рассмотрения военными судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 290, 291, 2911 УК РФ, совершенных военнослужащими	225

Раздел 1.
Вопросы судебной практики
по административным
и гражданским делам

1. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, УВОЛЬНЕНИЕМ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 211-КГ16-33 по заявлению Е. (извлечение)

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 года, удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания «лейтенант», а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учетной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведен к новому месту военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание «старший сержант».

В мае 2014 года Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста – выпускника Пограничного института.

В ноябре 2015 года начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера «лейтенант» отказано.

Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военно-учебное заведение с получением соответ-

ствующего диплома, приобрел право на присвоение воинского звания «лейтенант» и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учетной специальности.

Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права.

В подпункте «а» пункта 2 статьи 21 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военно-учебное заведение, – по окончании указанного учебного заведения.

Согласно пункту 17 главы 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2013 года № 36, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении.

Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к передаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась.

Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса.

Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание «старший сержант».

Следовательно, у начальника этого управления, исходя из содержания пункта 2 статьи 21 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось оснований ходатайствовать перед вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допускается лишь при замещении воинской должности офицера военнослужащим, не имеющим соответствующего воинского звания.

С учетом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания «лейтенант» являются ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016

года и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 года по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Назначение военнослужащих на воинские должности должно обеспечивать их использование по основной или однопрофильной военно-учетной специальности и с учетом имеющегося опыта служебной деятельности

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 204-КГ16-6 по заявлению М. (извлечение)

Решением Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2015 года М. отказано в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании действий командира и аттестационной комиссии воинской части, а также командующего войсками военного округа, связанных с порядком увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава воинской части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 1 марта 2016 года решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования М. удовлетворены: признано незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 6 октября 2015 года в части ходатайства об увольнении административного истца с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказ командующего войсками военного округа от 19 октября 2015 года в части, касающейся досрочного увольнения М. с военной службы по названному основанию.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе представителя административных ответчиков, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение окружного военного суда по административному исковому заявлению М. и оставила в силе решение Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2015 года по данному делу, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что с августа 1992 года М. проходит военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В соответствии с указаниями начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 6 апреля 2009 года должность, которую занимал М., сокращена, в связи с чем он был зачислен в распоряжение командира.

11 июля 2014 года М. заключил контракт о прохождении военной службы сроком на пять лет, а 13 мая 2015 года в ходе беседы с должностным лицом выразил желание продолжить военную службу по контракту, в связи с чем командиром воинской части в управление кадров военного округа было направлено ходатайство о рассмотрении вопроса о возможности назначения административного истца на воинскую должность, которое далее было адресовано в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации.

В соответствии с сообщением Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 19 июня 2015 года кандидатура М. положи-

тельно рассмотрена к назначению на воинскую должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, которая на тот момент не являлась вакантной.

Согласившись с предложенной должностью, М. дополнительно указал, что у него по этой должности не соответствует военно-учетная специальность, образование, нет стажа работы, в связи с чем он просил назначить его на другую должность в Управление эксплуатационного содержания и обеспечения коммунальными услугами воинских частей и организаций.

На указанную должность административный истец не был назначен ввиду того, что она не была освобождена на момент решения вопроса о его увольнении.

Согласно сообщению Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 1 сентября 2015 года возможности размещения на воинских должностях М. по основной или однопрофильной военно-учетной специальности не имеется.

14 сентября 2015 года в ходе беседы с должностным лицом административный истец выразил желание продолжить военную службу в любом регионе Российской Федерации и за ее пределами.

6 октября 2015 года аттестационная комиссия воинской части ходатайствовала об увольнении М. с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями в связи с отсутствием возможности назначения его на соответствующую вакантную воинскую должность.

Приказом командующего войсками военного округа от 19 октября 2015 года М. уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Отказывая в удовлетворении требований М., суд первой инстанции исходил из того, что у командования не имелось возможности назначить административного истца как на равную, так и на высшую или низшую воинские должности. Кроме того, суд исходил из того, что командованием предпринимались все меры для назначения истца на воинские должности, в том числе ему предлагалась должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, от которой он отказался.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд указал, что сообщением Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 1 сентября 2015 года подтверждена невозможность размещения М. на воинских должностях только по его основной или однопрофильной военно-учетной специальности. При этом согласно подпункту «а» пункта 4 статьи 34 Положения предусмотрено, что М. должны были предлагаться все равные воинские должности и лишь в случае их отсутствия он подлежал увольнению в связи с организационно-штатными мероприятиями.

На момент принятия решения об увольнении М. с военной службы, как посчитал окружной военный суд, в Вооруженных Силах Российской Федерации имелись вакантные воинские должности, равные ранее занимаемой воинской должности М., для которой штатом предусмотрено воинское звание «майор», 18 тарифный разряд, однако административному истцу они не предлагались.

Кроме того, окружной военный суд указал, что должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, от которой фактически отказался административный истец, является низшей, а согласия на назначение на такую воинскую должность М. не давал.

Указанные выводы суда апелляционной инстанции основаны на неправильном толковании закона.

В соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть уволен с военной службы досрочно в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Порядок реализации увольнения военнослужащего по данному основанию установлен статьей 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Согласно подпункту «а» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями при отсутствии других оснований для увольнения, при сокращении занимаемой им воинской должности, невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность.

Вместе с тем порядок назначения военнослужащих на воинские должности определен статьей 11 Положения о порядке прохождения военной службы.

В силу пункта 6 статьи 11 Положения о порядке прохождения военной службы назначение военнослужащих на воинские должности должно обеспечивать их использование по основной или однопрофильной военно-учетной специальности и с учетом имеющегося опыта служебной деятельности.

Таким образом, при разрешении вопросов, касающихся возможности дальнейшего прохождения военнослужащими военной службы после сокращения занимаемых ими должностей в связи с организационно-штатными мероприятиями, подлежат применению не только специальные нормы статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы, но и взаимосвязанные с ними общие требования, предусмотренные статьей 11 названного Положения.

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая, что на момент принятия решения об увольнении с военной службы М. воинских должностей, соответствующих его военно-учетной специальности в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации не имелось, Судебная коллегия пришла к выводу о законности и обоснованности решения суда первой инстанции.

Обстоятельства, связанные с рассмотрением возможности назначения М. на должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, не влияют на правильность выводов суда первой инстанции, поскольку на данную должность он не был назначен до принятия решения об увольнении ввиду того, что она вакантной на тот момент не являлась.

Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, признанный военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным

к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями, назначается на другую воинскую должность, обязанности по которой он может исполнять с учетом состояния здоровья, только с его согласия

Решением Гаджиевского гарнизонного военного суда М. отказано в удовлетворении административного искового заявления (далее – заявление), в котором он просил признать незаконными приказ начальника Управления в части перевода по служебной необходимости на равную воинскую должность в воинскую часть, находящуюся в другой местности.

Признавая вышеназванный приказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что его издание было обусловлено служебной необходимостью, в связи с чем административный истец (далее – истец) правомерно назначен на равную воинскую должность без его согласия.

Северный флотский военный суд, рассматривая дело в апелляционном порядке, признал, что такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

По делу установлено, что с января 2015 года М., имея соответствующую военно-учетную специальность, проходил военную службу в должности старшего оператора, которая предусматривает работу с радиоактивными веществами (РВ), источниками ионизирующего излучения (ИИИ). Согласно свидетельству о болезни от 7 августа 2015 г. он признан негодным к службе в спецсооружениях, негодным к службе с РВ, ИИИ, но годным к военной службе с незначительными ограничениями.

Приказом начальника Управления от 29 октября 2015 г. М. назначен по служебной необходимости на равную воинскую должность в иную воинскую часть.

Согласно п. 1 ст. 43 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» назначение на воинские должности военнослужащих осуществляется в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы.

В соответствии с подп. «е» п. 10 ст. 11 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, признанный военно-врачебной комиссией по состоянию здоровья годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями, но негодным к военной службе по избранной военно-учетной специальности, назначается с его согласия (за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по призыву) на другую воинскую должность, обязанности по которой он может исполнять с учетом состояния здоровья, или увольняется с военной службы.

Согласно абзацу пятому подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями при признании его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями при отсутствии его согласия с назначением на другую воинскую должность.

Из содержания приведенных норм следует, что военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, признанный военно-врачебной комиссией

не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями, назначается на другую воинскую должность, обязанности по которой он может исполнять с учетом состояния здоровья, только с его согласия.

Вместе с тем, как установлено в ходе судебного разбирательства, М., будучи признанным годным к военной службе с незначительными ограничениями, но негодным к работе с РВ, ИИИ (не отвечающим специальным требованиям), был назначен на другую равную воинскую должность без его согласия.

Таким образом, оспариваемый приказ о назначении административного истца по служебной необходимости на равную воинскую должность требованиям закона не соответствует, что послужило основанием для отмены решения суда первой инстанции и принятия флотским военным судом нового решения о восстановлении прав М.

Вывод суда о законности перевода военнослужащего к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность сделан без учета требований п. 6 ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы

Псковский гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении заявления Х., оспорившего приказ командира воинской части о переводе к новому месту военной службы.

Ленинградский окружной военный суд, признав такой вывод ошибочным, решение суда первой инстанции отменил по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что директивой Министра обороны Российской Федерации от 6 июля 2014 г. предписано к 1 декабря 2015 г. передислоцировать воинскую часть, где истец проходил военную службу, из г. Пскова в г. Смоленск, а директивой от 8 июля 2015 г. – переформировать эту воинскую часть в другую с иным условным наименованием.

Во исполнение директивы командир воинской части оспариваемым приказом не только назначил Х. на новую равную воинскую должность в другую воинскую часть, но и переместил его к новому месту военной службы – в г. Смоленск.

Принимая решение, суд первой инстанции исходил из того, что воинская часть, в которой Х. проходил службу, в полном составе передислоцирована в г. Смоленск. По выводу суда, оспариваемым приказом истец к новому месту службы не переводился, а был лишь назначен на равную воинскую должность в расположенную в том же населенном пункте (г. Смоленск) воинскую часть, поэтому возможность перевода его жены-военнослужащей из г. Пскова к месту службы истца правового значения не имеет.

Этот вывод на законе не основан.

Согласно п. 6 ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы, если при переводе военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к новому месту военной службы меняется место жительства его семьи, а жена (муж) этого военнослужащего также проходит военную службу по контракту, то одновременно с принятием решения о переводе военнослужащего к

новому месту военной службы решается вопрос о переводе в данную местность его жены (мужа).

При невозможности одновременного назначения супругов-военнослужащих на воинские должности в пределах одного населенного пункта (гарнизона) и в случае отказа от увольнения с военной службы одного из них перевод к новому месту военной службы не производится.

Применение данной нормы права не зависит от того, осуществлялся ли такой перевод в другую часть или в пределах одной части, поскольку ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы такого условия не содержит.

Юридически значимым в данном случае является выяснение необходимости смены места жительства в связи с переводом одного из супругов-военнослужащих, возможность одновременного их назначения на воинские должности в пределах одного населенного пункта (гарнизона) и отказ от увольнения с военной службы одного из них.

Материалами дела подтверждается, что Х. с супругой совместно проживали по месту военной службы в г. Пскове. При этом жена истца также имеет статус военнослужащего и проходит военную службу по контракту в Пограничном управлении ФСБ России по Псковской области.

С учетом нового места службы перевод истца влечет изменение места жительства его семьи.

Следовательно, одновременно с принятием решения о переводе Х. к новому месту военной службы должен был решаться вопрос о переводе в эту местность его супруги, проходящей военную службу по контракту.

В связи с предстоящей передислокацией воинской части Х. заблаговременно направил командованию справку о наличии у жены статуса военнослужащего по контракту и рапорт об увольнении, которые поступили в данную воинскую часть, но по существу рассмотрены не были.

Однако командованием вопрос о переводе жены истца к новому месту военной службы мужа не рассматривался и не разрешался, а подтверждающие это документы с рапортом об увольнении при издании оспариваемого приказа не учитывались.

При таких обстоятельствах окружной военный суд пришел к правильному выводу, что приказ о переводе Х. к новому месту военной службы является незаконным.

Подпункт 1 п. 4 Перечня медицинских противопоказаний к прохождению военной службы для граждан, поступающих на военную службу по контракту в органы федеральной службы безопасности, военнослужащих органов федеральной службы безопасности, проходящих военную службу по контракту, и к проживанию членов их семей в районах Крайнего Севера, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, определенных Требованиями к состоянию здоровья отдельных категорий граждан, поступающих на военную службу по контракту в органы федеральной службы безопасности, военнослужащих органов федеральной службы безопасности, проходящих военную службу по контракту, прохождение военной службы которых связано с особыми условиями, и членов их семей, граждан и военнослужа-

щих, поступающих в образовательные организации ФСБ России, утвержденного приказом ФСБ России от 29 января 2015 г. №39 (далее – Перечень), признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № ВКАПИ16-50 по заявлению П. (извлечение)

Согласно подп. 1 п. 4 Перечня предусмотрен перечень медицинских противопоказаний к прохождению военной службы для граждан, поступающих на военную службу по контракту в органы федеральной службы безопасности, военнослужащих органов федеральной службы безопасности, проходящих военную службу по контракту, и к проживанию членов их семей в районах Крайнего Севера, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера.

П. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о признании не действующим подп. 1 п. 4 Перечня в части установления медицинских противопоказаний для прохождения военной службы военнослужащими, признанными ограниченно годными к военной службе, в районах Крайнего Севера, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера.

Верховный Суд Российской Федерации отказал П. в удовлетворении искового заявления, указав в обоснование следующее.

На основании п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения военной службы, в том числе путем добровольного поступления на военную службу по контракту, условия которого включают в себя обязанность гражданина проходить военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях или органах в течение установленного контрактом срока, добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также право гражданина на соблюдение его прав и прав членов его семьи, включая получение социальных гарантий и компенсаций, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы.

Ввиду этого предъявление к военнослужащим специальных требований, обусловленных характером и особенностями прохождения военной службы, не может рассматриваться как нарушение прав военнослужащих свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Согласно ст. 16 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» сотрудником органов федеральной службы безопасности может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства, способный по своим личным, профессиональным и психологическим качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности. Несоответствие лица одному из указанных в ч. 2 данной статьи требований, касающихся в том числе его

состояния здоровья, или иным требованиям, установленным данным законом, служит основанием для отказа в приеме или переводе его на военную службу по контракту, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности, а также для расторжения с ним соответственно контракта или трудового договора.

Пунктом 2 ст. 6 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на изменение места военной службы, в том числе на перевод в другую местность, с учетом состояния их здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии) и по основаниям, устанавливаемым Положением о порядке прохождения военной службы (подп. «в» п. 1 ст. 15).

Проанализировав названные положения законов, суд пришел к выводу, что оспариваемая норма закрепляет для военнослужащих органов федеральной службы безопасности, проходящих военную службу по контракту и признанных ограниченно годными к военной службе, дополнительную гарантию защиты их прав и интересов посредством установления в целях создания благоприятных условий военной службы и охраны здоровья военнослужащих ограничений на дальнейшее прохождение ими военной службы в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, то есть в местностях с неблагоприятными климатическими условиями.

Право военнослужащего на подъемное пособие неразрывно связано с основаниями переезда, предполагающими поступление на военную службу по контракту или дальнейшее прохождение такой службы на воинских должностях в другом населенном пункте

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № ВКАПИ17-8 по административному исковому заявлению К., вступившее в законную силу (извлечение)

Согласно п. 132 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 (далее – Порядок), подъемное пособие военнослужащим выплачивается на основании приказа соответствующего командира (начальника) исходя из оклада по воинской должности, получаемого ими на день вступления в исполнение обязанностей по этой должности, на которую они назначены (зачислены на обучение в военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования) или которую занимают (ранее занимали – для военнослужащих, находящихся в распоряжении соответствующего командира (начальника) на день прибытия воинской части (подразделения) в пункт новой постоянной дислокации, и оклада по воинскому званию.

К. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском заявлением о признании п. 132 Порядка не действующим в части установления в качестве условия выплаты подъемного пособия военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, при переезде на новое место военной службы в другой населенный пункт в связи с назначением на воинскую

должность – вступление военнослужащего в исполнение обязанностей по воинской должности.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. в удовлетворении административного искового заявления отказано по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в том числе поступившим на военную службу по контракту из запаса, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт, в том числе на территорию или с территории иностранного государства, в связи с назначением на воинскую должность, поступлением на военную службу по контракту, зачислением в военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования, срок обучения в которой превышает один год, или в связи с передислокацией воинской части производится выплата подъемного пособия в размере одного оклада денежного содержания на военнослужащего и одной четвертой оклада денежного содержания на каждого члена семьи, переехавшего на новое место (к месту) военной службы военнослужащего или в близлежащий от указанного места населенный пункт либо в другие населенные пункты (из-за отсутствия жилого помещения).

По смыслу приведенной нормы, целью дополнительной денежной выплаты в виде подъемного пособия является оказание материальной помощи, необходимой для обустройства военнослужащего и членов его семьи после переезда на новом месте службы и жительства в другом населенном пункте.

Следовательно, право на подъемное пособие неразрывно связано с основаниями переезда, предполагающими поступление на военную службу по контракту или дальнейшее прохождение такой службы на воинских должностях в другом населенном пункте.

В силу ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащие проходят военную службу на воинских должностях либо не на воинских должностях в случаях нахождения в распоряжении командира (начальника).

При таких данных право на получение подъемного пособия возникает у военнослужащего при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: переезда военнослужащего на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт и исполнение обязанностей военной службы по новой воинской должности либо в статусе находящегося в распоряжении командира (начальника).

В соответствии с ч. 18 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» порядок предоставления военнослужащим подъемного пособия определяется федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба.

Из изложенного следует, что право на пособие установлено законом, а оспариваемая норма Порядка, регулирующая порядок предоставления пособия,

принята Министром обороны Российской Федерации в рамках переданных ему этим законом полномочий.

Доведение воинским должностным лицом до командира нижестоящей воинской части, в которой проходит военную службу военнослужащий, полученного из органа безопасности уведомления о возникновении обстоятельств, которые могли послужить основанием для прекращения этому военнослужащему допуска к государственной тайне, входит в компетенцию воинского должностного лица

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 206-АПГ16-10 по заявлению Б. (извлечение)

Б. обратился в суд с административным иском, в котором просил признать незаконными в том числе указания начальника штаба воинской части в части содержащегося в них утверждения о нарушении административным истцом режима секретности.

Решением Западно-Сибирского окружного военного суда от 27 июля 2016 г. административный иск Б. в указанной части удовлетворен.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе воинского должностного лица, Судебная коллегия по делам военнослужащих решение в части оспаривания указаний начальника штаба отменила, приняла по делу в указанной части новое решение, которым в удовлетворении административного иска Б. отказала. В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Признавая незаконными указания начальника штаба, суд исходил из того, что вывод о наличии фактических обстоятельств, свидетельствующих о нарушении истцом режима секретности, должен объявляться в приказе воинского должностного лица, уполномоченного прекращать военнослужащему доступ к государственной тайне, а до издания приказа выводы остальных должностных лиц, в том числе начальника штаба, которым было назначено разбирательство, являются преждевременными.

Такой вывод суда на законе не основан.

В суде установлено, что 10 февраля 2015 г. в жилом помещении, в котором проживает Б. со своей семьей, сотрудниками ФСБ России произведен обыск, в ходе которого были изъяты электронные и бумажные носители информации на предмет наличия в них сведений, составляющих государственную тайну. По заключению комиссии часть представленных им на исследование предметов и документов, изъятых по месту жительства административного истца, содержат сведения, составляющие государственную тайну.

В январе 2016 года в воинскую часть из органа безопасности поступило представление, в котором содержалась информация о неоднократном копировании Б. секретной и совершенно секретной информации на неучтенные съемные носители, выносе этой информации за пределы воинской части и признании административным истцом этих фактов.

После этого начальник штаба указанной воинской части направил в воинскую часть, где проходит военную службу Б., указания, в которых воспроизвел содержание представления в части, касающейся истца, и потребовал от командира ор-

ганизовать проведение разбирательства в отношении нарушения, допущенного административным истцом, определить причины и условия, способствовавшие нарушениям с его стороны, и принять решение о возможности или невозможности дальнейшей работы истца со сведениями, составляющими государственную тайну, отстранив его от работы с этими сведениями до принятия такого решения.

Приказами от 22 января 2016 г. и от 26 января 2016 г. административный истец отстранен от работы со сведениями, составляющими государственную тайну, от несения боевого дежурства и службы в суточном наряде, от обращения с оружием и ему прекращен допуск к государственной тайне.

Изложенное с достаточной очевидностью свидетельствуют о том, что в указаниях начальник штаба довел до командира воинской части, в которой проходит военную службу Б., полученное из органа безопасности уведомление о возникновении обстоятельств, которые могли послужить основанием для прекращения лицу допуска к государственной тайне.

Доведение начальником штаба данной информации и требований в отношении административного истца, вопреки утверждению суда, входит в его компетенцию и соответствует положениям нормативных правовых актов.

Согласно пп. 96, 97 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, начальник штаба в мирное и военное время отвечает за постоянную боевую и мобилизационную готовность и обязан организовывать своевременное и правильное доведение всех приказов командира и старших командиров (начальников) до сведения подразделений и служб, а также проверку их выполнения, лично передавать важнейшие приказы и проверять их выполнение.

В соответствии с п. 51 Инструкции, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 октября 2010 г. № 1313, в случае получения из органа безопасности уведомления о возникновении обстоятельств, которые могут послужить основанием для прекращения лицу допуска к государственной тайне, соответствующие должностные лица принимают решение о возможности или невозможности дальнейшей работы лица со сведениями, составляющими государственную тайну, о чем письменно информируют орган безопасности; до принятия такого решения лицо отстраняется от работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

При таких данных начальник штаба в оспариваемых указаниях должностных полномочий не превысил и информации, отличной от поступившей из органа безопасности, до сведения командира воинской части не доводил.

Не основано на законе и утверждение суда об исключительном праве командира, в чью компетенцию входит принятие решения о прекращении военнотрудовому допуску к государственной тайне, определять виновность последнего в нарушении режима секретности.

Согласно п. 8 ст. 288 и ст. 289 Федерального закона «О статусе военнослужащих» до представления командиру материалов о дисциплинарном проступке устанавливаются доказательства, подтверждающие наличие события дисциплинарного проступка и виновность военнослужащего.

Аналогичные положения закреплены в ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

Кроме того, согласно названным положениям Федерального закона «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, а также пп. 248, 551 Инструкции, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 октября 2005 г., в их взаимосвязи вина военнослужащего в совершении дисциплинарного проступка, связанного с нарушением законодательства о государственной тайне, устанавливается в особом порядке, то есть путем проведения мероприятий, входящих в систему защиты государственной тайны.

Как следует из материалов дела, в том числе из объяснений в судебном заседании административного истца, обстоятельства, связанные с нарушением им режима секретности, устанавливались органом безопасности.

Таким образом, оспариваемые указания начальника штаба воинской части следует признать законными, не нарушающими прав административного истца, а вывод суда первой инстанции об обратном ошибочным.

Несоответствие выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела, связанным с рассмотрением представления ФСБ России о нарушении административным истцом режима секретности, повлекло отмену судебного акта

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. по заявлению Ш. (извлечение)

Решением Дальневосточного окружного военного суда от 9 февраля 2017 г. удовлетворено административное исковое заявление Ш., в котором он просил признать незаконными приказы командира воинской части в части предупреждения его о неполном служебном соответствии и прекращения допуска к государственной тайне.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих решение отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Признавая незаконными приказы командира воинской части о предупреждении Ш. о неполном служебном соответствии и прекращении ему допуска к государственной тайне, суд первой инстанции сослался на то, что в ходе разбирательства событие дисциплинарного проступка не установлено, а представление начальника Управления ФСБ России по Восточному военному округу, фактически послужившее основанием для издания приказов в отношении Ш., не содержит данных, подлежащих установлению в ходе проведенных разбирательств.

Такой вывод сделан судом в результате неправильной оценки обстоятельств дела и ошибочного толкования норм материального права.

В силу ст. 1 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» задача по обеспечению безопасности Российской Федерации возложена на данную федеральную службу.

Выполняя указанную задачу, органы федеральной службы безопасности в соответствии с п. «л» ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» вправе вносить в государственные органы, администрации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, а также в общественные объединения обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации.

Статьей 131 этого же закона предусмотрено, что представления относятся к применяемым органами федеральной службы безопасности мерам профилактики и вносятся при наличии достаточных данных, выявленных в процессе оперативно-служебной деятельности органов федеральной службы безопасности и указывающих на наличие причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации.

Согласно пункту 4 Порядка внесения представлений органами федеральной службы безопасности, утвержденного приказом ФСБ России от 13 марта 2004 г. № 162, внесенные представления являются обязательными для рассмотрения и принятия мер по результатам их рассмотрения.

Из материалов дела следует, что 17 мая 2016 г. в воинскую часть руководителем органа ФСБ России внесено представление, в котором указано, что командир подразделения капитан Ш. привлек к работе на планшете пункта управления с нанесенными на него секретными сведениями, раскрывающими действующие координаты сетки ПВО, не имеющих допуска к государственной тайне военнослужащих.

Эти обстоятельства были подтверждены в судебном заседании суда апелляционной инстанции показаниями допрошенного в качестве свидетеля сотрудника органов федеральной службы безопасности Я., протоколами опросов указанных военнослужащих, а также самого Ш., сообщившего, что подготовка к работе на планшете подразумевает непосредственную работу на самом планшете на пункте управления, к чему в соответствии с его указаниями были допущены военнослужащие, проходящие стажировку.

В связи с внесенным представлением командиром воинской части назначено разбирательство, в ходе которого выводы представления руководителя органа ФСБ России в отношении Ш. нашли подтверждение.

С учетом изложенного, а также установив, что порядок прекращения административному истцу допуска к государственной тайне и привлечения его к дисциплинарной ответственности соблюден, Судебная коллегия по делам военнослужащих признала оспариваемые приказы законными.

Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 208-КГ16-42 по заявлению З. (извлечение)

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного

окружного военного суда от 12 апреля 2016 года, удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее – ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В связи с этим суды, руководствуясь пунктами 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185, пришли к выводу о том, что положения подпунктов «г» и «д» пункта 125 Порядка, утвержденного приказом № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с частью 1 статьи 19 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализую-

щих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 (далее – Порядок).

Согласно пунктам 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренным Порядком (далее – предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее – профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с пунктом 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном пунктом 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абзацем четвертым пункта 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единове-

менных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 года № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех перечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление З. в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение З. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 года является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учетом указанных оснований для компенсации З. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами пунктов 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права – приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700, а также от 2 мая 2012 года № 1055 «О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий».

Приведа указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 года по заявлению З. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Направление военнослужащих на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей осуществляется на основании их рапорта при соблюдении установленных сроков

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 202-КГ17-1 по заявлению С. (извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2015 г. удовлетворено административное исковое заявление С., в котором он просил возложить на командира воинской части обязанность по направлению его на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 17 декабря 2015 г. решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение об отказе С. в удовлетворении заявленных требований.

Постановлением президиума Ленинградского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. апелляционное определение отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение гарнизонного военного суда и постановление президиума окружного военного суда, оставив в силе апелляционное определение окружного военного суда об отказе в удовлетворении требований С., приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что С. в 2010 г. достиг предельного возраста пребывания на военной службе, 24 ноября 2013 г. у него истек срок действия контракта, заключенного сверх предельного возраста, а в заключении нового контракта ему было отказано, о чем истец был извещен 5 августа 2013 г.

Приказом командира воинской части от 9 октября 2013 г. в связи с проведением организационно-штатных мероприятий С. с 14 сентября 2013 г. зачислен в распоряжение названного должностного лица.

В связи с предстоящим увольнением с военной службы с С. 9 октября 2013 г. проведена беседа, в ходе которой он, имея право выбора основания увольнения (по возрасту, по истечении срока контракта, по состоянию здоровья, в связи с организационно-штатными мероприятиями), отказался от увольнения без предоставления жилья по избранному месту жительства. Иных просьб, в том числе о направлении его на профессиональную переподготовку, С. не выразил.

Впервые с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку С. обратился только 28 октября 2014 г., на который 17 декабря 2014 г. получил устный отказ со ссылкой на пропуск установленного срока.

21 апреля 2015 г. С. вновь обратился с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку, на который 21 мая 2015 г. получил письменный отказ со ссылкой на пропуск срока подачи рапорта.

После этого С. был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и исключен из списков части.

Удовлетворяя требования административного истца и признавая незаконным отказ командира воинской части в направлении С. на профессиональную переподготовку, суды первой и кассационной инстанций исходили из того, что законодательство не предусматривает возможности отказа военнослужащему соответствующей категории в направлении на профессиональную переподготовку по причине несоблюдения сроков подачи рапорта об этом, а в ходе судебного разбирательства ответчик не представил доказательств, подтверждающих дату ознакомления истца с выпиской из приказа о внесении изменений в штат воинской части.

Однако данные выводы судов основаны на неправильном толковании норм материального права и противоречат материалам дела.

Гарантируя в п. 4 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» право отдельных категорий военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на профессиональную переподготов-

ку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение, законодатель определение порядка и условий реализации этого права отнес к исключительной компетенции Министерства обороны Российской Федерации или иного федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба.

В ФСБ России порядок и условия реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей регламентирован Инструкцией о порядке и условиях реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2009 г. № 22 (далее – Инструкция).

В частности, п. 2 Инструкции определяет, что направление военнослужащих на профессиональную переподготовку осуществляется на основании их рапорта при соблюдении условий, приведенных в п. 4 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Сроки подачи таких рапортов военнослужащими, изъявившими желание пройти профессиональную переподготовку, определены в п. 15 Инструкции, в соответствии с которым военнослужащие подают рапорт по команде:

увольняемые с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе или по истечении срока военной службы – не позже чем за год до наступления предельного возраста пребывания на военной службе или истечения срока военной службы (в случае отказа в заключении с указанными военнослужащими нового контракта – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с принятым в отношении их решением);

увольняемые с военной службы по состоянию здоровья – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с вынесенным военно-врачебной комиссией заключением о признании их негодными (ограниченно годными) к военной службе;

увольняемые с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с приказом (выпиской из приказа) о внесении изменений в штат органа безопасности.

Как установлено по делу, 24 ноября 2013 г. у С. истек срок действия контракта, заключенного сверх предельного возраста, а в заключении с ним нового контракта ему было отказано, данное решение было доведено до сведения административного истца 5 августа 2013 г.

Следовательно, С. вправе был заявить о своем желании пройти профессиональную переподготовку не позднее 15 августа 2013 г.

Кроме того, с 14 сентября 2013 г. занимаемая административным истцом воинская должность была сокращена, о чем ему было сообщено в ходе беседы 9 октября 2013 г. Однако в рапорте и в листе беседы от того же числа С. заявил лишь о том, что возражает против увольнения с военной службы по возрасту, по истечении срока контракта, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления жилья в избранном месте жительства в г. Москве. Других просьб он не выразил.

Таким образом, о состоявшихся организационно-штатных мероприятиях, в результате которых подразделение ФСБ России, в котором С. проходил военную службу, было сокращено, в связи с чем у него появилось основание увольнения – в связи с организационно-штатными мероприятиями, административному истцу стало известно 9 октября 2013 г. в ходе проведенной с ним беседы.

В дальнейшем С. изменил свое решение о месте жительства после увольнения с военной службы и попросил обеспечить его жильем в г. Санкт-Петербурге, где в 2014 г. ему и была предоставлена квартира. Только после выделения ему квартиры в г. Санкт-Петербурге, прохождения военно-врачебной комиссии, использования отпусков в году увольнения С. обратился с рапортом, в котором просил направить его на профессиональную переподготовку по специализации «бизнес-администрирование».

Приведенные обстоятельства с учетом должностного положения административного истца, зачисления его в распоряжение именно в связи с организационно-штатными мероприятиями, доведения до его сведения информации о сокращении занимаемой должности в связи с упразднением подразделения, в котором он проходил военную службу, проведения с ним беседы о предстоящем увольнении и написания им самим рапорта с приведением в нем одного из оснований увольнения с военной службы – в связи с организационно-штатными мероприятиями объективно свидетельствуют о том, что еще в октябре 2013 г. С. знал о проведенных организационно-штатных мероприятиях и изменениях в штате органа безопасности, в связи с чем имел реальную возможность своевременно обратиться к командованию с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку.

Поэтому вывод суда апелляционной инстанции о нарушении административным истцом самим срока подачи рапорта о направлении его на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей и, как следствие, установленного Инструкцией порядка и условий реализации военными служащими данного права является правильным.

Непредоставление увольняемому военнослужащему дополнительного отпуска как ветерану боевых действий повлекло изменение даты исключения его из списков личного состава воинской части

В связи с увольнением с военной службы Л. с 5 июля 2015 г. исключен из списков личного состава воинской части.

При этом ему не был предоставлен дополнительный отпуск за 2015 год как ветерану боевых действий.

Полагая свои права нарушенными, Л. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором помимо иных требований просил обязать должностное лицо изменить дату исключения из списков личного состава воинской части с учетом предоставления вышеуказанного дополнительного отпуска.

Решением Улан-Удэнского гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления отказано.

Восточно-Сибирский окружной военный суд решение в части требований о предоставлении Л. дополнительного отпуска как ветерану боевых действий отменил и принял новое решение об их удовлетворении. Восстанавливая нару-

шенное право истца, суд апелляционной инстанции обязал должностных лиц перенести дату его исключения из списков личного состава воинской части на количество дней не предоставленного дополнительного отпуска – на 21 июля 2015 г., и обеспечить его по указанную дату положенными видами довольствия, исходя из следующего.

В соответствии с подп. 11 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» военнослужащим – ветеранам боевых действий основной отпуск предоставляется в удобное для них время.

В силу пп. 5.1 и 12 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим – ветеранам боевых действий, указанным в Федеральном законе «О ветеранах», помимо основного отпуска, предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 15 суток. В год увольнения с военной службы указанный отпуск предоставляется военнослужащему в полном объеме.

Согласно п. 16 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, предоставление отпусков военнослужащему осуществляется с таким расчетом, чтобы последний из них был использован полностью до дня истечения срока его военной службы. При невозможности предоставления основного и дополнительных отпусков до дня истечения срока военной службы они могут быть предоставлены военнослужащему при его увольнении последовательно, без разрыва между отпусками. В этом случае исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части производится по окончании последнего из отпусков и после сдачи военнослужащим дел и должности.

Таким образом, дополнительный отпуск, предусмотренный п. 5.1 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», военнослужащему, проходящему военную службу по контракту и имеющему право на этот отпуск, при увольнении с военной службы в силу п. 16 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы предоставляется до дня исключения из списков личного состава воинской части.

При изложенных обстоятельствах командование было обязано предоставить Л. названный дополнительный отпуск за 2015 год. Вывод гарнизонного военного суда об обратном противоречит приведенным выше нормам материального права.

Если военнослужащий подвергнут судом административному наказанию, то он может быть уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта только до истечения срока, в течение которого он считается подвергнутым административному наказанию

Решением 35 гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления М., который оспорил приказ командующего Тихоокеанским флотом от 10 июля 2015 г. о досрочном увольнении с военной службы в связи с невыполнением условий контракта. Законность увольнения суд обосновал тем, что постановлением Фокинского гарнизонного военного суда М. был привлечен к административной ответственности.

Такое решение основано на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с п. 2.2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», если военнослужащий имеет судимость или подвергнут судом административному наказанию либо имеет неснятые дисциплинарные взыскания, то такой военнослужащий может быть уволен с военной службы по указанному основанию только до погашения либо снятия судимости или до истечения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо до истечения срока, в течение которого военнослужащий считается имеющим дисциплинарное взыскание.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Из имеющейся в материалах дела копии квитанции следует, что 11 июня 2014 г. М. оплатил штраф, назначенный ему в качестве административного наказания Фокинским гарнизонным военным судом.

Таким образом, приказ командующего Тихоокеанским флотом от 10 июля 2015 г. об увольнении М. с военной службы издан за пределами установленного срока, требования п. 2.2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» должностным лицом нарушены.

Тихоокеанский флотский военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял по делу новое – о восстановлении М. на военной службе.

Отсутствие воинских должностей, исполнение обязанностей по которым не связано с допуском к государственной тайне, обоснованно повлекло увольнение с военной службы военнослужащего, лишённого допуска к государственной тайне

В мае и августе 2014 года Г. дважды выезжал за пределы территории Российской Федерации без получения соответствующего разрешения командования и уведомления о своих поездках на территории иностранных государств.

На основании заключения комиссии приказом начальника Управления кадров федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, Г. прекращен допуск к государственной тайне и он уволен с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне.

Считая свои права нарушенными, Г. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия начальника Управления кадров, связанные с его увольнением с военной службы, и обязать названное должностное лицо отменить приказ об увольнении, восстановив его на военной службе в прежней должности.

Решением Московского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

При этом суды первой и апелляционной инстанции правомерно исходили из следующего.

В соответствии с подп. «г» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с лише-

нием допуска к государственной тайне - при лишении допуска к государственной тайне военнослужащего, занимающего воинскую должность (должность), связанную с допуском к государственной тайне, при невозможности назначения на другую воинскую должность (должность) и отсутствии других оснований для увольнения.

По делу установлено, что офицерских должностей, не предусматривающих допуска к государственной тайне, в федеральном органе не имеется, а иные основания для увольнения Г. отсутствуют.

Поскольку увольнение истца с военной службы явилось следствием лишения допуска к государственной тайне, а возможность его использования на других воинских должностях отсутствует, суды пришли к верному выводу о законности действий начальника Управления кадров, связанных с увольнением Г. с военной службы.

Неправильное определение судом полномочий воинского должностного лица по увольнению административного истца с военной службы повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 211-КГ16-32 по заявлению М. (извлечение)

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 28 апреля 2016 г. отменено решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 20 февраля 2016 г. по административному исковому заявлению М., в котором он просил признать незаконными приказ командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. в части увольнения с военной службы по истечении срока контракта и приказ командира воинской части от 11 января 2016 г. в части исключения из списков части.

По делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение флотского военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г. М. был назначен на должность заместителя командира бригады по вооружению – начальником технической части бригады, входящей в войска Восточного военного округа, со штатной должностной категорией «подполковник».

Приказом командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. М. уволен с военной службы по истечении срока контракта и приказом командира воинской части от 11 марта 2016 г. исключен из списков части с 16 марта 2016 г.

Удовлетворяя требования М. о восстановлении на военной службе, флотский военный суд в обоснование указал, что приказ об увольнении административного истца является незаконным ввиду отсутствия у командующего войсками Восточного военного округа полномочий по решению вопроса о его увольнении.

Придя к такому выводу, суд апелляционной инстанции сослался на ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53 «О воинской обязанности и военной службе», подп. «в» п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 16 сентября 1999 г. № 1237, и приказ Министра обороны Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. «О мерах по реализации правовых актов по вопросам назначения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождению их от воинских должностей, увольнению их от воинских должностей, увольнению с военной службы и присвоению им воинских званий», которым утвержден Порядок реализации правовых актов по вопросам назначения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождению их от воинских должностей, увольнению с военной службы и присвоению им воинских званий (далее – Порядок).

Согласно абзацу второму п. 5 Порядка (в редакции приказа Министра обороны РФ от 14 декабря 2015 г. № 781, примененной судом в данном деле) назначение военнослужащих на воинские должности заместителей командиров бригад, отвечающих за организацию материально-технического обеспечения, со штатно-должностной категорией до подполковника, капитана 2 ранга включительно и им равные осуществляется приказами заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за организацию материально-технического обеспечения войск (сил).

Исходя из содержания приведенной нормы во взаимосвязи со ст. 102 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, согласно которой заместитель командира полка по вооружению – начальник технической части в мирное и военное время отвечает за техническое обеспечение полка, флотский военный суд посчитал, что М., занимавший должность заместителя командира бригады по вооружению – начальника технической части бригады, назначенный на должность приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за материально-техническое обеспечение войск (сил), мог быть уволен лишь по решению этого же воинского должностного лица либо вышестоящего прямого начальника.

Указанный вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном применении норм материального права.

Принимая обжалуемое решение, суд апелляционной инстанции не учел, что правовое регулирование отношений, по поводу которых возник спор, непосредственно осуществляется нормами Порядка, подлежащими применению в соответствии с их буквальным содержанием, не допускающим расширительного толкования.

Примененная Тихоокеанским флотским военным судом редакция абзаца второго п. 5 Порядка вступила в силу 31 января 2016 г. по истечении 10 дней после ее официального опубликования 20 января 2016 г.

Следовательно, при оценке законности приказа командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. об увольнении М. суд неправильно руководствовался ею, поскольку на момент издания приказа содержание названной нормы было иным, а именно: «Назначение военнослужащих на воинские должности заместителей командиров бригад по материально-техническому обеспечению со штатно-должностной категорией до подполковника,

капитана 2 ранга включительно и им равные осуществляется приказами заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за организацию материально-технического обеспечения войск (сил)».

Таким образом, исходя из буквального содержания указанной нормы в редакции, подлежащей применению в данном деле, во взаимосвязи с подп. «в» п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 16 сентября 1999 г. № 1237, заместитель Министра обороны Российской Федерации, отвечающий за организацию материально-технического обеспечения войск (сил), был наделен полномочиями по назначению военнослужащих на воинские должности заместителей командиров бригад по материально-техническому обеспечению со штатно-должностной категорией до подполковника, капитана 2 ранга включительно и увольнению с этих должностей.

Как следует из содержания приказа заместителя Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г., М. был назначен на должность заместителя командира бригады по вооружению – начальника технической части, которая не является идентичной должности заместителя командира бригады по материально-техническому обеспечению.

Соответственно, особый порядок назначения на данную должность и увольнения с военной службы, установленный абзацем вторым п. 5 Порядка в действующей редакции, на М. не распространялся.

Ссылка суда апелляционной инстанции на ст. 102 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации необоснованна, поскольку в данной норме определены обязанности заместителя командира полка по вооружению (инженерно-авиационной службе), а не бригады.

Вместе с тем в соответствии с п. 10 Порядка командующий войсками Восточного военного округа на момент издания приказа обладал полномочиями по назначению на должности и увольнению с военной службы военнослужащих, проходящих службу на всех иных должностях, для которых штатом предусмотрены воинские звания до подполковника, капитана 2 ранга включительно, в органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях и организациях, находящихся в его непосредственном и прямом подчинении.

Таким образом, оснований для признания незаконными обжалуемых приказов в отношении М. по мотивам превышения должностными лицами полномочий не имеется.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение флотского военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и при отсутствии других оснований для увольнения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2017 года № 205-КГ17-1 по заявлению С. (извлечение)

Решением Севастопольского гарнизонного военного суда от 17 декабря 2015 года административное исковое заявление С. удовлетворено частично.

Суд признал незаконными приказы командующего Черноморским флотом и командира воинской части об увольнении административного истца с военной службы по истечении срока контракта и исключении ее из списков части. В удовлетворении требований о возложении на названных должностных лиц обязанности по увольнению С. с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями после обеспечения жильем судом отказано.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 20 апреля 2016 года решение гарнизонного военного суда в части удовлетворения административного искового заявления отменено и по делу принято новое решение об отказе С. в удовлетворении ее требований.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения жалобы.

В соответствии со статьей 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются такие существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений судом апелляционной инстанции не допущено.

Из материалов дела следует, что С., общая продолжительность военной службы которой составляла более 20 лет, 21 марта 2014 года заключила новый контракт о прохождении военной службы сроком на один год, т.е. по 20 марта 2015 года. В связи с сокращением должности истец с 29 августа 2014 года зачислена в распоряжение командира.

30 октября 2014 года она обратилась по команде с рапортом об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с одновременным обеспечением ее до увольнения жильем.

До окончания срока контракта С. с рапортом по команде о заключении с ней нового контракта не обращалась, а 25 мая, 1 июня и 21 сентября 2015 года, настаивая на увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями, отказалась от заключения нового контракта о прохождении военной службы и от назначения на воинские должности.

Приказом командующего Черноморским флотом от 16 октября 2015 года С. уволена с военной с военной службы в запас по истечении срока контракта о прохождении военной службы и приказом командира воинской части от 24 октября 2015 года исключена в связи с этим из списков части.

Удовлетворяя требования С. о восстановлении ее на военной службе и в списках части, гарнизонный военный суд исходил из того, что после истечения шестимесячного срока нахождения истца в распоряжении командира в связи с организационно-штатными мероприятиями она приобрела право на увольнение по названному основанию с предварительным обеспечением жильем.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции посчитал, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями является прерогативой командования, а поскольку до истечения срока контракта С. не просила заключить с ней новый контракт и отказалась от предложенных должностей, она подлежала увольнению по истечении срока контракта. Кроме того, окружной военный суд указал, что права С. на обеспечение жильем не нарушены, поскольку она оставлена в списках нуждающихся в жилых помещениях.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на правильном толковании закона.

В суде установлено, что в период нахождения С. в распоряжении командира имелась возможность назначить ее на равную воинскую должность, о чем в том числе дал показания в судебном заседании представитель командующего Черноморским флотом, пояснив при этом, что таких должностей только на Черноморском флоте было более ста, а назначение истца на должность не состоялось в связи с отсутствием у нее желания продолжать военную службу после истечения 20 марта 2015 года заключенного с ней контракта.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно п.п. «а» пункта 2 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Увольнение по названному основанию в соответствии с подпунктом «а» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237 (далее – Положение о порядке прохождения военной службы), допускается при отсутствии других оснований для увольнения: при сокращении занимаемой им воинской должности (должности), невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность); по истечении сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных пунктом 4 статьи 42 Федерального закона и названным положением, при невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность).

Содержание названных правовых норм указывает на то, что военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и при отсутствии других оснований для увольнения.

Кроме того, согласно пункту 9 статьи 9 Положения о порядке прохождения военной службы (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) для заключения нового контракта военнослужащий, у которого заканчивается срок действующего контракта, подает по команде рапорт должностному лицу, которое вправе заключать с ним новый контракт, до окончания срока предыдущего контракта.

Из изложенного следует, что свое желание продолжить военную службу военнослужащий должен подтвердить до окончания срока предыдущего контракта посредством обращения по команде с соответствующим рапортом.

Однако этого истцом сделано не было как в период нахождения ее в распоряжении командира, так и после окончания этого периода, но до истечения срока предыдущего контракта.

При таких данных, поскольку в период нахождения в распоряжении командира имелась возможность назначения С. на равную воинскую должность, однако она отказалась от заключения нового контракта до истечения действия предыдущего, а другие основания для ее увольнения отсутствовали, отказ командования уволить истца с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и увольнение ее по истечении срока контракта основаны на законе.

Согласно пункту 13 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы.

Как усматривается из материалов дела, С. признана нуждающейся в жилом помещении по месту военной службы и после увольнения в запас с жилищного учета не снята. Денежным и другим довольствием истец на момент исключения из списков части обеспечена.

Следовательно, права истца при ее увольнении с военной службы и исключении из списков части не нарушены.

Установив названные обстоятельства, суд апелляционной инстанции обоснованно признал законными оспариваемые приказы об увольнении С. с военной службы в запас по истечении срока контракта и исключении ее из списков части, в связи с чем правомерно отказал в удовлетворении административного искового заявления, отменив в указанной части решение гарнизонного военного суда.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 20 апреля 2016 года по административному исковому заявлению С., а ее кассационную жалобу – без удовлетворения.

Неоднократные нарушения военнослужащим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 года № 204-КГ16-7 по заявлению А. (извлечение)

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 года отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 года о целесообразности увольнения ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воин-

ской части от 16 июня 2016 года о ее увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 года решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных органах ФСБ России на воинской должности контроллера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендатуры).

В период с декабря 2014 года по апрель 2015 года А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 года ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 года – выговор за отсутствие 31 декабря 2014 года доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с начальником подразделения; 10 апреля 2015 года – строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона.

Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки ее служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 года А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части.

Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное ее привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с ее стороны условий контракта.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с частью 3 статьи 32 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») условия контракта о прохождении военной службы включают обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности,

установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно подпункту «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в подпункте «в» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинарных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведенные обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о ее соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц.

Согласно статье 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 (далее – Дисциплинарный устав), определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено пунктом 1 статьи 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим ее досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Вина военнослужащего привлекаемого к дисциплинарной ответственности должна быть доказана в соответствии с федеральными законами и установлена решением командира

Ч., проходящему военную службу по контракту в должности заместителя начальника штаба учебной авиационной базы, приказом командира этой авиационной базы от 5 ноября 2015 г. объявлен строгий выговор за некачественную подготовку документов и несоблюдение сроков их представления.

Решением Саратовского гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления Ч., оспорившего названные действия командира воинской части, отказано.

Приволжский окружной военный суд отменил решение суда первой инстанции в связи с несоответствием выводов гарнизонного военного суда обстоятельствам дела и принял новое решение об удовлетворении заявления Ч. по следующим основаниям.

Согласно ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности. Военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина. Вина военнослужащего при привлечении его к дисциплинарной ответственности должна быть доказана в порядке, установленном Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и другими федеральными законами, и установлена решением командира или вступившим в законную силу постановлением судьи военного суда. Военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, толкуются в его пользу.

В соответствии со ст. 28.8 этого же закона по каждому факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка проводится разбирательство.

При привлечении Ч. к дисциплинарной ответственности вышеназванные требования закона соблюдены не были.

Из материалов дела следует, что 26 октября 2015 г. командир авиационной базы приказал начальнику штаба базы подготовить проект приказа и план мероприятий по обеспечению безопасности военной службы в выходные и праздничные дни 3 и 4 ноября 2015 г. В свою очередь, начальник штаба 28 октября 2015 г. поручил это сделать Ч., как своему заместителю по службе войск и безопасности военной службы. Приказ, проект которого подготовил Ч., был подписан командиром базы 30 октября 2015 г., а 31 октября 2015 г. начальник штаба телеграммой доложил вышестоящему командованию о составлении плана выполнения указанных в телеграмме мероприятий.

5 ноября 2015 г. Ч. привлечен к дисциплинарной ответственности за некачественную подготовку документа и несоблюдение сроков его изготовления.

Между тем в суде установлено, что подготовленные Ч. проекты приказа и плана мероприятий были переданы установленным порядком на подпись долж-

ностным лицам 29 октября 2015 г. Каких-либо замечаний и указаний по их доработке от должностных лиц не последовало.

Более того, начальник штаба авиационной базы, непосредственно отвечающий за своевременность и правильность разработки этих документов, 31 октября 2015 г. доложил в вышестоящий штаб об исполнении приказа.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что ответственными за правильное и своевременное исполнение распоряжения вышестоящего командования являлись должностные лица авиационной базы, наделенные полномочиями по изданию соответствующих документов и их подписанию, а не Ч., являвшийся техническим исполнителем, к которому претензий по поводу правильности их оформления после исполнения им соответствующего поручения не предъявлялось.

Кроме того, разбирательство по данному факту не проводилось, обстоятельства, связанные с совершением Ч. дисциплинарного проступка, не выяснялись.

При таких данных, а также учитывая, что в силу п. 7 ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, не обязан доказывать свою невиновность, а неустрашимые сомнения в виновности военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, толкуются в его пользу, суд апелляционной инстанции признал незаконным привлечение Ч. к дисциплинарной ответственности.

Закон не связывает право военнослужащего на возмещение морального вреда, причиненного необоснованным увольнением, с основаниями, по которым увольнение с военной службы признано незаконным

Г. обратился в гарнизонный военный суд с иском к Федеральному казенному учреждению «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Забайкальскому краю», в котором просил взыскать в его пользу компенсацию морального вреда в размере 20 000 рублей, причиненного ему необоснованным увольнением с военной службы.

Решением Читинского гарнизонного военного суда Г. в удовлетворении искового заявления отказано. При этом суд первой инстанции посчитал, что истцу каких-либо физических или нравственных страданий причинено не было, поскольку приказ командования об увольнении административного истца с военной службы был признан судом незаконным как изданный ненадлежащим должностным лицом.

Рассмотрев дело в апелляционном порядке, Восточно-Сибирский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение о частичном удовлетворении искового заявления, взыскав с финансового довольствующего органа в пользу Г. компенсацию морального вреда в размере 5000 рублей.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

В соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в случае необоснованного увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, причиненный таким увольнением моральный вред подлежит возмещению по решению суда на основании волеизъявления военнослужащего.

Содержание названной нормы указывает на то, что право военнослужащего на возмещение морального вреда не зависит от оснований, по которым его увольнение с военной службы признано необоснованным.

Как следует из материалов дела, ранее принятым судебным решением приказ об увольнении Г. с военной службы признан незаконным, истец восстановлен на военной службе.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции правомерно, сославшись на п. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», взыскал в пользу Г. компенсацию морального вреда, причиненного необоснованным увольнением с военной службы.

2. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЕНЕЖНЫМ ДОВОЛЬСТВИЕМ И ИНЫМИ ОТДЕЛЬНЫМИ ВЫПЛАТАМИ

Денежное довольствие военнослужащего, отстраненного от воинской должности в соответствии с Дисциплинарным уставом, состоит из оклада по воинскому званию, оклада по последней занимаемой воинской должности и ежемесячной надбавки за выслугу лет

П., досрочно уволенный с военной службы в запас в связи с невыполнением им условий контракта, приказом командира воинской части исключен из списков личного состава воинской части с 5 апреля 2016 г.

Считая свои права нарушенными, П. обратился в суд с соответствующим заявлением, в котором просил признать незаконным приказ об исключении из списков личного состава воинской части в связи с необеспечением дополнительными выплатами (надбавками за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, классную квалификацию (квалификационную категорию), особые условия военной службы и ежемесячной премией за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей) за период с января 2016 года по день фактической сдачи им дел и должности – 16 марта 2016 г.

Читинский гарнизонный военный суд решением требования П. об обеспечении его перечисленными дополнительными выплатами удовлетворил.

При этом гарнизонный военный суд исходил из того, что эти выплаты в силу п. 38 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих, производятся военнослужащему вплоть до освобождения от исполнения обязанностей по занимаемой им воинской должности.

Восточно-Сибирский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение об отказе в удовлетворении данных требований, исходя из следующего.

Согласно п. 1 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих», одной из мер обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке является временное отстранение военнослужащего от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей.

В соответствии с п. 6 указанной статьи временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей может быть применено к военнослужащему или гражданину, призванному на военные сборы, в случаях, когда совершенный им дисциплинарный проступок препятствует исполнению его должностных и (или) специальных обязанностей или исполнению обязанностей военной службы другими военнослужащими или гражданами, призванными на военные сборы, либо когда исполнение военнослужащим или гражданином, призванным на военные сборы, должностных и (или) специальных обязанностей препятствует (может препятствовать) всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению обстоятельств совершения им дисциплинарного проступка, выявлению причин и условий, способствовавших его совершению. Временное отстранение от исполнения должностных и (или) спе-

специальных обязанностей осуществляется на срок не более чем до принятия решения по результатам рассмотрения материалов о дисциплинарном проступке, а в случае назначения дисциплинарного взыскания - не более чем до окончания исполнения дисциплинарного взыскания; временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей осуществляется в порядке, установленном общевоинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии со ст. 51 Дисциплинарного устава в целях пресечения дисциплинарного проступка, установления личности нарушителя, а также подготовки материалов о дисциплинарном проступке и обеспечения своевременного и правильного их рассмотрения, к военнослужащему может быть применено временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей в качестве меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке.

Содержание этих норм указывает, что временное отстранение военнослужащего от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей может быть применено к военнослужащему в крайних, нетерпящих отлагательства случаях обеспечения производства именно по материалам о дисциплинарном проступке, а в случае назначения дисциплинарного взыскания данная мера сохраняет свое действие до окончания исполнения дисциплинарного взыскания.

Как следует из материалов дела, П., имевший с марта 2015 года неснятое дисциплинарное взыскание в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, в августе 2015 года совершил два грубых дисциплинарных проступка. В связи с этим в августе 2015 года командованием инициирована процедура его досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Приказом командира воинской части от 19 августа 2015 г. по итогам служебного разбирательства П. отстранен от исполнения должностных обязанностей начальника штаба воинской части, а исполнение обязанностей по этой должности возложено на иного военнослужащего.

Согласно п. 152 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих за период нахождения военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в распоряжении командира (начальника) ему выплачиваются оклад по воинскому званию, оклад по последней занимаемой воинской должности и ежемесячная надбавка за выслугу лет.

В соответствии с п. 167 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих военнослужащим, отстраненным от воинских должностей в соответствии с Дисциплинарным уставом, денежное довольствие со дня, следующего за днем освобождения от воинских должностей, выплачивается в порядке, предусмотренном п. 152 этого Порядка.

Указанные выплаты с учетом районного коэффициента и процентной надбавки за выслугу лет в отдаленной местности, в том числе за период с 1 января по 16 марта 2016 г. П. ежемесячно перечислялись на его банковскую карту.

При таких обстоятельствах правовых оснований для выплаты П. дополнительных выплат в объеме, установленном для военнослужащего, находящегося на воинской должности, не имелось.

Дополнительные социальные гарантии, установленные для военнослужащих Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, распространяются на военнослужащих, командированных в воинские части из состава группировки на весь период нахождения в командировке

Б. с 23 ноября 2014 г. по 5 марта 2015 г. находился в служебной командировке в Объединенной группировке войск (сил) в г. Ханкале и в указанный период привлекался к мероприятиям, связанным с проведением контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона.

По возвращении из командировки Б. была выплачена ежемесячная надбавка к денежному довольствию в размере 2 месячных окладов в соответствии с занимаемой воинской должностью только за периоды участия в указанных операциях.

В заявлении Б. просил обязать руководителя Федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Новосибирской области» произвести ему выплату указанной надбавки за весь период нахождения в служебной командировке.

Томский гарнизонный военный отказал в удовлетворении требований Б., посчитав, что оспариваемая надбавка выплачивается военнослужащим пропорционально количеству дней его участия в контртеррористических операциях.

Такой вывод суда основан на неправильном применении норм материального права.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1174 «О дополнительных выплатах отдельным категориям военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти» (далее в примере – Постановление) установлены дополнительные социальные гарантии военнослужащим Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации».

В соответствии с подп. «а» и «б» п. 1 Постановления дополнительные социальные гарантии предоставляются военнослужащим, командированным в воинские части, учреждения, подразделения и органы, дислоцированные на постоянной основе, в том числе, на территории Чеченской Республики.

Согласно подп. «а» п. 2 Постановления указанным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предусмотрена выплата ежемесячной надбавки к денежному довольствию в размере 2 месячных окладов в соответствии с занимаемой воинской должностью.

В соответствии с подп. «а» п. 1 приказа Министра обороны Российской Федерации от 13 января 2010 г. № 10 «О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим и лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» гарантии командированным военнослужащим предоставляются со дня прибытия в указанные воинские части и по день убытия из них.

Таким образом, основанием для выплаты оспариваемой надбавки применительно к Б. является факт нахождения его в служебной командировке в воин-

ской части из состава Объединенной группировке войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона.

На основании изложенного Западно-Сибирский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение о выплате Б. надбавки за весь период его нахождения в указанной служебной командировке.

Военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащим увольнению с военной службы по достижении предельного возраста, с даты наступления такового и по день исключения из списков личного состава воинской части выплачиваются оклады по воинским должностям согласно тарифным разрядам, установленным на день наступления предельного возраста

С. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия ответчиков по выплате ему с декабря 2014 года денежного довольствия по 14 тарифному разряду и обязать должностных лиц произвести перерасчет денежного довольствия исходя из оклада по воинской должности по 19 тарифному разряду.

Отказывая в удовлетворении заявления, Северодвинский гарнизонный военный суд пришел к выводу, что выплата сохраненного оклада по прежней воинской должности производится лишь в период военной службы на той должности, на которую военнослужащий назначен с сохранением указанного оклада. Поскольку с 27 ноября 2014 г. С., достигший предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями освобожден от занимаемой воинской должности, на которую в 2010 году был назначен с сохранением оклада по ранее занимаемой им должности согласно 19 тарифному разряду, то с указанной даты утратил соответствующее право.

Северный флотский военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, признал, что выводы суда первой инстанции основаны на неверном толковании норм материального права.

Из материалов дела следует, что 25 июня 2009 г. С. заключил контракт о прохождении военной службы до достижения им предельного возраста – 5 февраля 2013 г.

По месту прохождения военной службы жильем он обеспечен не был и настаивал на увольнении после обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства.

В соответствии с п. 20 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих лицам, подлежащим увольнению с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, со дня достижения предельного возраста и по день исключения из списков личного состава воинской части оклады по воинским должностям выплачиваются согласно тарифным разрядам, установленным на день наступления предельного возраста.

На момент достижения предельного возраста пребывания на военной службе (5 февраля 2013 г.) истцу был сохранен оклад по ранее занимаемой им должности согласно 19 тарифному разряду, в связи с чем, в силу вышеназванной правовой нормы, за ним сохранялось право на получение денежного довольствия с учетом указанного оклада до исключения из списков личного состава воинской части при увольнении.

Принимая во внимание указанные нормы материального права и учитывая приведенные обстоятельства, флотский военный суд отменил решение суда пер-

вой инстанции и принял новое решение, которым действия должностных лиц по установлению С. оклада по воинской должности согласно 14 тарифному разряду признал незаконными, обязав произвести перерасчет и выплату денежного довольствия С. исходя из оклада по воинской должности по 19 тарифному разряду.

Выплата подъемного пособия производится военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт в связи с назначением на воинскую должность или в связи с передислокацией воинской части

В связи с переездом к новому месту службы при назначении на другую воинскую должность В. обратился к командиру воинской части с рапортом о выплате подъемного пособия на него и членов его семьи. Указанным должностным лицом издан проект приказа, в согласовании которого руководителем управления финансового обеспечения отказано.

В. оспорил данный отказ в судебном порядке, просил обязать руководителя управления финансового обеспечения согласовать указанный проект приказа.

Решением Астраханского гарнизонного военного суда административное исковое заявление удовлетворено.

Оспоренные действия руководителя управления финансового обеспечения признаны незаконными и на него возложена обязанность согласовать проект приказа.

При рассмотрении дела Северо-Кавказским окружным военным судом в апелляционном порядке выводы гарнизонного военного суда признаны правильными.

В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт в связи с назначением на воинскую должность или в связи с передислокацией воинской части производится выплата подъемного пособия.

Аналогичное положение содержится в п. 131 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих.

Следовательно, указанные правовые нормы связывают выплату подъемного пособия с переездом к новому месту военной службы, находящемуся в ином населенном пункте, и наличием оснований, предусмотренных указанным Федеральным законом, для данного переезда.

По делу установлено, что воинская часть дислоцирована в с. Тамбовка Астраханской области. Между тем одно из ее подразделений (радиотехнический батальон), на воинскую должность в которое назначен истец, фактически расположено в г. Астрахани. При этом истец с членами семьи после его назначения на воинскую должность фактически переехал в г. Астрахань.

Нахождение радиотехнического батальона в ином населенном пункте, удаленном от прежнего места военной службы В. более чем на 140 км, а также фактическое исполнение истцом обязанностей по новому месту службы подтверждено сообщением командира воинской части.

При таких обстоятельствах суд пришел к правильному выводу о том, что в связи с назначением на воинскую должность истец фактически осуществил переезд на новое место службы в иной населенный пункт, а поэтому имеет право на подъемное пособие.

3. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ЖИЛИЩЕ

Избрание гражданами постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания их нуждающимися в жилых помещениях.

Прапорщик З. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным утвержденное командиром решение жилищной комиссии воинской части об отказе в принятии на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в г. Санкт-Петербурге.

Решением гарнизонного военного суда требования З. удовлетворены по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что административный истец (далее – истец), общая продолжительность военной службы которого составляет более 20 лет, по месту военной службы в г. Архангельске обеспечен жилым помещением за счет федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба (далее – федеральный орган власти, в котором предусмотрена военная служба).

В связи с предстоящим увольнением в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе З. обратился к командованию с рапортом о принятии его на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в г. Санкт-Петербурге на семью из одного человека, представив нотариально удостоверенное обязательство об освобождении и сдаче занимаемого жилого помещения, однако получил отказ по тем основаниям, что по месту военной службы он обеспечен жилым помещением более учетной нормы.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов.

Согласно подп. «и» п. 7 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054, избрание гражданами постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания их нуждающимися в жилых помещениях.

При этом в соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» документы о сдаче жилых помещений федеральному органу власти, в котором предусмотрена военная служба, и снятии с регистрационного

учета по прежнему месту жительства представляются гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Поскольку З. имеет общую продолжительность военной службы более 10 лет, подлежит увольнению по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, избрал местом жительства населенный пункт, отличный от места военной службы, и представил обязательство об освобождении и сдаче занимаемого жилого помещения, он обоснованно поставил вопрос об обеспечении его жильем в г. Санкт-Петербурге.

При таких данных суд первой инстанции правомерно признал незаконным утвержденное командиром решение жилищной комиссии воинской части об отказе в принятии З. на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении в избранном после увольнения с военной службы месте жительства.

Заключение военнослужащим контракта сверх предельного возраста пребывания на военной службе не является основанием для снятия его с учета нуждающихся в жилых помещениях по избранному месту жительства.

Прапорщик Б., проходившая военную службу по контракту, заключенному до достижения предельного возраста пребывания на военной службе, и имевшая на тот период общую продолжительность военной службы более 10 лет, была принята на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении в избранном постоянном месте жительства г. Нижний Новгород.

После истечения срока контракта с Б. заключен новый контракт сверх предельного возраста сроком на три года.

Решением уполномоченного органа Б. снята с учета нуждающихся в жилом помещении согласно п. 2 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ ввиду утраты основания, дающего право на получение жилого помещения по договору социального найма. Жилищный орган исходил из того, что Б. проходит военную службу по контракту, заключенному до 9 сентября 2017 г., и по месту военной службы в пос. Мулино Нижегородской области обеспечена жилым помещением по договору социального найма в соответствии с учетной нормой, установленной в указанном населенном пункте.

Посчитав свои права нарушенными, Б. обратилась в суд с заявлением, в котором просила возложить на уполномоченный орган обязанность отменить названное решение и восстановить ее на учете в качестве нуждающейся в жилом помещении.

Гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления Б. отказал в связи с тем, что в период военной службы у нее отсутствует право быть признанной нуждающейся в жилом помещении по избранному месту жительства.

Апелляционным определением окружного военного суда решение суда первой инстанции отменено, и по делу принято новое решение об удовлетворении требований Б. В обоснование суд апелляционной инстанции привел следующие доводы.

В соответствии с подп. «а» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жильем помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов.

При таких данных Б., чей предельный возраст пребывания на военной службе наступил в период прохождения военной службы, правомерно поставила вопрос о принятии на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении по избранному месту жительства и обоснованно была принята на данный учет. Что касается прохождения ею военной службы по контракту, заключенному сверх предельного возраста пребывания на военной службе, то само по себе это обстоятельство не является основанием для снятия ее с данного учета.

Согласно подп. «а» п. 3 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в том числе при истечении срока, на который ему продлена военная служба в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 49 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», либо в течение указанного срока при нежелании продолжать военную службу.

Таким образом, до истечения срока контракта, заключенного сверх предельного возраста, Б. вправе уволиться с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

В связи с изложенным решение уполномоченного органа нельзя признать обоснованным.

Решение вопроса об увольнении военнослужащего по достижении предельного возраста пребывания на военной службе либо о заключении нового контракта, а, следовательно, решение о постановке его на жилищный учет по избранному месту жительства, принимается за шесть месяцев до истечения срока действия ранее заключенного контракта.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением флотского военного суда, удовлетворено заявление подполковника Б., в котором он просил признать незаконными решения начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе в предоставлении жилого помещения в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в г. Санкт-Петербурге на семью из трех человек и о снятии с учета нуждающихся в жилых помещениях.

На начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье» судом возложена обязанность по восстановлению Б. на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении и повторному рассмотрению вопроса о предоставлении жилого помещения.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье», отменила состоявшиеся судебные акты, поскольку судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, которая выразилась в следующем.

Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ внесены изменения в п. 1 ст. 49 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которым предельный возраст пребывания на военной службе для военнослужащих в воинском звании подполковник установлен 50 лет вместо 45 лет.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ данный закон вступил в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования, то есть 30 сентября 2014 г., а военнослужащие, заключившие новый контракт о прохождении военной службы до наступления предельного возраста пребывания на военной службе до дня вступления в силу названного федерального закона, вправе уволиться с военной службы по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что она установила исключение для военнослужащих, которые при наличии возможности продолжить военную службу до 50 лет сохранили право на увольнение по достижении предельного возраста пребывания на военной службе по ранее действовавшему законодательству в 45 лет.

Вместе с тем порядок и сроки принятия решения об увольнении либо о продолжении военной службы для такой категории военнослужащих исключений не содержат, и эти военнослужащие увольняются по ранее установленным правилам.

Порядок представления военнослужащего к увольнению с военной службы, в силу п. 13 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, определяется руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

Согласно ст. 28 Порядка организации прохождения военной службы по контракту, утвержденного приказом МО России от 30 октября 2015 г. № 660, уточнение у военнослужащего вопроса заключения им нового контракта производится за шесть месяцев до достижения военнослужащим предельного возраста пребывания на военной службе или окончания соответствующего контракта. При этом учитывается наличие у военнослужащего необходимой выслуги лет для назначения пенсии за выслугу лет, состояние здоровья, обеспеченность жильем помещением по установленным нормам.

Аналогичные положения содержались в ранее действовавшем приказе МО России от 30 сентября 2002 г. № 350.

Приведенные предписания правовых норм во взаимосвязи с положениями ст. 49 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в статьи 49 и 53 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» указывают на то, что решение определенной категорией военнослужащих, к которой относится заявитель, вопроса об увольнении по достижении предельного возраста пребывания на военной службе либо о заключении нового контракта

принимается за шесть месяцев до истечения срока действия ранее заключенного контракта.

Следовательно, принятие такими военнослужащими в указанный период решения о заключении нового контракта указывает на отсутствие обязанности у федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, по обеспечению их жилым помещением не по месту военной службы до наступления предельного возраста пребывания на военной службе по новому правовому регулированию.

В свою очередь, если военнослужащий, несмотря на возможность продолжения военной службы, за шесть месяцев до истечения срока контракта примет решение об увольнении на основании п. 2 ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в статьи 49 и 53 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», он вправе одновременно поставить вопрос об обеспечении его жилым помещением по избранному месту жительства.

Принятие решения об увольнении на более ранней стадии для данной категории военнослужащих, вопреки утверждению гарнизонного военного суда, не может влечь правовых последствий и, как следствие, возникновения у федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанности по признанию их нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

В связи с изложенным решение начальника отдела ФГКУ «Западрегионжиле» об отказе в предоставлении Б. жилого помещения в избранном после увольнения с военной службы месте жительства и о снятии с учета нуждающихся в жилых помещениях основаны на законе и прав истца не нарушают.

Военнослужащие, обеспечиваемые на весь период военной службы служебными жилыми помещениями, после достижения общей продолжительности военной службы 20 лет имеют право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по избранному месту жительства.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворено заявление подполковника В., в котором он просил признать незаконным решение начальника отдела ФГКУ «Западрегионжиле» об отказе в принятии на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Апелляционным определением окружного военного суда решение суда первой инстанции было отменено и по делу принято новое решение об отказе В. в удовлетворении заявления.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что В. в июне 1998 года был назначен на воинскую должность после окончания военного учебного заведения и получения в связи с этим офицерского воинского звания. С ноября 2002 года он проходит военную службу в Военно-воздушной академии, дислоцированной в г. Воронеж, где обеспечен служебным жильем.

В августе 2013 года, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет, В. был принят на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, в избранном месте жительства.

Однако решением начальника отдела ФГКУ «Западрегиионжилье» ему было отказано в предоставлении жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма, ввиду того, что он подлежит обеспечению на весь период военной службы служебным жильем и не представил документов, подтверждающих право на получение жилого помещения по договору социального найма.

Признавая отказ незаконным, суд первой инстанции указал в решении, что В. относится к категории военнослужащих, обеспечиваемых на весь период военной службы служебными жилыми помещениями, в связи с чем после 20 лет военной службы он, в силу прямого указания в законе, имел право находиться на учете нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая по делу новое решение о признании законным решения начальника отдела ФГКУ «Западрегиионжилье», суд апелляционной инстанции исходил из того, что право на выбор места жительства военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, имеют только при увольнении с военной службы, в связи с чем наличие у военнослужащего, не планирующегося к увольнению, общей продолжительности военной службы более 20 лет не является основанием для обеспечения его жилым помещением для постоянного проживания до увольнения с военной службы.

Однако такой вывод окружного военного суда на законе не основан.

Согласно абзацам четвертому и пятому п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями обеспечиваются военнослужащие, назначенные на воинские должности после получения профессионального образования в военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования и получения в связи с этим офицерского воинского звания (начиная с 1998 г.), и совместно проживающие с ними члены их семей.

Следовательно, В., назначенный на воинскую должность после окончания военного учебного заведения и получивший в связи с этим офицерское воинское звание после 1 января 1998 г., подлежит обеспечению на весь период военной службы служебным жилым помещением.

Данное обстоятельство имеет существенное значение, поскольку в соответствии с абзацем двенадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, федеральным органом власти, в котором предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственности бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по избранному постоянному месту жительства.

В силу абзаца тринадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» признание военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях осуществляется по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 51 ЖК РФ одним из условий признания гражданина нуждающимся в жилом помещении является обеспечение его общей площадью жилого помещения для постоянного проживания на одного члена семьи менее учетной нормы либо отсутствие такого жилого помещения вовсе.

Данных о нахождении в собственности заявителя или членов его семьи жилых помещений либо об обеспеченности их жилыми помещениями, предоставляемыми по договору социального найма, в материалах дела не содержится.

Таким образом, В. правомерно поставил вопрос о признании его нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, в связи с чем оспариваемое им решение начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе в предоставлении жилого помещения, как принятое без учета названных законодательных положений, является ошибочным, а вывод суда апелляционной инстанции о правомерности такого решения основан на неправильном толковании норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и оставила в силе решение гарнизонного военного суда.

Право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями, в том числе в форме предоставления жилищной субсидии, подлежит реализации в порядке очередности.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением флотского военного суда, удовлетворено заявление Ш., в котором он просил признать незаконным бездействие жилищного органа, связанное с неприятием своевременного решения о предоставлении ему жилищной субсидии.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Ш., имеющий общую продолжительность военной службы более 17 лет, 20 марта 2014 г. уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и с 16 мая того же года исключен из списков части с оставлением на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении.

15 декабря 2014 г. жилищным органом принято предварительное решение о предоставлении Ш. жилищной субсидии, которое с комплектом необходимых документов и учетным жилищным делом истца было направлено для принятия окончательного решения в ФГКУ «Западрегионжилье» и поступило туда 26 декабря 2014 г.

Уведомлением руководителя Федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу, Ленинградской области и Республике Карелия» от 14 января 2015 г. до сведения начальника ФГКУ «Западрегионжилье» доведены лимиты бюджетных обязательств по статье «Единовременная денежная выплата на приобретение жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации и гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы» в сумме 7 600 000 000 руб.

Признавая незаконным оспоренное истцом бездействие начальника ФГКУ «Западный регионжилье», суды исходили из того, что согласно п. 5 Порядка предоставления жилищной субсидии военнослужащим, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 510, решение о предоставлении жилищной субсидии военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей должно быть принято уполномоченным органом не позднее чем через десять дней со дня получения сведений, указанных в абзаце первом названного пункта, при отсутствии оснований для снятия этих лиц с учета нуждающихся в жилых помещениях. При наличии информации о доведении лимитов бюджетных обязательств до распорядителей должностным лицом не были направлены необходимые запросы и не принято решение о предоставлении Ш. и членам его семьи жилищной субсидии в установленные законом сроки, чем, по мнению судов, были нарушены права истца на своевременное получение субсидии.

Однако данный вывод судов основан на неправильном толковании норм материального права и противоречит материалам дела.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, предоставление жилищной субсидии является одной из форм обеспечения жильем военнослужащих.

Основания и порядок обеспечения военнослужащих жильем регулируются как нормами названного выше федерального закона, так и нормами ЖК РФ и принятыми в соответствии с ЖК РФ другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Порядок обеспечения жилыми помещениями, установленный законодательством Российской Федерации, в качестве одного из важнейших условий для предоставления жилья содержит положение о том, что жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет (ч. 1 ст. 57 ЖК РФ).

Аналогичный подход сформулирован в п. 11 Инструкции о предоставлении военнослужащим жилых помещений по договору социального найма, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280. При этом очередность определяется исходя из даты принятия военнослужащих на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 510 Порядок предоставления жилищной субсидии также разработан в целях реализации прав военнослужащих, гарантированных им ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Анализ приведенных выше норм свидетельствует о том, что право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями, в том числе в форме предоставления жилищной субсидии, должно реализовываться в порядке и на условиях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, то есть в порядке очередности.

Из материалов дела следует, что на момент обращения Ш. в суд в едином реестре военнослужащих, признанных нуждающимися в получении постоянных жилых помещений, состояло 687 человек, изъявивших желание быть обеспеченными жилищной субсидией, с датой постановки на учет ранее 7 октября 2013 г.

Таким образом, перед административным истцом значилось 687 человек, претендующих на получение жилищной субсидии, по отношению к которым он каких-либо льгот или преимуществ на получение такой субсидии вне очереди не имел, хотя право на получение такой субсидии у них возникло ранее, чем у Ш., а в силу ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Указанное обстоятельство суды обеих инстанций оставили без внимания, хотя, как это следует из п. 5 Порядка предоставления жилищной субсидии военнослужащим, утвержденного приказом МО России от 21 июля 2014 г. № 510, одним из условий для принятия в установленный срок решения о предоставлении жилищной субсидии военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей является наличие достаточных бюджетных ассигнований на реализацию выплаты жилищной субсидии, позволяющих обеспечить такой субсидией всех нуждающихся в получении постоянных жилых помещений граждан, изъявивших желание реализовать свое право на жилище в форме получения такой субсидии.

Таким образом, в случае, если поступивших на эти цели денежных средств не хватает для обеспечения в порядке очередности всех желающих получить названную субсидию, принятых на учет ранее Ш., следует исходить из того, что непосредственно для него денежные средства не выделялись и не поступали, в связи с чем решение о выплате этих средств принято быть не могло.

Однако суд должным образом не проверил, достаточно ли поступило денежных средств для обеспечения жилищной субсидией всех очередников, изъявивших желание реализовать свое право на жилище в форме получения такой субсидии ранее Ш., и его в том числе, а возлагать на начальника ФГКУ «Западрегион-жилье» обязанность по принятию решения о предоставлении истцу и членам его семьи этой субсидии вопреки правам и законным интересам других 687 человек, претендующих на получение жилищной субсидии ранее Ш., недопустимо.

Граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы.

Решением гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления майора запаса А., в котором он просил признать незаконным решение жилищно-

го органа об отказе в признании его в качестве нуждающегося в получении жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в г. Санкт-Петербурге.

Из материалов дела следует, что А. заключил первый контракт о прохождении военной службы в 1994 г. и был назначен на воинскую должность после окончания военно-учебного заведения до 1 января 1998 г., а по истечении в августе 2014 года срока контракта принял решение об увольнении с военной службы в запас.

Оснований для увольнения с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с организационно-штатными мероприятиями и по состоянию здоровья у него не имелось.

Полагая, что он вправе быть обеспеченным жилым помещением по избранному постоянному месту жительства, истец обратился в жилищный орган с заявлением о постановке на жилищный учет для получения жилья в г. Санкт-Петербурге, однако получил отказ.

Согласно п. 1 ст. 15 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на первые пять лет военной службы (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях профессионального образования) предоставлялись служебные жилые помещения или общежития, а при продолжении военной службы свыше этих сроков – жилые помещения на общих основаниях.

Названный закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Согласно абзацу третьему п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более - по избранному месту жительства.

Содержание названных норм в их взаимосвязи указывает на то, что военнослужащие, заключившие контракт и назначенные после окончания военно-учебного заведения на воинские должности до 1 января 1998 г., подлежат обеспечению жилыми помещениями на общих основаниях по месту военной службы (в прежней редакции закона – после пяти лет военной службы после окончания военно-учебного заведения).

Каких-либо оснований для обеспечения таких военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания не по месту военной службы в период ее прохождения не имеется. Право на обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства у них возникает только при увольнении с военной службы и только при наличии определенных условий, а именно при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

Что касается военнослужащих, обеспечиваемых на весь период военной службы только служебным жильем, то в силу абзаца двенадцатого п. 1 ст. 15 Закона таким военнослужащим в случае их признания нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по избранному постоянному месту жительства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 14 мая 2013 г. № 693-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нижегородцева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», дифференциация в формах обеспечения жильем подлежащих увольнению с военной службы военнослужащих, заключивших первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и после этой даты, будучи обусловленной различиями в обеспечении их жильем в период прохождения военной службы и другими юридически значимыми обстоятельствами, не влечет отступление от конституционного принципа равенства, поскольку данный принцип, гарантируя одинаковые права и обязанности для лиц, относящихся к одной категории субъектов права, не исключает возможность установления дифференцированного режима для различных категорий лиц, если такая дифференциация обусловлена объективными факторами и не носит произвольного, дискриминирующего характера. Подобный подход свидетельствует о намерении законодателя обеспечить преемственность нормативного регулирования права на жилище тех военнослужащих, на которых не распространяются новые, дополнительные формы обеспечения жилищных прав, не допуская при этом снижения ранее достигнутого уровня их социальной защищенности.

Таким образом, поскольку А. на весь период военной службы подлежал обеспечению жильем для постоянного проживания по месту прохождения военной службы и у него отсутствовали основания для увольнения по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с организационно-штатными

мероприятиями и по состоянию здоровья, то оснований для обеспечения его таким жильем по избранному месту жительства в ином населенном пункте не имелось.

Поскольку на дату исключения военнослужащего из списков части общая продолжительность его военной службы составляла менее 20 лет и он был уволен не по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, а по иному основанию, то основания для признания его нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, отсутствовали.

Решением гарнизонного военного суда Н. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, об отказе в постановке на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В суде установлено, что прапорщик Н., проходивший военную службу по контракту с августа 2002 года, приказом руководителя федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, уволен с военной службы в соответствии с подп. «г» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть в связи с лишением допуска к государственной тайне.

Общая продолжительность военной службы в календарном исчислении Н. составила менее 20 лет, что и явилось основанием для отказа ему во включении в список нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

В соответствии с абзацами четвертым и пятым п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями обеспечиваются военнослужащие, назначенные на воинские должности после получения профессионального образования в военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования и получения в связи с этим офицерского воинского звания (начиная с 1998 г.), и совместно проживающие с ними члены их семей.

Поскольку Н. заключил первый контракт о прохождении военной службы в августе 2002 года, то есть после 1 января 1998 г., то он подлежал обеспечению на весь период военной службы служебным жилым помещением.

Согласно абзацу двенадцатому п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более федеральными органами исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с

указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по избранному постоянному месту жительства.

При этом в соответствии с п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями.

Содержание названных норм Закона указывает на то, что военнослужащие, подлежащие обеспечению на весь период военной службы служебным жилым помещением, обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями по их выбору в собственность бесплатно или по договору социального найма при увольнении не по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, а по иному основанию лишь при общей продолжительности военной службы 20 лет и более.

Понятие общей продолжительности военной службы приведено в п. 2 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», под которой понимается общая продолжительность военной службы в календарном исчислении.

Таким образом, гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что Н., подлежащему обеспечению на весь период военной службы служебным жилым помещением, имеющему общую продолжительность военной службы менее 20 лет в календарном исчислении и уволенному с военной службы по истечении срока контракта, правомерно было отказано в постановке на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В период прохождения военной службы за пределами территории Российской Федерации военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., подлежат обеспечению жилыми помещениями по месту военной службы.

Решением гарнизонного военного суда с учетом изменений, внесенных апелляционным определением окружного военного суда, удовлетворено заявление Т. о признании незаконным решения заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе истцу в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе ФГКУ «Западрегионжилье», отменила судебные акты и приняла по делу новое решение об отказе Т. в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т., заключивший первый контракт до 1 января 1998 г. и имеющий общую продолжительность военной службы более 20 лет,

проходит военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации.

Т. обратился к начальнику ФГКУ «Западрегионжилье» с заявлением о принятии его на жилищный учет в г. Санкт-Петербурге.

Решением начальника ФГКУ «Западрегионжилье» заявителю отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 54 ЖК РФ, то есть в связи с непредставлением документов, подтверждающих право состоять на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении. Решение Т. оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что общая продолжительность военной службы истца составляет более 20 лет, он подлежит увольнению с военной службы по истечении срока контракта и по месту военной службы за пределами территории Российской Федерации не может быть в силу закона обеспечен жилым помещением, предоставляемым по договору социального найма, в связи с чем он имеет право на обеспечение жилищем в избранном месте жительства. Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права и не соответствуют обстоятельствам дела.

Согласно абзацу третьему п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом власти, в котором предусмотрена военная служба, предоставляются субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом власти по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., подлежат обеспечению жилыми помещениями по избранному месту жительства лишь при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

Из материалов дела следует, что заявитель, заключивший первый контракт до 1 января 1998 г. и подлежащий в связи с этим обеспечению жилым помещением для постоянного проживания по месту военной службы, проходит военную службу по контракту и к увольнению по достижении предельного возраста

пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями не планируется. Более того, по истечении срока контракта о прохождении военной службы он заключил новый контракт.

При таких данных Т. в период военной службы не вправе ставить вопрос об обеспечении жилым помещением по избранному месту жительства в г. Санкт-Петербурге.

Необеспечение Т. по месту военной службы за пределами территории Российской Федерации жильем для постоянного проживания не позволяет распространить на него, как ошибочно посчитали суды, положения абзаца двенадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которому военнослужащим-гражданам, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более федеральным органом власти, в котором предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по избранному постоянному месту жительства.

Право на обеспечение такими жилыми помещениями по месту военной службы Т. приобретет в случае ее продолжения на территории Российской Федерации, а за ее пределами он подлежит обеспечению служебным жильем.

Таким образом, вывод судов о незаконности решения заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе Т. в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по избранному постоянному месту жительства в период военной службы за пределами территории Российской Федерации на законе не основан.

В силу изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке решение гарнизонного и окружного военных судов и приняла по делу новое решение об отказе Т. в удовлетворении заявления.

Право на получение дополнительной общей площади жилого помещения по своему характеру является льготой, предоставляемой названной в законе категории военнослужащих с учетом их особого правового статуса.

Решением гарнизонного военного суда Л. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным решение начальника отдела ФГКУ «Центррегионжилье» об отказе в принятии его на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении с учетом его права на дополнительную площадь жилого помещения.

В обоснование принятого решения суд первой инстанции привел следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Л. проходит военную службу в управлении военных сообщений на должности начальника военных сообщений в воинском звании подполковник и с членами своей семьи принят на учет в качестве нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Полагая, что он имеет право на дополнительную общую площадь жилого помещения, Л. вновь обратился в указанный орган с заявлением о принятии на учет в качестве нуждающегося в получении жилья с учетом его права на дополнительную площадь, указав, что он фактически является командиром воинской части, которому такое право предоставлено законом.

Согласно п. 2 ст. 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий, имеющий воинское звание полковник, ему равное и выше, проходящий военную службу либо уволенный с военной службы по достижении им предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, командир воинской части, военнослужащий, имеющий почетное звание Российской Федерации, военнослужащий-преподаватель военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, военнослужащий – научный работник, имеющий ученую степень и (или) ученое звание, при предоставлении им жилого помещения, в том числе служебного жилого помещения, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров.

Изложенная норма Закона содержит исчерпывающий перечень военнослужащих и лиц, которым положена дополнительная общая площадь жилого помещения. Л. ни к одной из перечисленных категорий не относится.

То обстоятельство, что его должностные обязанности схожи с обязанностями командира, указанными в ст. 75, 76 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, не свидетельствует о том, что он фактически занимает должность командира воинской части, поскольку в указанных нормах эти обязанности закреплены для командиров (начальников) и основных должностных лиц полка (корабля) и являются общими обязанностями для командиров и начальников Вооруженных Сил Российской Федерации.

Кроме того, в 2010 г. Министром обороны Российской Федерации утвержден Порядок присвоения, применения и ведения учета действительных и условных наименований органов военного управления, объединений, соединений воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, в котором под воинской частью понимается организационно самостоятельная, административно-хозяйственная структура Вооруженных Сил Российской Федерации, содержащаяся по штату, утвержденному в установленном порядке.

При этом к воинским частям относятся: все полки независимо от их подчиненности (им равные и выше); корабли 1, 2 и 3 ранга; отдельные батальоны (дивизионы, эскадрильи и им равные), не входящие в состав полков (им равных и выше); отдельные роты, не входящие в состав батальонов (дивизионов, эскадрилий и им равных) и полков (им равных и выше).

Из изложенного следует, что возглавляемое Л. управление военных сообщений не относится к категории «воинская часть», а должность «начальник военных сообщений» нельзя считать должностью «командир воинской части», в связи с чем он не может претендовать на социальные гарантии, предоставляемые п. 2 ст. 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» командиру воинской части.

Командир воинской части при обеспечении жилым помещением имеет право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы в занимаемой должности.

Решением гарнизонного военного суда командиру воинской части Ю. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия начальника отдела ФГКУ «Востокрегионжилье», связанные с отказом в предоставлении ему субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия) с учетом его права на дополнительную площадь жилого помещения.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что должность командира воинской части, которую занимал Ю. во время прохождения военной службы, была сокращена, в связи с чем приказом командующего войсками Восточного военного округа он освобожден от занимаемой воинской должности и зачислен в распоряжение командира.

Согласно п. 2 ст. 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий, имеющий воинское звание полковник, ему равное и выше, проходящий военную службу либо уволенный с военной службы по достижении им предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, командир воинской части, военнослужащий, имеющий почетное звание Российской Федерации, военнослужащий – преподаватель военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, военнослужащий – научный работник, имеющий ученую степень и (или) ученое звание, при предоставлении им жилого помещения, в том числе служебного жилого помещения, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что командиры воинских частей, в отличие от офицеров в воинских званиях полковник, ему равном и выше, при обеспечении жилым помещением имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы.

Поскольку Ю. был освобожден от должности командира воинской части, то вывод гарнизонного военного суда о том, что с указанной даты право на обеспечение жильем с учетом дополнительной площади он утратил, является правильным.

Военнослужащий, имеющий воинское звание полковник, уволенный с военной службы по истечении срока контракта о прохождении военной службы, не имеет права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Гарнизонным военным судом отказано в удовлетворении заявления С., в котором он просил признать незаконным решение жилищного органа об отказе в предоставлении распределенной квартиры ввиду отсутствия у него права на получение жилого помещения с учетом дополнительной общей площади жилого помещения.

Из материалов дела следует, что С., имеющий воинское звание полковник, проходил военную службу в должности начальника кафедры Военно-воздуш-

ной академии и приказом Министра обороны Российской Федерации уволен с военной службы по истечении срока контракта.

В связи с увольнением ему на семью из одного человека была распределена двухкомнатная квартира общей площадью 59,9 кв.м с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Однако впоследствии решением уполномоченного органа С. было отказано в предоставлении распределенной квартиры в связи с тем, что правом на дополнительную общую площадь жилого помещения он не обладает, а квартира выделена с превышением нормы предоставления.

Согласно п. 2 ст. 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий, имеющий воинское звание полковник, ему равное и выше, проходящий военную службу либо уволенный с военной службы по достижении им предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, командир воинской части, военнослужащий, имеющий почетное звание Российской Федерации, военнослужащий – преподаватель военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, военнослужащий – научный работник, имеющий ученую степень и (или) ученое звание, при предоставлении им жилого помещения, в том числе служебного жилого помещения, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что военнослужащие, имеющие воинское звание полковник, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения в период военной службы либо при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Поскольку С. уволен с военной службы по истечении срока контракта, то вывод гарнизонного военного суда о том, что он не имеет права на дополнительную общую площадь жилого помещения, основан на законе.

Военнослужащие, являющиеся членами семьи военнослужащего, имеют право на обеспечение жилыми помещениями по одному основанию.

Майор Л. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным решение начальника ФГКУ «Западрегионжилье» о снятии его с учета в качестве нуждающегося в жилом помещении на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, то есть в связи с выявлением неправомерных действий должностных лиц органа, осуществляющего принятие на учет, при решении вопроса о принятии на учет.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении требований Л. отказано по следующим основаниям.

В суде установлено, что Л., являясь военнослужащим, в качестве члена семьи военнослужащего реализовал по месту своей военной службы право на жилище от Министерства обороны Российской Федерации с помощью государственного жилищного сертификата.

После этого он обратился в ФГКУ «Западрегионжилье» с заявлением об обеспечении его жилым помещением в том же населенном пункте в качестве военнослужащего, то есть по иному основанию.

Согласно п. 9 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», если военнослужащие, граждане, уволенные с военной службы, и члены их семей, имеющие право на социальные гарантии и компенсации в соответствии с указанным федеральным законом, одновременно имеют право на получение одной и той же социальной гарантии и компенсации по нескольким основаниям, то им предоставляются по их выбору социальная гарантия и компенсация по одному основанию, за исключением случаев, особо предусмотренных федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Случаев, допускающих повторное обеспечение военнослужащего сначала в качестве члена семьи военнослужащего, а затем в качестве военнослужащего, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации не содержат.

При таких данных суд первой инстанции, установив, что Л. обеспечен от государства жилым помещением по избранному месту жительства, правомерно признал законным решение начальника ФГКУ «Западрегионжилье» о снятии его с учета в качестве нуждающегося в жилом помещении.

При решении вопроса о предоставлении военнослужащему жилого помещения по избранному месту жительства подлежит учету находящееся в собственности членов его семьи жилое помещение, являющееся общим имуществом супругов.

Старший прапорщик Л. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным решение начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе в предоставлении жилого помещения по договору социального найма в избранном после увольнения месте жительства г. Ярославле без учета находившегося в общей собственности его и супруги жилого помещения.

Решением гарнизонного военного суда оспоренное Л. решение начальника отдела ФГКУ «Западрегионжилье» признано законным по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что в собственности членов семьи Л. – супруги и несовершеннолетнего сына – имеется по 1/2 доли в жилом помещении общей площадью 51,59 кв.м, приобретенном в период брака Л. с супругой.

Согласно ч. 1 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Имуществом, нажитым супругами во время брака (общим имуществом супругов), в силу ч. 2 ст. 34 СК РФ, являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, пай, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Следовательно, находящееся в собственности супруги Л. жилое помещение является их общим имуществом.

В соответствии с ч. 2 ст. 51 ЖК РФ при наличии у гражданина и (или) членов его семьи нескольких жилых помещений, занимаемых по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования и (или) принадлежащих им на праве собственности, определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной общей площади всех указанных жилых помещений.

Кроме того, согласно ч. 7 ст. 57 ЖК РФ при определении общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма гражданину, имеющему в собственности жилое помещение, учитывается площадь жилого помещения, находящегося у него в собственности.

При таких данных при решении вопроса о предоставлении Л. жилого помещения по избранному месту жительства подлежит учету находящееся в собственности членов семьи военнослужащего жилое помещение.

Оставление военнослужащим жилого помещения, полученного от государства, бывшим членам семьи не является основанием для повторного обеспечения его жильем в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Решением гарнизонного военного суда Г. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным отказ жилищного органа в принятии его и супруги на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, ввиду того, что они обеспечены жилым помещением по установленным нормам.

Отменяя решение суда первой инстанции, флотский военный суд исходил из того, что после заключения в марте 2015 года нового брака уровень обеспеченности Г. и его супруги Б. составил ниже учетной нормы, установленной по месту военной службы истца в г. Калининграде.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и оставила в силе решение гарнизонного военного суда, указав следующее.

В суде установлено, что Г., заключившему первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., и членам его семьи в период прохождения военной службы по контракту от Министерства обороны Российской Федерации по месту военной службы в г. Калининграде предоставлена по договору социального найма квартира по установленным нормам.

В ноябре 2008 года Г. расторг брак, после чего снялся с регистрационного учета в указанной квартире, оставив ее бывшим членом семьи, и зарегистрировался по адресу воинской части.

В марте 2015 года Г. заключил брак с гражданкой Б., которая с мая 2002 года по июнь 2015 года проживала в Калининградской области в доме, принадлежащем на праве собственности ее отцу, а с июня 2015 года зарегистрирована по адресу воинской части, где проходит службу ее супруг.

В марте 2015 года Г. обратился в жилищный орган с заявлением о принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, с семьей из двух человек, однако в этом ему было отказано

в связи с обеспеченностью жильем в размере, превышающем установленную учетную норму в г. Калининграде.

Из изложенного следует, что Г., оставив полученную от Министерства обороны Российской Федерации квартиру бывшим членам семьи, поставил вопрос о повторном обеспечении его жильем от указанного федерального органа власти.

Это обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения дела.

Согласно абзацу третьему п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства

При этом в силу п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в случае обеспечения военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями по избранному месту жительства они обязаны представить документы о сдаче жилых помещений федеральному органу власти, в которых предусмотрена военная служба, и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

Из изложенного следует, что реализация права на жилище военнослужащих, заключивших контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., осуществляется путем предоставления за счет федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, жилых помещений для постоянного проживания в период военной службы с оставлением им этого жилья при увольнении в запас или с условием его сдачи для последующего обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Таким образом, предоставляя военнослужащим определенной в указанных нормах категории гарантии обеспечения жилым помещением для постоянного проживания (в собственность бесплатно или по договору социального найма), Федеральный закон «О статусе военнослужащих» возлагает на федеральный орган власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанность по предоставлению им такого жилья только один раз за все время военной службы.

Исключений из данного правила для военнослужащих, обеспеченных жильем для постоянного проживания в период прохождения военной службы, закон не предусматривает.

В случае невозможности сдачи жилого помещения, полученного (приобретенного) в порядке реализации статуса военнослужащего, повторное обеспече-

ние военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам ЖК РФ с учетом ранее полученного жилого помещения от федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Поскольку данные условия Г. не выполнены, законных оснований для принятия его на жилищный учет в целях повторного обеспечения его жилым помещением от федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, не имелось.

Что касается постановки Г. вопроса о признании нуждающейся в жилом помещении своей супруги Б., то правовой статус членов семьи военнослужащего произведен от правового статуса самого военнослужащего, и они, в случае отсутствия у военнослужащего необходимых правовых оснований для получения жилья в рамках Федерального закона «О статусе военнослужащих», не ограничены в возможности быть обеспеченными жильем в общем порядке согласно нормам ЖК РФ.

Таким образом, на момент обращения в жилищный орган с заявлением о принятии на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, Г. являлся обеспеченным жилым помещением по установленным нормам, что свидетельствует об отсутствии у него оснований для получения жилья в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

При расчете жилищной субсидии учитывается общая площадь жилых помещений, на которую в результате совершенных военнослужащим и (или) членами его семьи действий и гражданско-правовых сделок уменьшился размер занимаемых (имеющихся) жилых помещений или в отношении которой произведено отчуждение.

Решением гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления капитана 3 ранга Д., в котором он просил признать незаконным и отменить решение начальника ФГКУ «Северрегионжилье» об уменьшении размера общей площади предоставляемого жилого помещения на 27,54 кв.м для расчета жилищной субсидии.

В обоснование принятого решения суд первой инстанции привел следующие доводы.

В суде установлено, что Д. проходит военную службу в г. Мурманске, где с декабря 2001 года обеспечен служебным жильем. В связи с увольнением с военной службы он изъявил желание получить жилое помещение по месту военной службы, после чего был признан нуждающимся в жилом помещении на семью из пяти человек: Д., его супруга и трое детей.

В связи с изменением способа обеспечения жильем на жилищную субсидию Д. решением начальника ФГКУ «Северрегионжилье» предоставлена жилищная субсидия с учетом уменьшения общей площади положенного жилья на размер принадлежавшей на праве собственности супруге истца доли в жилом помещении в г. Мурманске, которую она подарила своей матери.

При этом супруга Д. и двое детей остались зарегистрированными в указанной квартире и сохранили право проживания в данном жилом помещении и

право пользования им, снявшись с регистрационного учета лишь 30 октября 2015 г.

При таких данных супруга Д. до 30 октября 2015 г. не утратила право пользования указанной квартирой и проживания в ней, что свидетельствует о ее обеспеченности жильем в населенном пункте, в котором Д. проходит военную службу и желает получить жилое помещение для постоянного проживания.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

В соответствии с ч. 8 ст. 57 ЖК РФ при определении общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма гражданину, подлежат учету действия и гражданско-правовые сделки с жилыми помещениями, совершение которых привело к уменьшению размера занимаемых жилых помещений или к их отчуждению. Указанные сделки и действия учитываются за установленный законом субъекта Российской Федерации период, предшествующий предоставлению гражданину жилого помещения по договору социального найма, но не менее чем за пять лет.

Аналогичная правовая норма закреплена в п. 4 Правил расчета субсидии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76.

В связи с изложенным гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что требование Д. о выплате ему жилищной субсидии в полном размере, то есть исходя из общей площади жилого помещения в размере 90 кв.м (5 чел. x 18 кв.м), не подлежало удовлетворению, так как необходимо было учитывать обстоятельства добровольного ухудшения супругой Д. своих жилищных условий.

Абзац первый п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, в части, позволяющей увольнять военнослужащих, обеспеченных по месту службы служебным жилым помещением и изъявивших желание реализовать свои жилищные права путем получения жилищной субсидии, с военной службы до реализации их жилищных прав в зависимости от избранного ими постоянного места жительства, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2016 г. № ВКАПИ16-44, вступившее в законную силу (извлечение)

Согласно абзацу первому п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № 2) (далее – Положение), военнослужащий, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в жилом помещении, без его согласия не может быть уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления ему жилого помещения либо субсидии для приобретения или строительства жилого помещения по нормам, установленным жилищным

законодательством, за исключением случаев, предусмотренных абзацем третьим п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Военнослужащий, изъявивший желание получить жилое помещение не по месту увольнения с военной службы, увольняется с военной службы и обеспечивается жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С. обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о признании не действующим абзаца первого п. 17 ст. 34 Положения в части, позволяющей увольнять военнослужащих, обеспеченных по месту службы служебным жилым помещением, нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания, изъявивших желание реализовать свои жилищные права путем получения жилищной субсидии, с военной службы до реализации их жилищных прав в зависимости от избранного ими постоянного места жительства.

Верховный Суд Российской Федерации отказал С. в удовлетворении искового заявления, указав в обоснование следующее.

Законодательством предусмотрены различные формы и порядок предоставления военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, жилых помещений с установлением дифференцированных гарантий в зависимости от категорий военнослужащих и выбора ими конкретного способа реализации жилищных прав.

Согласно абзацу второму п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в редакции Федерального закона от 20 апреля 2015 г. № 97-ФЗ военнослужащие – граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в федеральном органе исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии, за исключением случаев, предусмотренных абзацем третьим названного пункта. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 этого федерального закона.

Таким образом, законодатель, выделяя в данной норме военнослужащих, пожелавших получить жилые помещения не по месту увольнения, фактически установил, что гарантия в виде запрета на увольнение соответствующих категорий военнослужащих, нуждающихся в особой защите, без их согласия до предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии предусмотрена для лиц, принятых на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в целях обеспечения жильем по месту службы. Вместе с тем в целях обеспечения конституционного права на жилище данная гарантия может быть распространена на указанных военнослужащих, не обеспеченных к моменту увольнения никаким жильем и возражающих против увольнения без предоставления жилья тем способом, который они избрали.

Что касается военнослужащих, пожелавших реализовать свое право на получение жилых помещений по избранному после увольнения месту жительства

ва, не совпадающему с последним местом службы, то в п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» для них установлен особый порядок предоставления жилых помещений.

При этом в п. 3 ст. 6 Федерального закона «О статусе военнослужащих» указано, что военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, при увольнении с военной службы имеют право на выбор постоянного места жительства в любом населенном пункте Российской Федерации или в другом государстве в соответствии с федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации.

В целях обеспечения возможности осуществления данного права законодатель, как указано выше, в п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установил, что обеспечение жилым помещением военнослужащих – граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

В данной норме закона не содержится запрета на увольнение военнослужащих до предоставления им жилых помещений по избранному месту жительства.

Согласно абзацам третьему и двенадцатому п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» выплата жилищной субсидии является одной из форм реализации прав военнослужащих на жилище, в том числе в порядке, установленном в п. 14 ст. 15 названного закона, равнозначной по правовым последствиям иным способам предоставления жилых помещений – в виде жилых помещений в натуре в собственность или по договору социального найма.

Из изложенного следует, что военнослужащие, указанные в абзаце втором п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пожелавшие воспользоваться правом на выбор постоянного места жительства при увольнении с военной службы с обеспечением их жилыми помещениями, вне зависимости от формы такого обеспечения при перемене места жительства не могут претендовать на социальную гарантию в виде запрета на увольнение без их согласия до получения жилых помещений при условии, что они до этого обеспечены жилым помещением, в том числе служебным, из которого не подлежат выселению до предоставления жилья для постоянного проживания.

Такое толкование закона основано на указании в абзаце первом п. 14 ст. 15 названного закона на то, что обеспечение жильем в данном порядке осуществляется «при перемене места жительства». В соответствии со ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Согласно абзацу восьмому статьи 2 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (в редакции от 2 июня 2016 г.) местом жительства являются жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Таким образом, военнослужащие, имеющие по последнему перед увольнением месту службы место жительства, в том числе в виде специализированного жилого помещения, не признанные согласно собственному волеизъявлению нуждающимися в жилом помещении по последнему месту службы, а пожелавшие изменить место жительства в порядке, установленном п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», не входят в перечень лиц, указанных в первом предложении абзаца второго п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», имеющих право на социальную гарантию в виде запрета на увольнение до получения жилого помещения, поскольку данная группа, по смыслу закона, выделена в отдельную категорию граждан в целях реализации их права на свободу выбора места жительства при увольнении с военной службы с обеспечением возможности реализовать это право путем предоставления жилых помещений в избранном месте жительства взамен сдаваемых по последнему месту службы.

Таким военнослужащим предоставлены иные гарантии реализации положений ст. 40 Конституции Российской Федерации – запрет на выселение из служебного жилья до получения жилого помещения для постоянного проживания в избранном месте жительства в соответствии с п. 5 Положения об условиях и порядке заключения жилищного договора между военнослужащими и Министерством обороны Российской Федерации или иным федеральным органом исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 1999 г. № 487, или выплата ежемесячной денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, определенных постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 «О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей» (в редакции от 18 сентября 2015 г.), в том числе в случаях, когда уволенные военнослужащие пожелают выехать в населенный пункт, в котором ими избранно место жительства, до получения там жилого помещения.

На основании изложенного суд пришел к выводу, что оспариваемая норма Положения не противоречит нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, – Федеральному закону «О статусе военнослужащих», и не нарушает права и охраняемые законом интересы административного истца.

Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 205-КГ16-62 по заявлению О. (извлечение)

Решением 5 гарнизонного военного суда от 14 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 16 марта 2016 г., удовлетворено заявление О., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 26 октября 2015 г., утвержденное командиром, о снятии истца и членов его семьи с учета нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве.

В кассационной жалобе представитель командира и жилищной комиссии воинской части, не оспаривая права О., срок военной службы которого в календарном исчислении составляет более 20 лет, на получение жилого помещения, указывает на отсутствие правовых оснований для обеспечения его жильем по избранному месту жительства ввиду увольнения с военной службы в связи с неисполнением им условий контракта.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что О., родившийся 5 января 1965 г., проходил военную службу по контракту с апреля 1994 года по 15 января 2015 г. в воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации (за исключением периода с марта по октябрь 1997 года).

В марте и мае 2008 года решениями жилищной комиссии воинской части, в которой административный истец проходил военную службу, он вместе с членами семьи (супруга и трое детей) признан нуждающимся в жилом помещении на территории Российской Федерации как военнослужащий, подлежащий увольнению в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, и включен в список лиц для получения государственного жилищного сертификата.

В ноябре 2010 года аналогичное решение приняла жилищная комиссия вышестоящей воинской части (далее – жилищная комиссия). Однако после выявления факта передачи О. и двумя его сыновьями принадлежащих им на праве собственности долей жилого помещения (всего 25,5 кв. м) на территории Российской Федерации матери истца он решением жилищной комиссии от 28 июня 2012 г. был исключен из списков лиц, нуждающихся в жилом помещении, и его обязали сдать ранее полученный жилищный сертификат.

В октябре 2013 года О. обратился в жилищную комиссию с заявлением о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве, а в июне 2014 года попросил выдать ему субсидию для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия).

Решением от 16 июля 2014 г. жилищная комиссия постановила рассмотреть вопрос о предоставлении истцу жилищной субсидии после поступления в управление руководящих документов, регламентирующих порядок предоставления жилищной субсидии.

В июле 2014 года О. обратился по команде с рапортом об увольнении в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе и исключении из списков части с оставлением в списках лиц, нуждающихся в жилом помещении.

После этого приказом воинского должностного лица от 5 декабря 2014 г. О. по служебной необходимости переведен к новому месту военной службы на территорию Российской Федерации.

Ввиду неявки в срок без уважительных причин на службу при переводе истцу объявлен строгий выговор и он уволен в запас в связи с невыполнением условий контракта.

Решением жилищной комиссии от 27 августа 2015 г. О. предоставлено жилое помещение по избранному месту жительства в г. Москве, однако решением комиссии от 26 октября 2015 г., утвержденным командиром, это решение отменено, и истец снят с учета лиц, нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в связи с утратой им основания, дающего право на получение жилого помещения по договору социального найма, ввиду увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Признавая незаконным названное решение от 26 октября 2015 г. и возлагая на жилищную комиссию обязанность восстановить О. на учете нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства, суд исходил из того, что оставление без реализации права гражданина, уволенного с военной службы и оставшегося в связи с этим на территории иностранного государства, на жилое помещение лишь на том основании, что он не относится к категории лиц, имеющих право на получение жилого помещения по избранному месту жительства, не соответствует Конституции Российской Федерации и противоречит преамбуле Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части соответствия государственной политике в области правовой и социальной защиты граждан, уволенных с военной службы. Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что истец уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно абзацам третьему и двенадцатому п. 1, п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право на предоставление по избранному месту жительства жилых помещений определенным законом категориям военнослужащих (при общей продолжительности военной службы 10 лет и более и признанных нуждающимися в жилых помещениях) по их выбору в собствен-

ность бесплатно или по договору социального найма с федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, установлено лишь при их увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, уволенные с военной службы по иным основаниям и не обеспеченные на момент увольнения жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих» для военнослужащих.

Поскольку О. уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, то оснований для обеспечения его жилым помещением по избранному месту жительства, вопреки выводу судов, не имелось.

То обстоятельство, что истец проходил военную службу и уволен с нее из воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации, не может свидетельствовать о приравнивании его к категории военнослужащих, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон.

В связи с изложенным О., как признанный в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, в силу п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» имеет право на обеспечение жилищной субсидией или жилым помещением в порядке, предусмотренном названным федеральным законом для военнослужащих.

Неправильное применение судом норм материального права повлекло неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела.

В суде установлено, что в период военной службы О. изъявлял желание быть обеспеченным жилищной субсидией. Этот вопрос, как следует из решения жилищной комиссии Пограничного управления от 16 июля 2014 г. и пояснений в судебном заседании представителя административных ответчиков, фактически до настоящего времени не рассмотрен и решение по заявлению не принято.

Данное обстоятельство подлежало выяснению в судебном заседании.

Исходя из наличия принадлежащего федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, жилищного фонда социального использования и местонахождения входящих в этот фонд жилых помещений, а также с учетом мнения истца в суде подлежали выяснению и обстоятельства, указывающие на возможность обеспечения последнего жилым помещением, при том что по месту прохождения военной службы за пределами территории Российской Федерации он не может быть обеспе-

чен жилым помещением в собственность бесплатно или по договору социального найма.

Однако все эти обстоятельства судом выяснены не были, и им не дана оценка исходя из положений п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» о праве истца на жилище с учетом ограничений, обусловленных местом дислокации воинской части, в которой он проходил военную службу.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем судебные акты Судебной коллегией по делам военнослужащих были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Пункт 13 Правил организации в органах Федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 24 октября 2011 года № 590, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2016 года № ВКАПИ16-57, вступившее в законную силу (извлечение)

Согласно пункту 13 Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 24 октября 2011 года № 590 (далее – Правила), не подлежат принятию на учет в качестве нуждающихся в служебных жилых помещениях военнослужащие и члены их семей, обеспеченные жилыми помещениями для постоянного проживания в населенном пункте по месту расположения органа безопасности (структурного подразделения органа безопасности), в котором военнослужащие проходят военную службу, или в близлежащих (находящихся в непосредственной близости) населенных пунктах (независимо от общей площади жилого помещения, приходящейся на каждого проживающего).

М. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском с заявлением о признании недействующим пункта 13 Правил ввиду противоречия его пункту 2 части 1 статьи 51 ЖК РФ, а также пункту 5 статьи 2 и абзацу второму пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В обоснование заявления он указал, что решением жилищной комиссии члены его семьи, как обеспеченные жильем в г. Петропавловске-Камчатском, сняты с учета нуждающихся в получении служебного жилого помещения по месту прохождения им военной службы. Это решение жилищного органа было основано на положениях оспариваемого пункта Правил в той части, в которой данная норма допускает возможность при решении вопроса об обеспечении военнослужащего служебным жильем не учитывать фактическую обеспеченность членов его семьи жилым помещением в конкретном регионе и установленную учетную норму.

Верховный Суд Российской Федерации отказал М. в удовлетворении искового заявления, указав в обоснование следующее.

В соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 19 ЖК РФ в зависимости от формы собственности жилищный фонд подразделяется также на специализированный жилищный фонд, т.е. совокупность предназначенных для проживания отдельных категорий граждан и предоставляемых по правилам раздела IV названного кодекса помещений.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 92 ЖК РФ к жилым помещениям специализированного жилищного фонда относятся служебные жилые помещения.

Как предусмотрено статьей 93 ЖК РФ, служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений, в том числе с органом государственной власти и в связи с прохождением службы.

С учетом особого характера правоотношений, связанных с прохождением военной службы и ее спецификой, нормы, регламентирующие вопросы обеспечения жильем военнослужащих, в частности служебными жилыми помещениями, содержатся и в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», которому оспариваемые положения пункта 13 Правил, вопреки заявлениям в административном иске, не противоречат.

Так, согласно абзацу второму пункта 1 статьи 15 названного федерального закона военнослужащим – гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах. При этом военнослужащим – гражданам, имеющим трех и более детей, служебные жилые помещения предоставляются во внеочередном порядке.

Пунктом 3 статьи 15 этого же федерального закона предусмотрено, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы, до получения жилых помещений по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, предоставляются служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения маневренного фонда или общежития.

Таким образом, условием предоставления военнослужащим по контракту и членам их семей служебного жилья является необеспеченность жилым помещением по месту военной службы, что служит дополнительной гарантией социальной защиты при переводе военнослужащего к новому месту военной службы и носит временный характер, обусловленный периодом исполнения обязанностей военной службы.

Вопреки мнению административного истца названные нормы Жилищного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О статусе военнослужащих» не устанавливают минимального размера общей площади жилого помещения, приходящейся на военнослужащего и членов его семьи в соответствующем населенном пункте, с учетом которого военнослужащему предоставлялось бы право на получение служебного жилья.

Поэтому военнослужащий вправе претендовать на улучшение своих жилищных условий с учетом состава его семьи с использованием иных, установленных статьей 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» механизмов и форм реализации жилищных прав, в том числе путем обеспечения жильем по договору социального найма.

Предназначение служебных жилых помещений, указанное в статье 93 ЖК РФ, имеет специальный режим правового регулирования и по своей правовой природе призвано решать задачи проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений с определенными органами, предприятиями и учреждениями. Разрешение же вопросов, связанных с улучшением жилищных условий, при наличии для этого законных оснований осуществляется не путем предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда, а в ином, предусмотренном жилищным законодательством порядке.

Содержащееся в оспариваемом пункте положение о том, что на учет нуждающихся в служебном жилье не подлежат военнослужащие и члены их семей, обеспеченные жильем помещением по месту военной службы, вне зависимости от размера общей площади такого помещения, приходящейся на каждого проживающего, непосредственно вытекает из действующего законодательства, не противоречит ему и не содержит неопределенности в толковании.

Исходя из изложенного отсутствуют основания полагать, что оспариваемым нормативным правовым актом нарушены права, свободы и законные интересы административного истца.

Абзац второй пункта 8 Порядка организации деятельности по представлению военнослужащим – гражданам Российской Федерации жилых помещений в собственность бесплатно, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 января 2016 года № 20, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2016 года № ВКАПИ16-51 (извлечение)

Ш. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующим абзац второй пункта 8 Порядка организации деятельности по представлению военнослужащим – гражданам Российской Федерации жилых помещений в собственность бесплатно, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 января 2016 года № 20, зарегистрированным в Министерстве юстиции Российской Федерации 14 апреля 2016 года, регистрационный номер 41810 (далее – Порядок), которым предусмотрено, что при получении выписки из решения о предоставлении жилого помещения в собственность бесплатно военнослужащие (граждане, уволенные с военной службы) или их представители представляют в уполномоченный орган (специализированную организацию) документы о сдаче жилого помещения.

Верховный Суд Российской Федерации в удовлетворении административного искового заявления отказал, приведя в обоснование следующие доводы.

Оспариваемый административным истцом абзац второй пункта 8 Порядка содержит указание о том, что при получении выписки из решения военнотру-

жащие (граждане, уволенные с военной службы) или их представители представляют документы о сдаче жилого помещения.

Вместе с тем согласно примечанию к данному абзацу указанными документами являются документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба), обязанность по представлению которых предусмотрена пунктом 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В соответствии с указанной нормой Федерального закона обеспечение жилым помещением военнослужащих – граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Таким образом, оспариваемое положение нормативного правового акта издано в целях определения порядка исполнения установленной пунктом 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обязанности указанных в нем граждан сдать Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) имеющееся в их пользовании жилое помещение взамен жилья, предоставляемого от государства по избранному ими месту жительства после увольнения с военной службы, и полностью соответствует указанной норме закона. Соответственно, оно не распространяется на лиц, признанных нуждающимися в жилом помещении, которые в период военной службы не были обеспечены жильем Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба).

Положений, предусматривающих обязанность военнослужащих (граждан, уволенных с военной службы) предъявлять при получении выписки из решения в уполномоченный орган (специализированную организацию) иные документы, помимо указанных в оспариваемой норме, в том числе «справку о необеспеченности жилым помещением», в абзаце втором пункта 8 Порядка не содержится.

Оспариваемая административным истцом норма правового акта соответствует принципу правовой определенности, поскольку ее содержание не допуска-

ет двойственного толкования и возложения на лиц, не обеспеченных в период военной службы жилым помещением от государства, обязанности предъявлять документы, которые ею не предусмотрены.

В том случае, если военнослужащий стал участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения по собственному желанию и не воспользовался деньгами, находящимися на его именном накопительном счете, он может быть по его просьбе исключен из реестра участников

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2016 г. № 201-КГ16-39 по заявлению З. (извлечение)

Решением Тверского гарнизонного военного суда от 10 июля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 24 сентября 2015 г., З. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом в оформлении документов для исключения его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – НИС) и в направлении необходимых документов полномочному должностному лицу для реализации.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе З., Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты в связи с существенным нарушением норм материального права и приняла по делу новое решение, которым признала незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом З. в оформлении документов для исключения из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и обязала воинское должностное лицо оформить документы для исключения З. из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

В обоснование судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что З. в 2001 г. заключил с Министерством обороны Российской Федерации первый контракт о прохождении военной службы. В 2005 г. он окончил высшее военно-учебное заведение с присвоением первого офицерского звания. В 2013 г. на основании поданного З. рапорта он включен в реестр участников НИС.

8 июня 2015 г. заявитель обратился к командиру воинской части с рапортом об исключении его из реестра участников НИС, изъявив желание реализовать право на получение жилого помещения иным способом, предусмотренным законом для категории военнослужащих, к которой он относится. В удовлетворении данной просьбы ему было отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что законом не предусмотрен добровольный порядок исключения из реестра участников НИС.

Однако такой вывод основан на ошибочном истолковании норм материального права.

В силу общеправового принципа, изложенного в п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, то есть своей волей и в своем интересе. Из этого

следует недопустимость понуждения лиц к реализации определенного поведения, составляющего содержание прав.

Согласно абзацу первому п. 1 и п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» выделение денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» является одной из форм реализации военнослужащими права на жилище.

Как названные выше законы, так и иные нормативные правовые акты не содержат положений, ограничивающих указанную категорию военнослужащих в возможности не осуществлять данное право.

Показателями исполнения государством своих обязательств в рамках НИС по жилищному обеспечению военнослужащих являются получение ими денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военно-служащих», или направление уполномоченным федеральным органом кредитором участника НИС средств целевого жилищного займа на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (ч. 3 ст. 11 указанного закона).

З., будучи участником НИС, по собственному желанию не стал пользоваться деньгами, находящимися на его именном накопительном счете и целевой жилищный заем ему также не предоставлялся.

Таким образом, в отношении З. условия, с которыми закон связывает выполнение государством обязательств по жилищному обеспечению военнослужащих, не наступили. Следовательно, до возникновения указанных обстоятельств он сохраняет возможность выбора иного способа реализации своих жилищных прав, предусмотренного ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Действия должностных лиц, направленные на ограничение военнослужащего в реализации волеизъявления, совершенные до выполнения государственного обязательства по обеспечению его жильем, не основаны на законе.

Обратившись по команде с рапортом об исключении из соответствующего реестра, административный истец тем самым очевидно заявил о нежелании реализовать свое право на жилище в порядке, установленном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

При таких условиях командованием должно быть реализовано волеизъявление З. о закрытии именованного накопительного счета участника НИС, поскольку это соответствует требованиям действующего законодательства и не нарушает чьи-либо права и законные интересы, включая публичные.

Решение жилищной комиссии воинской части о снятии заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях, принятое после выявления в представленных документах, послуживших основанием принятия на учет, сведений, не соответствующих действительности, не противоречит требованиям закона

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 204-КГ16-2 по заявлению М. (извлечение)

Постановлением президиума Уральского окружного военного суда от 24 февраля 2016 г. отменены решение Екатеринбургского гарнизонного военного суда

от 1 сентября 2015 г. и апелляционное определение Уральского окружного военного суда от 3 ноября 2015 г. об отказе в удовлетворении требований М. о признании незаконным решения жилищной комиссии воинской части о снятии его с учета нуждающихся в жилых помещениях.

По делу принято новое решение, которым на жилищный орган возложена обязанность восстановить М. и двух членов его семьи (сына и дочь) на жилищном учете.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя жилищного органа, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что президиумом окружного военного суда при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм материального права, выразившееся в следующем.

В суде установлено, что в 1989 г. теще заявителя – Б. на состав семьи из четырех человек (Б. – наниматель, М-ва – дочь, М. – зять, М-в – внук) органом местного самоуправления была предоставлена квартира общей площадью 71,6 кв.м (жилая площадь – 48,8 кв. м) в г. Екатеринбурге, которая, в соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР, относилась к государственному жилому фонду, то есть была предоставлена от государства.

В марте 1994 года данная квартира была приватизирована Б. и М-вой в равных долях, а М. отказался от участия в приватизации.

С 1998 г. М-ва стала собственником всей данной квартиры, унаследовав долю матери.

В период прохождения военной службы М. на состав семьи из четырех человек на основании постановления главы администрации Железнодорожного района г. Екатеринбурга от 9 декабря 1993 г. предоставлено жилое помещение общей площадью 44,7 кв. м в г. Екатеринбурге.

29 октября 2003 г. жилищной комиссией воинской части М. принят на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий. К тому моменту общая площадь квартир, полученных М. и членами его семьи от государства, составляла 116,3 (71,6 + 44,7) кв.м. О данном факте М. в уполномоченный орган не сообщил, на протяжении ряда лет впоследствии в письменной форме при ежегодной сверке учетных данных указывал, что никто из членов его семьи жилье в собственности не приобретал. Также он не проинформировал об обстоятельствах получения им квартиры от государства в 1989 г. в составе семьи совместно с Б.

В 2012 г. брак между М. и М-вой был расторгнут, после чего истец обратился с просьбой об изменении его учетных данных путем исключения бывшей супруги из числа членов его семьи, претендующих на улучшение жилищных условий. Решением жилищной комиссии от 31 марта 2015 г. М. снят с учета нуждающихся в получении жилых помещений на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 Жилищного кодекса Российской Федерации – в связи с выявлением сведений, не соответствующих действительности и послуживших основанием принятия на учет. Данное заседание жилищной комиссии состоялось после получения сообщения из администрации г. Екатеринбурга об отказе в передаче жилого помещения, в котором проживает М. и члены его семьи, в случае его освобождения в оперативное управление воинской части.

Удовлетворяя требования заявителя, президиум Уральского окружного военного суда исходил из того, что наличие с 1998 г. в собственности у его супруги жилого помещения общей площадью 71,6 кв. м не влияло на правотерность

принятия его и двух детей на учет нуждающихся в жилом помещении в 2003 г., поскольку в соответствии с действовавшим в тот период законодательством, даже без учета супруги, на каждого из них приходилось менее учетной нормы жилого помещения в квартире, которую они занимали (менее 15 кв. м общей площади).

Вместе с тем по делу установлено и не опровергнуто президиумом окружного военного суда, что занимаемая М. и членами его семьи с 1993 г. квартира общей площадью 44,7 кв. м ни на момент предоставления, ни на момент принятия его на учет нуждающихся в жилом помещении к специализированному жилому фонду не относилась. Следовательно, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 29 ЖК РСФСР основанием для признания М. и членов его семьи нуждающимися в улучшении жилищных условий в 2003 г. могла являться обеспеченность их жилой площадью ниже учетной нормы.

Однако на момент постановки на жилищный учет и впоследствии М. скрыл обстоятельства получения им и членами его семьи совместно с Б. квартиры общей площадью 71,6 кв. м, единственным собственником которой с 1998 г. стала его жена.

Таким образом, к моменту постановки М. на жилищный учет в его и совместно проживающих с ним членов семьи пользовании находились две квартиры, полученные от государства, общей площадью 116,3 кв. м, что свидетельствует о незаконности признания их нуждающимися в жилом помещении ввиду обеспеченности жильем выше учетной нормы.

Данное обстоятельство, безусловно, свидетельствует о необоснованности принятия М. на жилищный учет в 2003 г.

Следовательно, вывод президиума окружного военного суда о том, что наличие в собственности у М. жилого помещения не влияло на правомерность принятия его и членов семьи на учет нуждающихся в жилом помещении в 2003 г. и сохранения его на учете в дальнейшем, является ошибочным и противоречит п. 1 ч. 1 ст. 29 ЖК РСФСР, ст. 51 ЖК РФ и ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом, поскольку М. и члены его семьи и в 2003 г., и в последующие годы не имели права состоять на жилищном учете, так как были обеспечены жильем от государства выше учетной нормы.

Вывод президиума Уральского окружного суда об обратном основан на неправильном применении норм материального права.

Таким образом, решение жилищной комиссии воинской части о снятии М. с жилищного учета является законным, на что правильно указано в решениях судов первой и апелляционной инстанций.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила постановление президиума Уральского окружного военного суда от 24 февраля 2016 г. и оставила в силе решение Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 1 сентября 2015 г. и апелляционное определение Уральского окружного военного суда от 3 ноября 2015 г. об отказе в удовлетворении заявления М.

Одним из определяющих условий для выплаты военнослужащим денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений является невозможность бес-

печения их служебными жилыми помещениями, жилыми помещениями маневренного фонда или общежитием

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 210-КГ16-21 по заявлению С. (извлечение)

Решением Северодвинского гарнизонного военного суда от 4 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 1 апреля 2016 г., удовлетворено заявление С., в котором он просил признать незаконными действия финансового органа, связанные с невыплатой денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 1 января 2014 г. по 30 сентября 2015 г., и взыскать в его пользу 113 400 рублей, составляющих размер указанной компенсации.

В кассационной жалобе руководитель финансового органа, указывая на то, что договор найма жилого помещения от 1 января 2014 г. был заключен С. без разрешения вопроса о возможности получения им служебного жилого помещения, просил обжалуемые акты отменить и принять по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла, что судами при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм материального права, выразившееся в следующем.

Из материалов дела следует, что С., окончивший высшее военное учебное заведение в 1998 г., с сентября 1999 года проходит военную службу в г. Северодвинске. Проживая в общежитии (комнате жилой площадью 17,9 кв. м), административный истец в 2008 г. обратился с рапортом о признании его с семьей (жена, дочь 2007 года рождения) нуждающимися в жилом помещении по месту прохождения военной службы.

Решением жилищной комиссии воинской части от 21 июля 2008 г. С. с членами семьи поставлен на жилищный учет. 13 ноября 2008 г. у него родилась еще одна дочь, а 27 июня 2014 г. – сын. 30 ноября 2012 г. С. по своей инициативе сдал комнату в общежитии и принял решение осуществлять наем жилого помещения.

В подтверждение своих требований о выплате оспариваемой им компенсации С. представил два договора найма жилого помещения, заключенных 1 января и 1 октября 2014 г., соответственно, на период с 1 января 2014 г. по 30 сентября 2015 г. Однако решением начальника финансового органа от 24 декабря 2015 г. С. было отказано в выплате компенсации за наем жилого помещения.

Суды обеих инстанций, признавая незаконными действия начальника финансового органа, исходили из того, что у С., состоящего на учете нуждающихся в служебном жилом помещении, по месту службы отсутствуют жилые помещения для постоянного или временного проживания, а командованием ему не предоставлено служебное жилое помещение, пригодное для временного проживания, жилое помещение маневренного фонда или общежитие по установленным законодательством нормам.

Однако с таким выводом согласиться нельзя.

Согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы, до получения жилых помещений

по установленным нормам предоставляются служебные жилые помещения, жилые помещения маневренного фонда или общежития, а в случае их отсутствия воинские части по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с п. 4 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280, в случае невозможности предоставления военнослужащим и членам их семей служебных жилых помещений по нормам, указанным в п. 3 Инструкции, при их согласии могут предоставляться меньшие по площади служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения маневренного фонда или общежития.

На основании п. 2 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 (далее – Положение), денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивается по желанию военнослужащих в размере, предусмотренном договором найма (поднайма) жилья, заключенным в письменной форме, но не более установленных размеров лишь в случае невозможности обеспечения их жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, одним из определяющих условий для выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим является невозможность обеспечения их служебными жилыми помещениями, жилыми помещениями маневренного фонда или общежитием.

Из материалов дела следует, что С. 30 ноября 2012 г. самостоятельно принял решение осуществлять наем жилого помещения, в связи с чем добровольно сдал уполномоченному органу комнату в общежитии, поскольку ее площадь не соответствовала установленным нормам, выехал с семьей из общежития, снявшись с регистрационного учета и зарегистрировавшись по адресу воинской части.

При этом материалы дела не содержат и судами оставлен без внимания факт возможности обеспечения С. в 2014 – 2015 гг. служебным жильем, жилым помещением маневренного фонда или общежитием.

В соответствии с пп. 2 и 3 Положения, денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащему выплачивается ежемесячно одновременно с выплатой денежного довольствия за истекший месяц по месту его военной службы.

Аналогичные положения были закреплены в п. 12 Инструкции о мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений (далее – Инструкция), в соответствии с которым выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим и членам их семей, а также членам семей погиб-

ших (умерших) военнослужащих осуществляется ежемесячно по их желанию в случае отсутствия обеспечения их жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации через финансово-экономические органы по месту (последнему месту) прохождения военной службы на основании приказа командира воинской части (начальника организации).

Согласно п. 14 Инструкции выплата денежной компенсации производится со дня найма (поднайма) жилого помещения после прибытия к месту военной службы на основании рапорта военнослужащего, в котором, помимо прочего, указывается дата начала найма (поднайма) жилья.

Из изложенных положений нормативных актов следует, что:

основанием для начала выплаты ежемесячной денежной компенсации является приказ командира воинской части, изданный на основании рапорта военнослужащего, признанного нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, с приложением к нему документов, подтверждающих право на получение этой компенсации;

ежемесячная денежная компенсация выплачивается военнослужащему, как правило, начиная с месяца, в котором военнослужащий представил договор найма (поднайма) жилья.

Таким образом, С. сразу же после заключения договора найма жилого помещения необходимо было обратиться к командованию части с соответствующим рапортом с приложением требуемых документов.

Вместе с тем имеющееся в материалах дела сообщение командира воинской части о том, что С. обращался к нему в 2014 г. по вопросу выплаты за поднаем жилого помещения, не позволяет прийти к однозначному выводу о дате обращения истца к командованию воинской части и форме, в которой он это обращение сделал, подавал ли военнослужащий рапорт об этом и был ли этот рапорт направлен в порядке, установленном нормативными правовыми актами Министерства обороны Российской Федерации, а также издавался ли командиром воинской части соответствующий приказ. Командир воинской части или иные должностные лица части в качестве свидетелей по данному вопросу допрошены не были и эти обстоятельства остались невыясненными, как и не выяснена судьба такого рапорта, если он подавался С.

Установление обстоятельств возможности обеспечения С. служебным жильем, жилым помещением маневренного фонда или общежитием в оспариваемый период и точной даты обращения к командованию с рапортом о выплате денежной компенсации и подтверждающими право на получение этой компенсации документами имели существенное значение для дела.

Однако судом указанные обстоятельства не исследовались и оценка этому не дана.

Нарушение судом норм материального права и недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве С. на получение денежной компенсации за период с 1 января 2014 г. по 30 сентября 2015 г.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила решение Северодвинского гарнизонного военного суда от 4 февраля 2016 г. и апелляционное

определение Северного флотского военного суда от 1 апреля 2016 г. и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Установив, что сын военнослужащего на момент поступления в военно-учебное заведение, как и сам военнослужащий, нуждающимся в жилом помещении признан не был, а дочь военнослужащего при поступлении на военную службу по контракту фактически проживала в другом населенном пункте, Судебная коллегия признала законным решение жилищного органа об отказе в принятии на жилищный учет вместе с военнослужащим его детей

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 211-КГ16-21 по заявлению С. (извлечение)

Решением 35 гарнизонного военного суда от 20 мая 2015 г. частично удовлетворено исковое заявление С., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г. о снятии с учета нуждающихся в жилом помещении в избранном месте жительства членов семьи заявителя: сына – С.А. и дочь – С.М. с возложением на председателя комиссии обязанности по отмене решения и восстановлению ее детей на жилищном учете.

Судом признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях дочери заявителя – С.М., на жилищную комиссию и командира воинской части возложена обязанность по восстановлению С.М. на жилищном учете и повторному рассмотрению вопроса о возможности обеспечения заявителя с учетом ее дочери – С.М.

В удовлетворении заявления о признании незаконным решения жилищной комиссии в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях сына заявителя – С.А. судом отказано.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 25 августа 2015 г. решение отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г., на жилищную комиссию возложена обязанность по отмене указанного решения, а на командира воинской части – по утверждению этого решения. Также на жилищную комиссию возложена обязанность по рассмотрению вопроса обеспечения заявителя жилищной субсидией с учетом ее детей С.М. и С.А.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица, указывая, что на момент поступления на военную службу по контракту дочь заявителя – С.М. вместе с ней не проживала, а перед поступлением в военный институт сын вместе с заявителем проживал на территории Республики Армения, где С. нуждающейся в жилом помещении не признавалась, просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия в связи с существенным нарушением норм материального права отменила судебные акты и приняла по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении административного иска.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что С. до декабря 2007 года проходила военную службу по контракту на территории Республики Армения, где нуждающейся в жилых помещениях не признавалась, после чего была переведена для дальнейшего прохождения военной службы на территорию Российской Федерации в воинскую часть, дислоцированную в г. Якутске, где ее семья из трех человек (она, ее супруг и дочь, 2002 года рождения) была обеспечена органом местного самоуправления жилым помещением по установленным нормам.

В сентябре 2004 года ее сын – С.А. поступил в пограничный кадетский корпус г. Пушкина Ленинградской области, а затем, в июле 2006 года, в Московский пограничный институт ФСБ России, после окончания которого в июле 2011 года он проходит военную службу по контракту.

Дочь заявителя, С.М., в июне 2007 года поступила в Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, находящийся на территории Республики Армения, и проживала в г. Ереване. С июня 2014 года С.М. проживала вместе с мужем в г. Москве, а в октябре 2014 года поступила на военную службу по контракту.

В марте 2010 года С. обратилась в жилищную комиссию с заявлением о признании ее и детей – С.А. и С.М. нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы в г. Москве или ближайшем Подмосковье. Решением жилищной комиссии от 24 мая 2010 г. она вместе с детьми была включена в список военнослужащих, изъявивших желание быть обеспеченными жильем в избранном месте жительства.

Впоследствии С. вместе с членами семьи решениями жилищной комиссии была признана нуждающейся в жилых помещениях в г. Железнодорожном Московской области, а затем – в обеспечении жилищной субсидией.

Решением жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. дети заявителя – С.А. и С.М. были сняты с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном Московской области на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ.

Признавая это решение частично незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что дочь заявителя сохранила право на жилое помещение, занимаемое ею до поступления на военную службу, в связи с чем на основании п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не может быть снята с учета нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до поступления на военную службу. Аналогичную мотивировку суд апелляционной инстанции привел в обоснование незаконности решения жилищной комиссии в отношении обоих детей заявителя.

Однако такой вывод судов основан на неправильном толковании норм материального права и не соответствует обстоятельствам дела.

В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную

службу; они не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими на первые пять лет военной службы по контракту сохраняются те жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения. Такие военнослужащие не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в том случае, если они до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения находились на жилищном учете.

Между тем в суде установлено, что С.А. на момент поступления в июле 2006 года в военно-учебное заведение, как и его мать, нуждающимся в жилом помещении признан не был, а С.М. при поступлении на военную службу по контракту в октябре 2014 года фактически проживала в населенном пункте, отличном от места военной службы заявителя.

При таких данных положения абзаца одиннадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» применению к возникшим правоотношениям не подлежали.

Кроме того, из материалов дела следует, что на момент принятия жилищной комиссией Управления решения о снятии детей заявителя с жилищного учета они проходили военную службу и проживали в местах, отличных от места службы и жительства С.

Это обстоятельство также имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, имеющие общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и члены их семей вправе получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы.

Согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители данного собственника, а также другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане, если они вселены собственником в качестве членов его семьи.

Подобные положения применительно к членам семьи нанимателя жилого помещения по договорам социального найма и служебного жилого помещения содержатся в ст. 69 и 100 ЖК РФ.

Из изложенного следует, что обеспечение жилым помещением при перемене места жительства указанной категории граждан (как военнослужащих, так и членов их семей) осуществляется при их совместном проживании.

Поскольку дети заявителя совместно с ней на момент признания нуждающимися в жилом помещении в мае 2010 года не проживали, то к членам ее семьи в силу указанных норм не относятся, а поэтому права на реализацию жилищных прав совместно со своей матерью они не имеют.

По изложенным основаниям обучение С.А. и С.М. в образовательных организациях по очной форме обучения и недостижение ими 23 лет на момент по-

становки на жилищный учет в мае 2010 года не влияют на правильность оспариваемого решения жилищной комиссии.

Таким образом, решение жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. о снятии детей С. с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном Московской области по основаниям, установленным п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, основано на законе.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков личного состава воинской части, в отсутствие его согласия на это, предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 211-КГ17-14 по заявлению Я. (извлечение)

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 1 апреля 2016 г. Я. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным приказ командира воинской части от 21 января 2016 г. об исключении его из списков части, в том числе без обеспечения жильем.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 мая 2016 г. решение суда отменено с принятием по делу нового решения в части признания незаконным приказа об исключении Я. из списков части до разрешения его жилищного вопроса.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих апелляционное определение флотского военного суда отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, приведя в обоснование следующие доводы.

По делу установлено, что Я. при продолжительности его военной службы свыше 10 лет, будучи уволенным с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, был исключен из списков части.

При этом Я. был согласен с увольнением с военной службы, однако возражал против его исключения из списков личного состава до обеспечения жилым помещением. То есть нахождение на военной службе истец связывал не с ее прохождением, а с реализацией жилищных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае отсутствия у них по месту военной службы жилых помещений.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков части в отсутствие его согласия на это в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением.

Таким образом, приказ об исключении истца из списков части был издан во исполнение приказа о его увольнении с военной службы, который предметом рассмотрения в рамках данного спора не являлся.

В то же время, как установлено судом апелляционной инстанции, нарушения жилищных прав истца со стороны командования имели место до его увольнения с военной службы и были связаны с нерассмотрением в установленном порядке его жилищного вопроса, а поэтому суд второй инстанции, принимая по делу новое решение, исходил из необходимости восстановления прав истца на обеспечение жильем.

Однако, возлагая на командира воинской части обязанность восстановить истца в списках части в целях реализации его жилищных прав, суд второй инстанции не учел приведенные положения действующего законодательства, а также фактически не разрешил вопрос о порядке устранения нарушений этих его прав.

Таким образом, принятое судом апелляционной инстанции решение о незаконности исключения истца из списков части не соответствует требованиям ч. 1 ст. 176 КАС РФ о законности и обоснованности судебного решения, основано на неправильном применении норм материального права.

***

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11 октября 2016 г. № 208-КГ16-37 по заявлению С. (извлечение)

Решением Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 5 мая 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 6 августа 2015 г., частично удовлетворено заявление С., в котором он просил признать незаконным приказ о досрочном увольнении его с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и об исключении ввиду этого из списков воинской части. Суд признал незаконным приказ об исключении С. из списков воинской части, а в признании незаконным приказа об увольнении заявителя с военной службы отказал.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица, указывая на обеспечение С. служебным жильем по месту службы, на его неоднократный отказ от предлагаемых жилых помещений и жилищной субсидии, а также на противоречие закону и судебной практике решения суда о нахождении заявителя в списках воинской части до обеспечения жильем без отмены приказа о его увольнении, просил судебные акты отменить.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что С. в апреле 2008 года по месту прохождения военной службы в г. Южно-Сахалинске жилищными органами Министерства обороны Российской Федерации был обеспечен отдельной квартирой общей площадью 50,1 квадратных метра на семью из трех человек (он, супруга, сын). 24 октября 2009 г. у заявителя родился второй ребенок.

В связи с проведением организационно-штатных мероприятий С. в сентябре 2009 года обратился по команде с рапортом об увольнении в запас, попросив направить его личное дело на постоянный учет в районный военкомат р.п. Чер-

даклы Ульяновской области с одновременным обеспечением жильем в собственности по месту службы в г. Южно-Сахалинске до увольнения с военной службы.

В ходе беседы 16 октября 2009 г. заявитель с увольнением согласился, высказав при этом просьбу не исключать его из списков воинской части до обеспечения жилым помещением согласно установленным нормам.

Просьбу не исключать его из списков воинской части до обеспечения квартирой в г. Южно-Сахалинске С. впоследствии высказал и в рапорте.

Приказом от 26 ноября 2009 г., о котором ему стало известно в 2013 г., С. досрочно уволен с военной службы в запас.

27 февраля 2013 г., 18 июня и 30 октября 2014 г. С. представителем жилищного органа предлагались жилые помещения в более чем 80 населенных пунктах (в Московской области, городах Санкт-Петербурге, Краснодаре, других областных городах и населенных пунктах, в том числе близлежащих к Ульяновской области), а 30 октября 2014 г. и 11 февраля 2015 г. – жилищная субсидия, однако от всех предложений он отказался, настаивая на обеспечении жильем в собственности в г. Южно-Сахалинске.

Приказом от 2 марта 2015 г. С. исключен из списков воинской части.

В апреле 2015 года заявитель оспорил приказы об увольнении и исключении из списков воинской части в судебном порядке.

Частично удовлетворяя заявление С., суд первой инстанции в решении указал, что по месту службы заявитель жильем по установленным нормам не обеспечен, признан нуждающимся в жилом помещении и своего согласия на обеспечение жильем после окончания военной службы не давал. Также суд указал, что заявитель продолжать военную службу не намеревается, находится в распоряжении лишь до момента обеспечения его жильем. На основании изложенного суд пришел к выводу, что права С. в полном объеме будут восстановлены путем отмены приказа об исключении его из списков воинской части без отмены приказа об увольнении с военной службы.

С таким решением согласился суд апелляционной инстанции, указав дополнительно, что право выбора места и способа обеспечения жильем предоставлено военнослужащему.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права и не соответствуют обстоятельствам дела.

В суде установлено, что в связи с увольнением в запас С. просил направить его личное дело на постоянный воинский учет в районный военкомат р.п. Чердаклы Ульяновской области, то есть в населенный пункт, отличный от места прохождения военной службы.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 2 ст. 8 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» воинский учет граждан, к которым относится заявитель, осуществляется военными комиссариатами по месту их жительства, а граждан, прибывших на место пребывания на срок более трех месяцев или проходящих альтернативную гражданскую службу, – по месту их пребывания.

Следовательно, указание С. местом воинского учета р.п. Чердаклы Ульяновской области свидетельствовало об избрании им местом жительства после увольнения с военной службы названного населенного пункта.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по организационно-штатным мероприятиям в случае отсутствия у них по месту военной службы жилых помещений, а обеспечение таких военнослужащих жилыми помещениями по избранному месту жительства производится в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Содержание названной нормы закона указывает на то, что она предусматривает запрет на увольнение определенной в этой норме категории военнослужащих, не обеспеченных по месту службы жилым помещением и избравшим местом жительства населенный пункт, в котором он проходит военную службу.

В суде установлено, что С. по месту военной службы обеспечен отдельной квартирой, которая, в силу ч. 1 ст. 104 ЖК РФ, отнесена к служебным жилым помещениям, в связи с чем с учетом избрания им местом жительства р.п. Чердаклы Ульяновской области предусмотренных п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» препятствий к его увольнению не имелось.

То обстоятельство, что после рождения второго ребенка на каждого члена семьи заявителя стало приходиться менее учетной нормы занимаемой площади жилого помещения, не является препятствием к его увольнению, поскольку С. не просил признать его нуждающимся в служебном жилом помещении по месту военной службы.

Что касается требования заявителя о предоставлении жилого помещения в собственность в г. Южно-Сахалинске, то есть не по избранному месту жительства, то его невыполнение жилищными органами не могло служить основанием для продолжения С. военной службы. Тем более что из материалов дела следует, что уполномоченный орган принимал соответствующие меры для обеспечения С. жилым помещением с учетом реальных финансово-экономических и иных обстоятельств.

Кроме того, в суде установлено, что заявитель нахождение на военной службе связывал не с ее прохождением, а с реализацией жилищных прав, о чем он заявил в судебном заседании, пояснив, что «желания продолжать службу у меня не было, было желание уволиться и получить жилье».

Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что в ходе беседы и в поданном рапорте С. соглашался с увольнением, прося не исключать его из списков воинской части, а после издания 26 ноября 2009 г. приказа об увольнении и ознакомления с ним в 2013 г. заявитель его длительное время не обжаловал.

Между тем запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков личного состава воинской части, в отсутствие его согласия на это, в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением.

В судебном заседании заявитель пояснил, что всем положенным довольствием он при исключении из списков воинской части был обеспечен.

При таких данных увольнение С. с военной службы предполагало исключение его из списков воинской части в сроки, установленные п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Другие основания для продолжения заявителем военной службы после окончания организационно-штатных мероприятий и отказа от назначения на другие воинские должности отсутствовали.

При таких данных препятствий к исключению С. из списков воинской части также не имелось.

Более того, установленное в судебном заседании фактическое нежелание С. продолжать военную службу, выражение им желания встать на воинский учет после увольнения с военной службы в избранном им месте жительства и его неоднократные отказы от предлагаемых жилых помещений и жилищной субсидии свидетельствуют о том, что заявителем было допущено недобросовестное осуществление жилищных прав, причиняющее вред публичным интересам, что в силу п. 2 ст. 10 ГК РФ является основанием для отказа лицу в защите принадлежащего ему права.

Таким образом, приказ об исключении заявителя из списков воинской части, изданный во исполнение приказа о его увольнении с военной службы, Судебная коллегия признала законным, а выводы судов об обратном ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила судебные акты в обжалуемой части и приняла по делу в этой части новое решение, которым в удовлетворении заявления С. отказала.

Обеспечение военнослужащего за счет средств федерального бюджета жилым помещением по установленным нормам свидетельствует об отсутствии оснований для повторного признания его нуждающимся в служебном жилом помещении в этом же населенном пункте

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2016 г. № 208-КГ16-35 по заявлению К. (извлечение)

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 12 октября 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 22 декабря 2015 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным отказ начальника Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») в постановке на учет нуждающихся в служебном жилом помещении по месту прохождения военной службы.

В кассационной жалобе представитель начальника ФГКУ «Востокрегионжилье», ссылаясь на обеспечение в 2009 г. К. по месту прохождения им военной службы в г. Хабаровске квартирой, от приватизации которой он в 2013 г. отказался в пользу бывших членов семьи, выражает несогласие с принятыми по делу судебными постановлениями, просит их отменить и принять новое решение об отказе в удовлетворении требований К.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела усматривается, что К. в 2009 г. на семью из четырех человек в г. Хабаровске по месту и на период прохождения им военной службы была предоставлена трехкомнатная квартира общей площадью 68,4 кв. м. В ноябре 2012 года К. расторг брак и выехал из указанной квартиры. Вступившим в законную силу решением Центрального районного суда г. Хабаровска от 8 августа 2013 г. за его бывшей супругой и сыновьями признано право долевой собственности (по 1/3) на квартиру. При этом К. от участия в ее приватизации отказался.

Добровольные выезд из жилого помещения и отказ от его приватизации послужили основанием для признания К. утратившим право пользования квартирой, ранее предоставленной ему Министерством обороны Российской Федерации по месту прохождения военной службы. При этом, как следует из вступившего в законную силу решения Центрального районного суда г. Хабаровска от 8 июня 2015 г., обстоятельств, свидетельствующих о вынужденном характере выезда К. из квартиры, создании ему препятствий в пользовании ею, а также намерениях К. вселиться в это жилое помещение и несении им расходов по его содержанию, установлено не было.

Как на момент обращения в ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о принятии на учет нуждающихся в служебном жилом помещении, так и в период рассмотрения административного дела военными судами К. проходил военную службу в г. Хабаровске, то есть место его службы не менялось.

Суд первой инстанции, удовлетворяя требования административного истца, исходил из того, что в г. Хабаровске К. и члены его новой семьи какого-либо жилья не имеют, служебным жилым помещением по нормам жилищного законодательства не обеспечены, что, в силу ст. 51, 92 и 99 ЖК РФ, является основанием для признания его нуждающимся в служебном жилом помещении по месту прохождения военной службы. С таким выводом согласился суд апелляционной инстанции.

Судами допущена ошибка в толковании норм материального права, что выразилось в следующем.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета. Военнослужащим – гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно ст. 93 и ч. 2 ст. 99 ЖК РФ служебное жилое помещение предоставляется в связи с прохождением службы только тем гражданам, которые не обеспечены жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Между тем К. в г. Хабаровске за счет средств федерального бюджета был обеспечен жилым помещением по установленным нормам, поэтому основания для повторного признания его нуждающимся в служебном жилом помещении в этом же населенном пункте отсутствуют.

Необеспеченность административного истца жильем в г. Хабаровске на момент его обращения в ФГКУ «Востокрегионжилье» на данный вывод не влияет,

поскольку государством обязательство по предоставлению жилого помещения по месту прохождения К. военной службы исполнено, а право пользования таким им утрачено ввиду собственных добровольных действий.

При таких данных следует признать, что отказ начальника ФГКУ «Востокрегионжилье» в постановке К. на учет нуждающихся в служебном жилом помещении по месту прохождения им военной службы основан на законе.

Допущенная судами ошибка является существенным нарушением норм материального права, повлиявшим на исход дела, без устранения которого невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что является основанием для отмены в кассационном порядке обжалуемых судебных постановлений.

Поскольку обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены на основании имеющихся в деле доказательств, однако судами допущена ошибка в толковании норм материального права, Судебная коллегия по делам военнослужащих приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления К., не передавая дело на новое рассмотрение.

Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 года № 201-КГ17-16 по заявлению Е. (извлечение)

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 21 июля 2016 года, Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 29 февраля 2016 года об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Е. в ноябре 2000 года был вселен в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области.

После поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских час-

тях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домна Забайкальского края.

В июне 2013 года истец приобрел в собственность в г. Наро-Фоминске Московской области квартиру как участник накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 года обратился в ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения.

Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря 2015 года и от 26 декабря 2015 года Е. уволен в отставку по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе – и исключен из списков части.

1 февраля 2016 года истец снялся с регистрационного учета из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежащей ему на праве собственности.

Сообщением врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» от 29 февраля 2016 года заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, истец в 2000 году вселен в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъемщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено.

Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учета за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно пунктам 1 и 15 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительно-ипотечной системе).

В соответствии с частью 1 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтен-

ные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу части 2 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе.

Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела, на что правильно указано в судебных актах.

Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения – своих родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абзацем одиннадцатым пункта 1 статьи 15 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу, в силу части 1 статьи 31 ЖК РФ обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, – с учетом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья – не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственников жилого помещения.

Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно частям 2 и 4 статьи 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 года – статьи 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом.

При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополнительных накопления для жилищного обеспечения, установленных частью 2 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

С учетом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита нарушенных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Согласие истца с получением жилого помещения и последующие его действия, связанные с оплатой площади этого жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы соответствующего населенного пункта, в котором расположено жилье

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 201-КГ17-1 по заявлению Ж. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года отменено решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года об отказе в удовлетворении заявления Ж., в котором он просил признать незаконными утвержденные командиром

воинской части решения жилищной комиссии воинской части от 30 ноября 2015 года и от 8 декабря 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и учете его как подлежащего обеспечению жилым помещением в форме субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия) соответственно.

Суд апелляционной инстанции заявление удовлетворил, признал незаконными решение жилищной комиссии от 8 декабря 2015 года полностью, а решение от 30 ноября 2015 года – в части даты признания Ж. нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве, возложив на жилищную комиссию обязанность указать такой датой 11 августа 2005 года.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судами при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм материального права, выразившееся в следующем.

Из материалов дела следует, что Ж., признанному решением жилищной комиссии от 31 января 2005 года нуждающимся в жилом помещении на основании его рапорта от 27 января 2005 года и зачисленному с сентября 2005 года в распоряжение командира в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, решением жилищной комиссии от 17 декабря 2014 года в связи с увольнением в запас предложена для получения квартиры в г. Люберцы Московской области, находившаяся с 25 июля 2014 года в оперативном управлении федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

После письменного согласия Ж. с получением указанной квартиры решением жилищной комиссии от 25 марта 2015 года она была распределена ему в собственность. Площадь жилого помещения, превышающая норму предоставления, истец оплатил за счет собственных средств.

Однако впоследствии Ж. от получения квартиры отказался, сославшись на недостатки произведенных в жилом помещении отделочных и монтажных работ, и 18 ноября 2015 года обратился с рапортом, в котором указал, что в соответствии с ранее поданным им по команде 11 августа 2005 года рапортом просит считать избранным постоянным местом жительства после окончания военной службы г. Москву.

Решением жилищной комиссии от 30 ноября 2015 года Ж. признан в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и решением жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года он учтен как подлежащий обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии.

Отменяя решение гарнизонного военного суда о признании законными названных решений жилищной комиссии, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что при решении вопроса о жилищном обеспечении Ж. подлежал разрешению его рапорт не от 27 января 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, а от 11 августа 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, тогда как предоставленное ему жилое помещение в г. Люберцы Московской области не находилось ни по месту его службы, ни по из-

бранному месту жительства, а также превышало норму предоставления. С учетом изложенного факт отказа истца от указанного жилого помещения учету не подлежал.

Между тем окружным военным судом оставлено без внимания, что согласие Ж. с получением квартиры в г. Люберцы Московской области и последующие его действия, связанные с оплатой площади жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы названного населенного пункта. Тем более что в судебном заседании Ж. пояснил, что для него не имело принципиального значения место обеспечения жильем именно в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, поэтому в зависимости от месторасположения населенного пункта он не возражал против обеспечения его жилым помещением в г. Люберцы Московской области.

В связи с изложенным ссылка суда апелляционной инстанции на рапорт истца от 11 августа 2005 года о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области является беспредметной. Необходимость учета такого рапорта командованием отпала с момента согласия истца с предоставленной ему квартирой в г. Люберцы Московской области.

Данное обстоятельство указывает на законность принятого жилищной комиссией решения от 30 ноября 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве именно с 18 ноября 2015 года, т.е. с момента повторного обращения в жилищную комиссию.

Основано на законе и решение жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года об учете Ж. как подлежащего обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии, поскольку согласно пункту 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, признанным нуждающимися в жилых помещениях, отказавшимся от предложенного жилого помещения, расположенного по месту военной службы или по избранному месту жительства, которое соответствует требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а также изъявившим желание изменить ранее избранное место жительства, предоставляется жилищная субсидия.

Что касается мотивов отказа от получения предоставленной Ж. квартиры, то вступившим в законную силу решением Одинцовского гарнизонного военного суда от 5 февраля 2016 года такой отказ был признан необоснованным ввиду соответствия жилого помещения предъявляемым к нему требованиям и отсутствия заключения межведомственной комиссии о признании его непригодным для проживания.

Следовательно, факт отказа истца от предоставленного жилого помещения, вопреки выводу окружного суда, подлежал учету при решении вопроса о предоставлении ему жилищной субсидии.

На основании изложенного Судебная коллегия нашла, что решение гарнизонного военного суда о необоснованности требований Ж. является законным, а вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года по административному исковому заявлению Ж. и оставила в силе решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года по административному исковому заявлению Ж.

Учитывая, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, вселение им в качестве членов семьи других лиц в одно из жилых помещений, в котором он не проживает, свидетельствует об отнесении этих лиц к членам семьи собственника жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 года № 210-КГ16-26 по заявлению Л. (извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года Л. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия начальников федерального государственного казенного учреждения «Северное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление) и филиала № 1 федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Мурманской области», связанные с отказом в принятии на жилищный учет члена его семьи – супруги.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года решение суда первой инстанции отменено и по делу принято новое решение, которым на начальника Управления возложена обязанность поставить жену административного истца на жилищный учет в составе его семьи. Основанием для такого решения послужил вывод о том, что Лобанова Е.С. применительно к статье 31 ЖК РФ членом семьи собственника жилого помещения не является, так как совместно с ним не проживает.

В кассационной жалобе начальник Управления просил отменить принятое по делу апелляционное определение и оставить в силе решение суда первой инстанции ввиду того, что жена административного истца обеспечена жильем свыше учетной нормы в качестве члена семьи собственника жилого помещения, поскольку зарегистрирована и вселена в соответствующем статусе в жилое помещение, принадлежащее ее матери.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что Л., проходящий военную службу по контракту с декабря 1994 года, 31 мая 2006 года признан нуждающимся в жилом помещении. 20 июня 2009 года административный истец заключил брак с гражданкой М., которой была присвоена фамилия Л-а.

В мае 1999 года мать супруги административного истца М.Я. приобрела в собственность трехкомнатную квартиру общей площадью 60,9 кв.м, в которую 15 июля 1999 года вселила свою дочь М. (Л-ву) в качестве члена семьи с регистрацией по указанному адресу.

После заключения административным истцом брака с Л-вой они проживали в указанной квартире, а после приобретения М.Я. в июле 2011 года в собственность еще одной квартиры, переселились в нее с заключением между М.Я. и Л. договора найма.

Решением начальника отдела № 3 федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации от 24 ноября 2015 года отказано во включении жены административного истца в Единый реестр военнослужащих, принятых на учет нуждающихся в жилых помещениях. Основанием для такого решения послужило сохранение супругой административного истца прав члена семьи собственника жилого помещения – трехкомнатной квартиры общей площадью 60,9 кв. м, – принадлежащего ее матери.

Удовлетворяя требования административного истца, суд апелляционной инстанции исходил из того, что применительно к положениям статьи 31 ЖК РФ Л-ва не является членом семьи собственника жилого помещения (матери), поскольку с 2011 года проживает совместно с мужем на основании договора найма жилого помещения в иной (второй) квартире, также принадлежащей ее матери квартире.

При этом судом оставлено без внимания, что Л-ва вселена в первую квартиру в качестве члена семьи своей матери.

Кроме того, из договора найма, заключенным между М.Я. и Л., не следует, что Л-ва вселяется в квартиру не как член семьи собственника жилого помещения, а в ином качестве и ей каким-либо образом ограничивалось право пользования этим жильем.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно части 1 статьи 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника.

Следовательно, Л-ва с июля 1999 года является членом семьи собственника жилого помещения.

Что касается вселения Л-вой в другую (вторую) квартиру, принадлежащую ее матери на праве собственности, то какого-либо соглашения с собственником, определяющего ее права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ, в материалах не имеется, что с учетом положений части 1 статьи 31 ЖК РФ свидетельствует о том, что как член семьи собственника жилого помещения она вселена и в принадлежащую М.Я. квартиру и как член ее семьи согласно части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования данным жилым помещением наравне с собственником.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что собственник квартиры М.Я. проживает отдельно от своей дочери, не опровергает факт вселения собственником М.Я. в жилое помещение в качестве члена семьи своей дочери с учетом того, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, а не только в том жилом помещении, в котором проживают вселенные им в качестве членов семьи другие лица.

Тем более что проживание Л-вой в первой квартире с учетом установленных данных не свидетельствует об утрате ею прав члена семьи собственника жилого помещения по месту регистрации.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года и оставила в силе решение Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Лица, вселенные военнослужащим в качестве членов семьи в нанимаемое им жилое помещение при невозможности представления им служебного жилого помещения, приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 года № 201-КГ16-53 по заявлению Л. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года отменено решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года об удовлетворении административного искового заявления Л., в котором он просил признать незаконным решение начальника отделения (территориальное, г. Смоленск) федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – территориальное отделение) от 15 января 2016 года о снятии сына его супруги от первого брака К. с учета нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административного истца в качестве члена семьи.

По делу принято новое решение об отказе Л. в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев материалы дела по доводам кассационной жалобы Л., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Л., заключивший первый контракт после 1 января 1998 года, проходит военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Смоленске.

Решением начальника территориального отделения от 16 августа 2013 года Л. признан нуждающимся в получении служебного жилого помещения на состав семьи из 4 человек (административный истец, супруга, его сын и сын супруги от первого брака К.).

Уведомлением начальника территориального отделения от 15 января 2016 года Л. сообщено об исключении сына его супруги от первого брака из списка нуждающихся в обеспечении служебным жильем в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административного истца как члена семьи военнослужащего.

Данное решение должностного лица Л. оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что при решении вопроса о том, кого следует относить к чле-

нам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением от Министерства обороны Российской Федерации, необходимо руководствоваться положениями ЖК РФ.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое об отказе в удовлетворении административного искового заявления, окружной военный суд указал, что при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением, необходимо руководствоваться пунктом 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», который содержит перечень лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего. Поскольку между Л. и К. отсутствует кровное родство, каких-либо данных о том, что последний находится на иждивении административного истца, не имеется, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворении заявленных требований.

Однако такой вывод окружного военного суда основан на неправильном применении норм материального права.

Из пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» следует, что военнослужащие, поступившие на военную службу после 1 января 1998 года, и совместно проживающие с ним члены их семей на весь срок военной службы обеспечиваются служебными жилыми помещениями в соответствии с нормами, установленными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Порядок обеспечения военнослужащих служебными жилыми помещениями регулируется Инструкцией о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 года № 1280 (далее – Инструкция).

Пунктом 2 Инструкции установлено, что для получения служебного жилого помещения военнослужащему следует подать заявление в структурное подразделение уполномоченного органа, к которому приложить необходимые документы, в том числе справку о составе семьи.

Из материалов дела следует, что в 2013 году в установленном порядке Л. обратился с соответствующим заявлением в территориальное отделение, приложив справку от 22 мая 2013 года, подписанную командиром воинской части, о том, что в состав его семьи входит К., 1996 года рождения. То есть на момент принятия на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями необходимые документы Л. были представлены.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что К. утратил право претендовать на обеспечение служебным жилым помещением в качестве члена семьи военнослужащего Л., является необоснованным по следующим причинам.

При решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, следует руководствоваться нормами ЖК РФ, по смыслу которых, к членам семьи военнослужащего могут относиться не только родственники, но и иные совместно проживающие с ним лица.

Так, согласно части 5 статьи 100 ЖК РФ к пользованию специализированными жилыми помещениями применяются правила, предусмотренные статьей 65, частями 3 и 4 статьи 67 и статьей 69 ЖК РФ.

Из содержания названных норм следует, что члены семьи нанимателя специализированного жилого помещения имеют равные с нанимателем права и обязанности.

Часть 1 статьи 70 ЖК РФ устанавливает, что на вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласие остальных членов семьи нанимателя и согласие наймодателя.

Из материалов дела усматривается, что в марте 2000 года Л. заключил брак с Л.-вой, совместно с которой проживал ее несовершеннолетний сын – К.

Таким образом, с 2000 года, в том числе на момент постановки на учет нуждающихся в обеспечении служебным жилым помещением в 2013 году, К., реализуя предусмотренное частью 2 статьи 54 СК РФ право ребенка жить и воспитываться в семье, совместно проживал со своей матерью и Л., что подтверждается их совместной регистрацией по адресу воинской части, договорами найма жилого помещения от 1 января 2015 года и 1 января 2016 года, из которых следует, что К. вселен в арендуемое Л. жилое помещение в качестве члена семьи, а также свидетельствами о регистрации по месту пребывания и копией домовой книги.

Вопреки выводам суда апелляционной инстанции, по смыслу взаимосвязанных положений пунктов 1 и 3 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», части 5 статьи 100, статьи 65, частей 3 и 4 статьи 67 и статьи 69 ЖК РФ лица, вселенные военнослужащим в качестве членов его семьи в такое жилое помещение при невозможности представления им служебного жилого помещения приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения.

При этом, по смыслу пункта 3 статьи 15 указанного закона, проживание военнослужащих с членами семьи в жилых помещениях на условиях найма (поднайма) при отсутствии возможности предоставления им служебных жилых помещений с выплатой ежемесячной компенсации является одной из форм реализации жилищных прав военнослужащих, влекущей те же правовые последствия, что и совместное пользование этими лицами служебным жильем, в том числе право на улучшение жилищных условий.

На момент снятия К. с учета нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями сложившиеся ранее условия совместного проживания в составе семьи названных выше лиц не изменились.

Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для признания права Л. на обеспечение служебным жилым помещением с учетом К. является ошибочным.

По тем же основаниям является несостоятельным утверждение о том, что правом на обеспечение жилым помещением обладают лишь члены семьи военнослужащего, указанные в пункте 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года и оставила в силе решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Аннулирование регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именного накопительного счета возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накоплений, учтенных на этом счете, то есть до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 206-КГ17-4 по заявлению С. (извлечение)

Решением Красноярского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., С. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства тыла Главного командования внутренних войск МВД России (далее – Управление расквартирования и строительства), связанные с исключением его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – накопительно-ипотечной система), и Федерального государственного казенного учреждения «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – ФГКУ «Росвоенипотека»), связанные с прекращением перечислений ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по договору целевого жилищного займа.

В кассационной жалобе С. просил об отмене судебных актов и о принятии по делу нового решения об удовлетворении его требований.

В обоснование жалобы он указал на оставление судами без внимания того обстоятельства, что ошибки, допущенные должностными лицами Управления расквартирования и строительства при включении его в реестр участников накопительно-ипотечной системы, повлекшие перечисление средств целевого жилищного займа на приобретение им квартиры, не должны ограничивать и нарушать его права на жилье, поскольку приобретенное указанным способом жилое помещение зарегистрировано на его имя, в связи с чем он лишен права на обеспечение жильем другим способом.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих.

Рассмотрев материалы административного дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального и процессуального права, что выразилось в следующем.

Из дела следует, что С. в августе 1999 г. поступил в военный институт внутренних войск МВД России, в период обучения в сентябре 2000 г. заключил контракт о прохождении военной службы и в августе 2004 г. был назначен на воинскую должность после окончания военного учебного заведения и получения в связи с этим офицерского воинского звания.

В декабре 2005 г. истец включен на основании рапорта в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих,

в связи с чем в июле 2012 г. в воинскую часть, в которой он проходит военную службу, из ФГКУ «Росвоенипотека» поступило свидетельство о его праве на получение целевого жилищного займа.

18 октября 2012 г. С. заключил договор с ФГКУ «Росвоенипотека» о предоставлении целевого жилищного займа за счет накоплений для жилищного обеспечения, а также кредитный договор с ЗАО «Банк Жилищного Финансирования» о предоставлении кредита, согласно которому возврат кредита и уплата процентов за пользование кредитом осуществляется за счет средств целевого жилищного займа, предоставленного заемщику в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительно-ипотечной системе).

После получения целевого жилищного займа и кредита, С. приобрел в ноябре 2012 г. по договору купли-продажи жилое помещение по месту военной службы.

В марте 2015 г. заместитель руководителя ФГКУ «Росвоенипотека», сославшись на поступившие из Управления расквартирования и строительства сведения об ошибочном включении истца в реестр участников накопительно-ипотечной системы, уведомил его о прекращении с 1 марта 2015 г. ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту и предложил ему возратить 1 568 541 руб. 70 коп., из которых 1 038 261 руб. 70 коп. составил первоначальный взнос, а 530 280 руб. – средства, перечисленные банку в счет погашения обязательств по ипотечному кредиту.

Отказывая в удовлетворении заявления С., суд первой инстанции исходил из того, что истец был незаконно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, в связи с чем действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ «Росвоенипотека» по прекращению ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту являются правомерными.

Соглашаясь с выводами гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что законодательство не предусматривает возможность предоставления военнослужащим, ошибочно включенным в реестр участников накопительно-ипотечной системы, продолжать числиться в этом реестре и пользоваться денежными средствами, в том числе в случае заключения военнослужащим договоров о приобретении жилого помещения.

Такие выводы судов основаны на неправильном толковании закона.

Суды обеих инстанций пришли к верному выводу о том, что С., окончивший военно-учебное заведение в августе 2004 г., был ошибочно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, поскольку в силу ч. 1 и 2 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе обязательным условием признания за военнослужащим права на включение в реестр участников накопительно-ипотечной системы является окончание им военно-учебного заведения и присвоение в связи с этим первого воинского звания после 1 января 2015 г.

При этом суды оставили без внимания иные, имеющие значение для дела обстоятельства.

В судебном заседании установлено, что после включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы, предоставления в связи с этим от ФГКУ «Росвоенипотека» целевого жилищного займа и получения кредита в ЗАО «Банк

Жилищного Финансирования» истец приобрел по договору купли-продажи жилое помещение.

Это обстоятельство, вопреки выводу судов, является юридически значимым.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона о накопительно-ипотечной системе направление кредитору участника накопительно-ипотечной системы средств целевого жилищного займа в целях уплаты первоначального взноса при приобретении с использованием ипотечного кредита (займа) жилого помещения и погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу) является исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Согласно пп. 7, 8 Правил ведения именных накопительных счетов участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2005 г. № 655, основанием для закрытия уполномоченным федеральным органом именного накопительного счета является исключение военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы, а в случае ошибочного открытия указанного счета уполномоченный федеральный орган аннулирует регистрационный номер участника накопительно-ипотечной системы, при этом средства накоплений для жилищного обеспечения, учтенные на счете, возвращаются в федеральный бюджет.

В ч. 3 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе предусмотрены следующие основания для исключения военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы: увольнение его с военной службы; исключение его из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим; исполнение государством своих обязательств по обеспечению военнослужащего в период прохождения военной службы жилым помещением (за исключением жилого помещения специализированного жилищного фонда) иным предусмотренным нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации способом за счет средств федерального бюджета.

Содержание названных правовых норм в их взаимосвязи указывает на то, что военнослужащий может быть исключен из реестра участников накопительно-ипотечной системы только при наличии оснований, указанных в законе.

Между тем таких оснований по делу не установлено, в связи с чем отсутствуют основания и для закрытия уполномоченным федеральным органом именного накопительного счета.

Что касается аннулирования регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именного накопительного счета, то в силу приведенных норм закона это возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накоплений, учтенных на этом счете, то есть до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

В противном случае такой военнослужащий не может быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса участника накопительно-ипотечной системы и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 14 января 2016 г. №1-П, о необходимости соблюдения вытекающих из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 19, чч. 2, 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации принципов поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение прав, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для реализации этих прав, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Таким образом, действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ «Росвоенипотека», связанные с прекращением исполнения взятых на себя обязательств по жилищному обеспечению истца после фактического включения его в реестр участников накопительно-ипотечной системы и предоставления целевого жилищного займа, на законе не основаны.

Придя к ошибочному выводу о правомерности таких действий, суд необоснованно оставил без выяснения полномочия и вопросы разграничения компетенции между административными ответчиками по реализации прав истца как участника накопительно-ипотечной системы, в связи с чем обжалуемые судебные акты были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Проживание членов семьи административного истца в принадлежащей на праве собственности квартире его супруги указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости административного истца и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 202-КГ17-2 по заявлению Т. (извлечение)

Решением 224 гарнизонного военного суда от 29 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 31 мая 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Т., в котором он просил признать незаконным решение начальника Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 31 декабря 2015 г. о снятии его вместе с супругой с учета нуждающихся в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в августе 1982 г. высшего военного училища до ноября 2011 г. проходил военную службу на Северном

флоте, после чего был назначен заместителем Главного Командующего Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации по вооружению и переведен в г. Москву, а в связи с переводом Главного Командования Военно-Морского Флота Вооруженных Сил Российской Федерации в г. Санкт-Петербург – переведен в октябре 2013 г. в г. Санкт-Петербург.

Занимаемые жилые помещения в период военной службы на Северном флоте Т. сдал в установленном порядке, а по новому месту военной службы был обеспечен служебным жильем.

Супруга административного истца в период брака, в мае 2002 г., приобрела в г. Санкт-Петербурге в собственность двухкомнатную квартиру общей площадью 46,6 кв. м, в которую вселила своего и административного истца сына – Т., его супругу и двух внуков, после чего 16 июля 2010 г. подарила эту квартиру сыну. Другого жилья в собственности и пользовании Т. и его супруга не имели.

Решением врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. Т. на основании заявления был поставлен вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства в г. Москве, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры (до 16 июля 2015 г. – на основании ст. 53 ЖК РФ).

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 октября 2013 г. Т. уволен с военной службы в запас по собственному желанию с оставлением в списках очередников на получение жилой площади в избранном месте жительства.

В октябре 2015 г. Т. обратился к директору Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации с заявлением о внесении изменений в реестр военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, изменив избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Санкт-Петербург.

Решением начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. Т. снят с жилищного учета ввиду отсутствия оснований для постановки на жилищный учет, а также его увольнения с военной службы до истечения пятилетнего срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Удовлетворяя заявление административного истца о признании названного решения незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что проживавшие в принадлежащей на праве собственности супруги административного истца квартире сын, невестка и внуки были вселены в качестве членов семьи собственника, в связи с чем они подлежали учету при определении доли общей площади жилого помещения, приходящейся на Т. и его супругу. Поскольку на каждого из членов семьи собственника жилого помещения приходилось менее учетной нормы площади жилого помещения, суд признал правомерным решение жилищного органа о постановке административного истца на жилищный учет с учетом жилого помещения, которым в июле 2010 г. распорядилась его супруга.

С выводами суда первой инстанции согласился окружной военный суд.

Такие выводы судов соответствуют материалам дела и основаны на правильном применении норм материального права.

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены ЖК РФ.

Частью 1 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

Вселенные собственником жилого помещения члены его семьи, в силу ч. 2 ст. 31 ЖК РФ, имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что вопрос о признании лица членом семьи собственника жилого помещения судам следует разрешать с учетом положений ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, исходя из того, что для признания перечисленных в данной норме лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

Данное разъяснение сделано применительно к ситуации наличия у собственника единственного жилого помещения для проживания.

В суде установлено, что супруга Т. вселила в принадлежащую ей на праве собственности квартиру своего сына, его супругу и детей без заключения какого-либо соглашения, определяющего их права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ.

Сам Т. в этот период проходил военную службу в г. Северодвинске Архангельской области, где проживал вместе с супругой в предоставленном им за счет Министерства обороны Российской Федерации жилом помещении.

В судебном заседании Т. пояснил, что его сын, невестка и внуки были вселены в принадлежащее его супруге на праве собственности жилое помещение именно в качестве членов семьи. Это заявление не было опровергнуто допрошенной в судебном заседании в качестве свидетеля супругой административного истца.

При таких данных факт вселения сына административного истца, его супруги и их детей в принадлежавшую на праве собственности супруги Т. квартиру в качестве членов семьи сомнений не вызывает.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку проживание названных лиц в принадлежащей на праве собственности квартире супруги административного истца в качестве членов семьи указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости Т. и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ основаниями для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, является обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что на момент отчуждения принадлежащей супруги административного истца квартиры в ней проживало четыре члена ее семьи и на всех них, а также на Т. и его супругу приходилось по 7,7 кв. м.

Согласно ст. 9 Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Москве установлена в размере 10 квадратных метров площади жилого помещения.

В силу ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. № 407-65 «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Санкт-Петербурге составляет 9 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Следовательно, как при постановке на жилищный учет в период прохождения военной службы в г. Москве, так и при перемене места жительства после увольнения с военной службы в г. Санкт-Петербурге административный истец являлся нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При таких данных решение врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. о постановке Т. вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры является правильным, а решение начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилых помещениях не основано на законе.

В связи с изложенным суд первой инстанции правомерно признал незаконным оспариваемое решение жилищного органа о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении, восстановив его права на обеспечение жильем в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения судебные акты по административному исковому заявлению Т., а кассационную жалобу представителя административного ответчика – без удовлетворения.

Обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 года № 202-КГ16-16 по заявлению А. (извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года А. отказано в удовлетворении административного искового заявле-

ния, в котором он просил признать незаконным решение федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Западрегионжилье») об исключении из списка на предоставление служебного жилого помещения.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года решение суда отменено и по делу принято новое решение, которым административный иск удовлетворен.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя ФГКУ «Западрегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в связи с существенным нарушением норм материального права апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года и оставила в силе решение Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года об отказе в удовлетворении административного искового заявления А., приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела усматривается, что А., включенный в составе семьи из трех человек в список на предоставление служебного жилого помещения, прибыв в июле 2015 года к новому месту военной службы, продолжил ее прохождение в воинской части, дислоцированной в поселке Горелово г. Санкт-Петербурга.

При этом в апреле 2015 года А. с использованием денежных средств, полученных им в рамках участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, приобрел в собственность двухкомнатную квартиру, расположенную в г. Всеволожске Ленинградской области.

Решением исполняющего обязанности заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье», оформленным уведомлением от 20 октября 2015 года, А. с членами семьи исключен из списка на предоставление служебного жилья.

Поводом для исключения А. из указанного списка явилось наличие у него в собственности жилого помещения в сопредельном с местом прохождения военной службы населенном пункте – г. Всеволожске Ленинградской области.

Административный истец, полагая, что его проживание в г. Всеволожске создает значительные затруднения в повседневном исполнении им обязанностей военной службы и препятствует своевременному прибытию к месту службы, оспорил решение жилищного органа в судебном порядке.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и удовлетворяя заявленные иски, исходил из того, что проживание А. в имеющемся у него в собственности жилом помещении в г. Всеволожске не исключало возможности претендовать на получение служебного жилья в г. Санкт-Петербурге с учетом затрачиваемого им времени и других обстоятельств, затрудняющих его своевременное прибытие к месту службы.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном толковании закона.

В суде установлено, что А. обеспечен по установленным нормам жильем в г. Всеволожске Всеволожского района Ленинградской области в непосредственной близости от административной границы г. Санкт-Петербурга. При этом возможность регулярного перемещения из г. Всеволожска в г. Санкт-Петербург и

обратно обеспечивается разветвленной транспортной инфраструктурой, позволяющей выбрать различные способы и маршруты движения.

В соответствии с частью 2 статьи 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным названным кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и проживающим совместно с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Исходя из системного толкования приведенных положений законодательства обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, а поэтому обстоятельства, на которые имеется ссылка в апелляционном определении, юридически значимыми для данного дела не являются.

При таких обстоятельствах дела оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось, поскольку решением жилищного органа об исключении А. из списка на предоставление служебного жилого помещения права и законные интересы последнего, которые подлежали бы восстановлению, не нарушены.

***

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 201-КГ 17-15 по заявлению К. (изложение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 7 июля 2016 г. отменено решение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении административного искового заявления К., в котором он просил признать незаконным отказ начальника отделения (территориального, г. Владимир) Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 14 января 2016 г. в принятии его на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями.

По делу принято новое решение об удовлетворении административного искового заявления в указанной части.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что К., проходящий военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в пос. Пакино Ковровского района Владимир-

ской области, с октября 1994 г. зарегистрирован по месту жительства в г. Коврове Владимирской области в квартире общей площадью 62,9 кв.м, которая принадлежит на праве собственности его матери. Супруга административного истца с декабря 1995 г. зарегистрирована по месту жительства в принадлежащей ее отцу на праве собственности квартире в том же населенном пункте общей площадью 63,1 кв.м.

14 января 2016 г. начальник территориального отделения ФГКУ «Западрегионжилье» принял решение об отказе в принятии К. с женой на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями в связи с наличием у него и у его супруги права пользования жилыми помещениями, расположенными в близлежащем к месту прохождения им военной службы населенном пункте – в г. Коврове Владимирской области.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, и удовлетворяя заявленные требования о признании указанного решения жилищного органа незаконным, исходил из того, что пос. Пакино и г. Ковров являются различными населенными пунктами, не имеют общих границ, административный истец и его жена обеспечены жилыми помещениями, находящимися за пределами населенного пункта, в котором К. проходит военную службу, а поэтому он имеет право на принятие на учет нуждающихся в предоставлении служебных жилых помещений.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном истолковании закона.

В суде установлено, что пос. Пакино и г. Ковров расположены в границах одного муниципального образования – Ковровского района Владимирской области, районным центром которого является г. Ковров, эти населенные пункты удалены друг от друга на расстояние, не превышающее 10 км, и имеют общую развитую транспортную инфраструктуру.

В соответствии с ч. 2 ст. 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным этим кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно абзацу второму п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащим - гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Исходя из системного толкования приведенных положений законодательства, обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, а поэтому обстоятельства, указанные в апелляционном определении и на которые ссылается административный истец, юридически значимыми для данного дела не являются.

При таких обстоятельствах дела оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 7 июля 2016 г. по административному исковому заявлению К. и оставила в силе решение Владимирского гарнизонного военного суда от 26 апреля 2016 г. по данному делу.

Военнослужащие, обеспеченные в период военной службы жилым помещением специализированного фонда в общежитии и признанные нуждающимися в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, не могут быть уволены с военной службы без предоставления жилья (получения жилищной субсидии) без их согласия

Решением 35 гарнизонного военного суда в удовлетворении требований Г. об оспаривании приказов командования, связанных с увольнением с военной службы и исключением из списков личного состава воинской части без обеспечения жильем, отказано. Признавая оспариваемые приказы законными, гарнизонный суд исходил из того, что Г. обеспечена жильем по месту службы по установленным нормам.

Тихоокеанский флотский военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, решение отменил по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Г. с 18 августа 2008 г. признана нуждающейся в служебном жилом помещении, а с 10 августа 2015 г. в связи с предстоящим увольнением с военной службы – нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, ею избрана форма жилищного обеспечения – жилищная субсидия. При этом Г., общая продолжительность военной службы которой составляет более 10 лет, просила уволить ее в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе после получения жилищной субсидии.

Согласно договору найма специализированного жилого помещения, заключенному в апреле 2009 года между Елизовской квартирно-эксплуатационной частью и Г., последней были предоставлены комнаты в общежитии.

В соответствии с ч. 1 ст. 94 ЖК РФ жилые помещения в общежитиях предназначены для временного проживания граждан в период их работы, службы или обучения.

Согласно ч. 2 ст. 105 ЖК РФ договор найма жилого помещения в общежитии заключается на период трудовых отношений, прохождения службы или обучения. Прекращение трудовых отношений, обучения, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма жилого помещения в общежитии.

В соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие – граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в федеральном органе исполнительной власти или федеральном государственном органе, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной служ-

бе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии.

Таким образом, Г., имеющая право на проживание в общежитии до увольнения с военной службы и состоящая на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, не могла без ее согласия быть уволена с военной службы без предоставления жилищной субсидии.

При таких обстоятельствах флотский военный суд принял по делу новое решение, которым оспоренные приказы командира воинской части признал незаконными и возложил на него обязанность восстановить Г. на военной службе в прежней (или с ее согласия - равной или не ниже) должности.

Решение суда об отказе в удовлетворении требований истца отменено, поскольку судом не установлены предусмотренные п. 1 ст. 10 ГК РФ обязательные юридические признаки злоупотребления правом

С., состоящая на учете нуждающихся в жилых помещениях, приказом командования без ее согласия уволена с военной службы по состоянию здоровья без предоставления жилого помещения.

Решением Краснознаменского гарнизонного военного суда в удовлетворении ее заявления об оспаривании приказа об увольнении отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции основывался на том, что С., отказавшись перед увольнением от предлагаемых ей по установленным нормам служебных жилых помещений, злоупотребила своим правом, поэтому у командования не имелось препятствий для ее увольнения с военной службы.

Отменяя данное решение и принимая новое об удовлетворении требований истца о восстановлении на военной службе, 3 окружной военный суд исходил из следующего.

По делу установлено, что С., общая продолжительность военной службы которой составляет более 10 лет, увольняющаяся по состоянию здоровья, имеет право в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на обеспечение жилым помещением по своему выбору в собственность бесплатно или по договору социального найма либо жилищной субсидией.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ под злоупотреблением правом понимается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Факт недобросовестности или злоупотребления правом со стороны истца должен доказываться ответчиком.

Действия С., которая, обладая правом на получение жилого помещения по своему выбору в собственность бесплатно или по договору социального найма либо жилищной субсидии, перед увольнением отказалась от предложенных ей служебных квартир, противозаконными не являлись. Административным ответчиком не представлено доказательств, что эти действия были направлены исключительно на причинение ему вреда, а поэтому вывод суда первой инстанции о допущенном административным истцом злоупотреблении правом является ошибочным.

Бесплатное получение военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, до 1 марта 2005 г. от органов местного самоуправления земельного участка для индивидуального жилищного строительства не может являться основанием для отказа в принятии его на жилищный учет при условии, если с момента отчуждения построенного на этом земельном участке жилого дома истек срок, установленный ст. 53 ЖК РФ

К., состоявший на учете нуждающихся в жилых помещениях с 2011 года, в августе 2014 года обратился в жилищный орган с заявлением, в котором просил предоставить ему субсидию для приобретения жилого помещения, однако ему было отказано со снятием с жилищного учета на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ.

В обоснование принятого решения руководитель уполномоченного жилищного органа указал, что К. как военнослужащему, в 2000 г. был предоставлен под индивидуальное жилищное строительство в аренду, а затем в 2004 г. и в собственность, земельный участок площадью 1000 кв. м в пос. Новая Ляда Тамбовского района Тамбовской области, который вместе с построенным на нем за счет личных средств К. жилым домом, общей площадью 77,6 кв. м, им отчужден 14 ноября 2006 г.

Поскольку в 2000 г. К. правом на бесплатное получение земельного участка для строительства жилья воспользовался как военнослужащий, руководитель жилищного органа пришел к выводу о том, что он не может повторно быть обеспечен жильем от Министерства обороны Российской Федерации даже через 5 лет после его отчуждения в 2006 г.

К. оспорил указанные действия руководителя жилищного органа в Тамбовском гарнизонном военном суде, который в удовлетворении заявления отказал.

Московский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил в связи с неправильным применением норм материального права, требования К. удовлетворил, указав следующее.

В силу п. 5 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ граждане снимаются с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в случае предоставления им в установленном порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления земельного участка для строительства жилого дома, за исключением граждан, имеющих трех и более детей.

Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» граждане, принятые на учет до 1 марта 2005 г., снимаются с данного учета по основаниям, предусмотренным пп. 1, 3-6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, а также в случае утраты ими оснований, которые до введения в действие ЖК РФ давали им право на получение жилых помещений по договорам социального найма.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 6 ЖК РФ акты жилищного законодательства не имеют обратной силы и применяются к жилищным правоотношениям, возникшим после введения его в действие. Действие акта жилищного законодательства может распространяться на жилищные отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, прямо предусмотренных этим актом.

Снятие с жилищного учета военнослужащих в случае предоставления им земельного участка для строительства жилого дома ЖК РСФСР, действовавшим до 1 марта 2005 г., не предусматривалось.

Следовательно, поскольку правоотношения, связанные с предоставлением К. органом местного самоуправления земельного участка, возникли до 1 марта 2005 г., то п. 5 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ в качестве основания для снятия К. с жилищного учета в связи с предоставлением ему в 2000 г. земельного участка применить быть не может.

Однако в силу ч. 3 ст. 6 ЖК РФ, согласно которой в жилищных отношениях, возникших до введения в действие акта жилищного законодательства, данный акт применяется к жилищным правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие, а также с учетом требований ст. 53 ЖК РФ отчуждение истцом в 2006 г. жилого дома, построенного им за счет личных средств на вышеуказанном участке, препятствовало признанию его нуждающимся в обеспечении жилым помещением в течение последующих пяти лет.

Таким образом, принятое жилищным органом в 2011 году решение о принятии истца на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, требованием действующего законодательства не противоречит.

При решении вопроса о признании военнотружущего и членов его семьи нуждающимися в жилом помещении в избранном месте жительства ранее предоставленное военным ведомством по договору социального найма жилое помещение по месту прохождения военной службы приниматься во внимание не должно, если возможность сдачи этого жилья не утрачена

М., проходящий военную службу по контракту в г. Пыталово Псковской области, обратился в жилищную комиссию с заявлением о принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях по избранному постоянному месту жительства в г. Санкт-Петербурге в связи с предстоящим увольнением с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Жилищная комиссия отказала М. в удовлетворении заявления, мотивируя решение тем, что в населенном пункте по месту службы он и члены его семьи обеспечены жилым помещением по договору социального найма, общая площадь которого превышает учетную норму, установленную в г. Санкт-Петербурге, поэтому они не имеют права на обеспечение жилым помещением в избранном месте жительства.

Псковский гарнизонный военный суд удовлетворил заявление М. и обязал ответчика повторно рассмотреть вопрос о принятии его на жилищный учет. При этом суд пришел к выводу, что наличие у военнотружущего жилого помещения по договору социального найма по месту службы, само по себе, не является препятствием для обеспечения его жилым помещением в другом населенном пункте, который военнотружущий избрал для постоянного проживания.

Ленинградский окружной военный суд оставил решение суда первой инстанции без изменения по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что М. в 1995 году по месту прохождения военной службы по контракту в г. Пыталово по договору социального найма предоставлено жилое помещение. В 2017 году он достигает предельного возраста пребывания на военной службе, общая продолжительность которой составляет более 10 лет. Местом жительства после увольнения с военной службы М. избрал г. Санкт-Петербург.

В соответствии с абзацем третьим п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие - граждане, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., имеющие общую продолжительность военной службы более 10 лет, в случае увольнения по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право на обеспечение за счет военного ведомства постоянным жильем в избранном месте жительства, отличным от места службы, при условии признания нуждающимися в жилых помещениях.

Согласно подп. «и» п. 7 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054, избрание постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания военнослужащих нуждающимися в получении жилых помещений.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жильем помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жильем помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Таким образом, указанная гарантия предоставляется военнослужащим и совместно проживающим членам их семей в безусловном порядке, но при условии сдачи военному ведомству жилых помещений и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Поскольку М. по общей продолжительности военной службы и основанию увольнения подпадает под действие указанных правовых норм, которые не предусматривают каких-либо ограничений в праве военнослужащих на жилое помещение в избранном месте жительства, факт предоставления ему в 1995 году жилого помещения по договору социального найма по месту военной службы в г. Пыталово не может препятствовать принятию его на учет нуждающихся в

жилых помещениях в г. Санкт-Петербурге в связи с предстоящим в 2017 году увольнением с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Следовательно, при решении вопроса о признании военнослужащих и членов их семей нуждающимися в жилых помещениях в избранном месте жительства не должно приниматься во внимание ранее предоставленное военным ведомством по месту прохождения службы жилье, возможность сдачи которого не утрачена.

В материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о наличии каких-либо препятствий для сдачи семьей М. занимаемой по договору социального найма квартиры в г. Пыталово.

Сведений о наличии у М. и членов его семьи других жилых помещений на территории Российской Федерации по договору социального найма или в собственности ответчиком не представлено.

При таких обстоятельствах гарнизонный военный суд правомерно пришел к выводу о незаконности оспариваемого решения жилищной комиссии об отказе в принятии М. и членов его семьи на учет нуждающихся в жилых помещениях в избранном месте жительства.

Требование жилищного органа о предоставлении военнослужащим документов о сдаче ранее предоставленного ему жилого помещения, возможность сдачи которого не утрачена, на этапе разрешения вопроса о принятии его на учет для обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства не основано на законе

Л., имеющий общую продолжительность военной службы более 20 лет и обеспеченный по месту прохождения службы жилым помещением по договору социального найма, в связи с предстоящим увольнением по возрасту обратился с рапортом в жилищную комиссию о принятии его на учет для предоставления жилого помещения по избранному после увольнения с военной службы месту жительства – г. Ростове-на-Дону.

Отказывая Л. в принятии на жилищный учет, жилищная комиссия сослалась на то обстоятельство, что он не представил документы о сдаче занимаемой им квартиры.

Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд указанное решение жилищной комиссии признал незаконным.

Северо-Кавказский окружной военный суд оставил решение суда первой инстанции без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в

том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Принимая во внимание, что при обращении с просьбой о принятии на жилищный учет Л. одновременно взял на себя обязательство о сдаче занимаемой им квартиры, возможность сдачи которой истцом не утрачена, у жилищного органа не имелось оснований требовать документы о сдаче указанной квартиры на этапе разрешения вопроса о принятии его на жилищный учет для обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства.

Внесение в Единый реестр военнослужащих, принятых на учет нуждающихся в жилых помещениях, сведений об уменьшении общей площади подлежащего предоставлению истцу жилого помещения в связи с оставлением после расторжения брака бывшей жене и детям служебного жилья является необоснованным, поскольку собственник этого жилья установленным порядком распределил его бывшим членам семьи заявителя

Решением начальника Федерального государственного казенного учреждения «Северрегионжилье» Л. принят на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с внесением в Единый реестр военнослужащих, принятых на учет нуждающихся в жилых помещениях, (далее в примере – Реестр) сведений об уменьшении общей площади предоставляемого жилого помещения на 15, 93 кв. м в связи с оставлением служебного жилого помещения бывшей жене и детям.

Североморский гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении требований Л. о признании данного решения незаконным и возложении на должностное лицо обязанности по исключению из Реестра указанных сведений.

Северный флотский военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, решение суда первой инстанции отменил по следующим основаниям.

Согласно материалам дела Л. с членами семьи (супруга и двое детей) с 2008 года проживал в 3-комнатной служебной квартире, закрепленной администрацией ЗАТО Александровск, за воинской частью Минобороны России.

В 2012 году брак между Л. и его супругой расторгнут. В 2013 году Л. по месту службы предоставлена 1-комнатная служебная квартира общей площадью 30, 3 кв. м, где он зарегистрирован по месту жительства.

В этом же году по ходатайству заместителя начальника пожарной части № 1 Федерального государственного казенного учреждения «Специальное управление Федеральной противопожарной службы № 48» МЧС России и по согласованию с командованием воинской части вышеуказанная 3-комнатная квартира постановлением Главы администрации ЗАТО Александровск исключена из слу-

жебного жилого фонда, закрепленного за воинской частью, и закреплена в качестве служебного жилья за Федеральным государственным казенным учреждением «Специальное управление Федеральной противопожарной службы № 48» МЧС России с одновременным предоставлением этой квартиры служащей этой пожарной части – бывшей супруги Л., с которой на период прохождения службы заключен договор найма служебного жилого помещения.

Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

В соответствии с чч. 2, 3 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены ЖК РФ; вправе предоставить во владение и (или) в пользование принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение гражданину на основании договора найма, договора безвозмездного пользования или на ином законном основании, а также юридическому лицу на основании договора аренды или на ином законном основании с учетом требований, установленных гражданским законодательством и ЖК РФ.

Следовательно, разрешение вопросов, связанных с возможностью проживания в служебном жилом помещении бывших членов семьи военнослужащего, зависит от волеизъявления собственника такого помещения и (или) уполномоченного им органа.

Истец в связи с расторжением брака и получением иного служебного жилья по месту службы выехал из 3-х комнатной служебной квартиры. Данное обстоятельство не являлось основанием для прекращения прав, принадлежащих собственнику этого жилого помещения.

Передача вышеуказанной квартиры из ведения Минобороны России в ведение МЧС России осуществлена ее собственником – администрацией ЗАТО Александровск.

Таким образом, оснований для внесения в Реестр сведений об уменьшении размера подлежащего предоставлению за счет средств федерального бюджета жилого помещения в избранном Л. месте жительства не имелось.

В общую продолжительность военной службы (службы), дающую право на получение государственного жилищного сертификата, включается суммарная продолжительность военной службы по контракту и призыву, службы в органах внутренних дел Российской Федерации, в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, содержащихся за счет средств федерального бюджета

Решением Краснореченского гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении требований С. о признании незаконным решения жилищной комиссии воинской части о снятии его с учета нуждающихся в жилых помещениях для предоставления государственного жилищного сертификата.

Отказывая в удовлетворении требований истца, гарнизонный военный суд пришел к выводу, что С. проходил службу на должностях, содержащихся не за счет средств федерального бюджета, и не имеет необходимой для получения государственного жилищного сертификата выслуги лет на военной службе.

Дальневосточный окружной военный суд, рассматривая дело в апелляционном порядке, признал такой вывод несоответствующим обстоятельствам дела и установил, что судом первой инстанции нарушены нормы материального права.

Из материалов дела следует, что С. до поступления на военную службу по контракту проходил службу в органах внутренних дел, замещая должности, которые финансировались за счет средств федерального бюджета. При этом суммарная продолжительность службы (военной и в органах внутренних дел) на момент принятия жилищной комиссией оспариваемого решения составляла более 10 лет, С. подлежал увольнению с военной службы по состоянию здоровья.

В соответствии с абзацем четвертым п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим - гражданам, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, подлежащим увольнению с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, в последний год военной службы Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) по желанию военнослужащего - гражданина выдается государственный жилищный сертификат для приобретения жилого помещения на семью в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Правила выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством «Федеральной целевой программы «Жилище» на 2015 - 2020 годы» (далее в примере – Правила), утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153.

Согласно п. 5 Правил, право на получение социальной выплаты, удостоверяемой сертификатом, в рамках подпрограммы имеют, как военнослужащие, указанные в абзаце первом п. 14 ст. 15 и абзаце четвертом п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», так и сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, содержащиеся за счет средств федерального бюджета и увольняемые со службы по достижении ими предельного возраста пребывания на службе, или по состоянию здоровья, или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность службы которых в календарном исчислении составляет 10 лет и более, принятые на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, федеральным органом исполнительной власти, в котором проходят службу указанные сотрудники.

Пунктом 10 Правил определено, что в общую продолжительность военной службы (службы), дающую право на получение субсидии, включается суммар-

ная продолжительность военной службы по контракту и призыву, службы в органах внутренних дел Российской Федерации, в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, содержащихся за счет средств федерального бюджета.

Приведенные нормы материального права судом первой инстанции были нарушены, поэтому окружной военный суд, установив, что общая продолжительность службы С. с учетом периодов службы в органах внутренних дел составляла более 10 лет, пришел к выводу о наличии у истца права на получение государственного жилищного сертификата, отменил решение суда и принял новое – об удовлетворении требований С.

4. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВОЗМЕЩЕНИЕМ РАСХОДОВ НА ВОЕННУЮ И СПЕЦИАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) – военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается исходя из установленной степени ответственности каждого из них в размере причиненного ущерба

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 205-КГ17-1 по иску к М. (извлечение)

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 29 июля 2015 г. с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции удовлетворен частично иск командира воинской части о взыскании с М. 610 490 руб. 47 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного в связи с утратой материальных ценностей.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе М., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные постановления отменила, дело направила на новое рассмотрение в Краснодарский гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что М. работал кладовщиком вещевого склада воинской части и с ним был заключен договор о полной материальной ответственности за недостачу вверенного ему имущества.

В результате проведенной инвентаризации вещевого имущества воинской части была выявлена недостача вещевого имущества на сумму 954 648 руб. 07 коп.

Приказом командира воинской части, изданным на основании материалов административного расследования, установлено, что недостача вещевого имущества образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей М. и отсутствия надлежащего контроля со стороны начальника вещевого склада воинской части Ш., а также слабого контроля за деятельностью подчиненных должностных лиц помощником командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б.

В связи с этим на основании названного приказа Б. и Ш. привлечены к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет в счет частичного возмещения ими причиненного государству материального ущерба.

Другим приказом командира воинской части, изданным по результатам проверки хозяйственной деятельности воинской части и инвентаризации материальных средств, действительная сумма недостачи вещевого имущества составила 610 701 руб. 70 коп., в том числе у М. – 610 490 руб. 47 коп., у заведующей вещевым складом М.А. – 211 руб. 23 коп.

Удовлетворяя исковое заявление командира воинской части (с учетом уменьшения судом апелляционной инстанции суммы ущерба на 211 руб. 23 коп.), суд исходил из того, что утраченное вещевое имущество было вверено М. под отчет, в связи с чем в силу закона он подлежит привлечению к материальной ответственности в размере действительного ущерба.

Однако такой вывод сделан судом без учета имеющихся значение для дела обстоятельств и основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что недостача вещевого имущества воинской части образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей не только М., но и начальника вещевой службы воинской части Ш., а также помощника командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б., в связи с чем с них в счет частичного возмещения причиненного государству материального ущерба были взысканы по одному окладу месячного денежного содержания и одной месячной надбавке за выслугу лет.

Эти обстоятельства являлись юридически значимыми для дела.

Согласно ст. 238 Трудового кодекса Российской Федерации работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб, под которым понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники), нарушившие своими приказами (распоряжениями) установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения, повреждения, порчи, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Содержание названных законодательных норм в их взаимосвязи указывает на то, что материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) – военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается в долевом порядке исходя из установленной степени ответственности каждого из них.

Поскольку по решению командира воинской части на военнослужащих этой же части Ш. и Б. возложена обязанность по частичному возмещению ущерба, вызванного недостатками вещевого имущества, удержанная с них сумма не может быть повторно взыскана с М. В ином случае размер взысканий в счет возмещения причиненного ущерба превысит прямой действительный ущерб, что не основано на законе.

Следовательно, суду необходимо было установить не только реальную сумму причиненного государству материального ущерба, но и размер суммы, взы-

сканной с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба, и только после этого решить вопрос о размере подлежащей взысканию суммы ущерба с М. Однако этого по делу сделано не было.

Из представленных в суд и исследованных в судебном заседании материалов также осталось неясным, в связи с чем была уменьшена сумма материального ущерба в размере 954 648 руб. 07 коп., установленная по результатам инвентаризации вещевого имущества воинской части, до 610 490 руб. 47 коп., и учтены ли при этом суммы, подлежащие взысканию с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба.

Кроме того, в соответствии со ст. 246 Трудового кодекса Российской Федерации размер ущерба, причиненного работодателю при утрате и порче имущества, определяется по фактическим потерям, исчисляемым исходя из рыночных цен, действующих в данной местности на день причинения ущерба, но не ниже стоимости имущества по данным бухгалтерского учета с учетом степени износа этого имущества.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные об учете степени износа утраченного вещевого имущества, а суд первой инстанции это обстоятельство не проверил. Изложенные нарушения оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Необходимым условием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности за причиненный ущерб является наличие вины военнослужащего

25 мая и 30 июля 2013 г. в воинской части выявлена утрата полученных З. двух мареографов открытого моря «MIDAS WLR.», общая стоимость которых, с учетом износа, составила 915 183 руб. 19 коп.

Полагая, что отсутствие записей о передаче З. вышеперечисленных приборов для проведения гидрографических работ является достаточным основанием для признания его виновным в причинении материального ущерба, командир воинской части обратился в суд с иском, в котором просил привлечь З. к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет и взыскать 46 250 руб.

Решением Мурманского гарнизонного военного суда иск удовлетворен.

В суде первой инстанции установлено, что З., проходивший военную службу в должности командира экспедиционного географического отряда, по накладной от 12 марта 2013 г., утвержденной командиром воинской части, со склада этой воинской части получил два мареографа «MIDAS WLR.».

28 марта и 19 июня 2013 г. командир воинской части выдал командиру гидрографической партии экспедиционного гидрографического отряда этой же воинской части С. техническое предписание на установку двух мареографов «MIDAS WLR.».

11 мая и 17 июля 2013 г. командой под руководством С. были выставлены в море мареографы на буйах, а 25 мая и 30 июля того же года обнаружено их отсутствие.

При таких данных вывод суда первой инстанции о том, что в результате утраты двух мареографов воинской части причинен реальный ущерб, являлся верным.

Вместе с тем решение гарнизонного военного суда в части признания З. виновным в причинении этого ущерба является ошибочным.

В силу п. 1 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» необходимым условием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности за причиненный ущерб является наличие вины военнослужащего и причинно-следственной связи между его действием (бездействием) и наступившим реальным ущербом.

Из материалов дела следует, что в ходе подготовки к гидрографическим работам два мареографа открытого моря, числящиеся за З., были получены С. и выставлены на притопленных автономных буйковых станциях, закрепленных к якорю тросом. В результате зацепа троса неустановленным объектом (предположительно рыболовным тралом) произошел его обрыв и утрата мареографов. При этом вины в данном происшествии личного состава не установлено.

Эти обстоятельства подтверждались объяснениями самого З., рапортами командира гидрографической партии С., заключениями о результатах административного расследования от 10 июля и 1 октября 2013 г., постановлениями начальника ОД ОМВД России по Кольскому району Мурманской области от 18 декабря 2013 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении неустановленного лица и в отношении должностных лиц воинской части в связи с отсутствием состава преступления.

С учетом изложенного оснований для признания З. виновным в причинении ущерба воинской части и привлечения его к материальной ответственности не имелось. Не являлось таковым и отсутствие записей о передаче З. вышеназванных приборов для проведения гидрографических работ.

С учетом всех обстоятельств дела Северный флотский военный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска командования.

Военнослужащие не несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен их неосторожными действиями, повлекшими затраты на лечение в учреждениях здравоохранения военнослужащих, пострадавших в результате этих действий

В результате допущенных старшим мичманом С. нарушений требований пп. 5 и 11 Правил плавания по внутренним водным путям РФ, утвержденных приказом Минтранса России от 14 октября 2002 г. № 129, а также Правил пользования маломерными судами на водных объектах РФ, утвержденных приказом МЧС России от 29 июня 2005 г. № 502, при управлении мотолодкой «Стриж-600», налетевшей на мель, пассажир лодки См. ударился о каркас ветрового стекла мотолодки и получил телесные повреждения, расценивающиеся как тяжкий вред здоровью, вследствие чего потерпевший находился на стационарном лечении в военном госпитале.

Судом первой инстанции удовлетворены иски о возмещении вреда здоровью потерпевшего, причиненного в результате нарушения правил плавания по внутренним водным путям РФ, утвержденных приказом Минтранса России от 14 октября 2002 г. № 129, а также Правил пользования маломерными судами на водных объектах РФ, утвержденных приказом МЧС России от 29 июня 2005 г. № 502, при управлении мотолодкой «Стриж-600», налетевшей на мель, пассажир лодки См. ударился о каркас ветрового стекла мотолодки и получил телесные повреждения, расценивающиеся как тяжкий вред здоровью, вследствие чего потерпевший находился на стационарном лечении в военном госпитале.

войск Министерства внутренних дел Российской Федерации» о взыскании с мичмана С. денежных средств, затраченных на стационарное лечение потерпевшего См. в период с 17 июня по 16 июля 2015 г. в сумме 372 679 рублей 3 копейки.

Московский окружной военный суд указанное решение в связи с неправильным применением норм материального права отменил, исходя из следующего.

Пунктом 1 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» установлено, что военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб.

Согласно ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен умышленными действиями военнослужащих, повлекшими затраты на лечение в военно-медицинских учреждениях и учреждениях здравоохранения военнослужащих, пострадавших в результате этих действий.

Постановлением 235 гарнизонного военного суда от 11 января 2016 г. уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 263 УК РФ, прекращено по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ и в соответствии со ст. 76 УК РФ он освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

При этом, поскольку субъективная сторона вышеуказанного преступления характеризуется неосторожной формой вины, у суда первой инстанции отсутствовали основания для привлечения С. к полной материальной ответственности.

Обязанность по возмещению затрат федерального бюджета на военную и специальную подготовку, в определенном законом ряде случаев, может быть возложена лишь на граждан, с которыми был заключен контракт о прохождении военной службы

Решением Балашихинского гарнизонного военного суда удовлетворено исковое заявление Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее в примере – академия). С бывшего курсанта В. взысканы денежные средства, затраченные на обучение, военную и специальную подготовку в размере 135 639 рублей.

Удовлетворяя иск, суд исходил из того, что истец имеет право на возмещение затраченных на обучение В. средств независимо от заключения ответчиком контракта о прохождении военной службы.

Отменяя данное решение и принимая новое об отказе в удовлетворении иска, 3 окружной военный суд признал, что такой вывод основан на ошибочном толковании норм материального права.

Из материалов дела следует, что В. на основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 1 августа 2014 г. зачислен на первый курс академии и назначен на воинскую должность курсанта с присвоением воинского звания рядовой.

Приказом начальника академии от 20 июля 2015 г. В. отчислен с первого курса в связи с нежеланием проходить обучение и направлен для прохождения воен-

ной службы по призыву в воинскую часть. Контракт о прохождении военной службы с В. не заключался.

Согласно п. 2 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, не проходившие военную службу, при зачислении в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и заключают контракт о прохождении военной службы по достижении ими возраста 18 лет, но не ранее окончания ими первого курса обучения в указанных образовательных организациях. Военнослужащие, отказавшиеся заключить контракт о прохождении военной службы в порядке, установленном этим законом, подлежат отчислению из военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования.

В соответствии с п. 4 указанной статьи военнослужащие мужского пола, отчисленные из военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться, а также отказавшиеся заключить контракт о прохождении военной службы, если к моменту отчисления из указанных образовательных организаций они достигли возраста 18 лет, не выслужили установленного срока военной службы по призыву и не имеют права на увольнение с военной службы, на освобождение или отсрочку от призыва на военную службу, направляются для прохождения военной службы по призыву.

При этом п. 7 этой же статьи предусмотрено, что граждане, отчисленные из военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться либо отказавшиеся заключить контракты о прохождении военной службы, возмещают средства федерального бюджета, затраченные на их военную или специальную подготовку. Указанные граждане не возмещают средства федерального бюджета, затраченные на обеспечение исполнения ими обязанностей военной службы в период обучения. Порядок исчисления размера возмещаемых средств определяется Правительством Российской Федерации. При заключении контрактов о прохождении военной службы с гражданами, обучающимися в военных профессиональных образовательных организациях и военных образовательных организациях высшего образования, условие о возмещении средств, указанных в этом пункте, а также размер подлежащих возмещению средств включаются в контракт о прохождении военной службы.

Согласно п. 7.1. ст. 4 Положения о порядке прохождения военной службы при заключении контрактов с гражданами, обучающимися в военно-учебных заведениях (поступающими в них), этим гражданам разъясняются порядок исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на их военную или специальную подготовку, включаемых в контракты, и состав расходов, исходя из которых определяется размер указанных средств.

Системное толкование приведенных норм, регулирующих спорное правоотношение, в их взаимосвязи позволяет сделать вывод, что обязанность по возмещению затрат федерального бюджета на военную или специальную подготовку, в определенном законом ряде случаев, может быть возложена лишь на граждан, с которыми заключен контракт о прохождении военной службы.

Причинение другим лицом вреда здоровью военнослужащего не является основанием для компенсации морального вреда за счет органа военного управления

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 212-КГ16-9 по заявлению К. (извлечение)

Решением Калининградского гарнизонного военного суда от 22 июля 2015 г. отказано в удовлетворении искового заявления К. к командующему Балтийского флота о взыскании денежной компенсации морального вреда в размере 2 миллионов рублей, причиненного повреждением здоровья во время прохождения военной службы.

Апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 17 сентября 2015 г. решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение о частичном удовлетворении требований К. и взыскании в его пользу с Управления Балтийского флота 10 тысяч рублей.

В кассационных жалобах представители ответчиков, указывая на необоснованное возложение на Управление Балтийского флота, не привлеченное к участию в деле, гражданско-правовой ответственности по возмещению причиненного истцу морального вреда и ошибочность вывода флотского военного суда о причинении К. вреда источником повышенной опасности, просили апелляционное определение отменить.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия отменила обжалуемое апелляционное определение в связи с существенным нарушением норм материального и процессуального права и оставила в силе решение Калининградского гарнизонного военного суда от 22 июля 2015 г. об отказе в удовлетворении искового заявления К.

Из материалов дела следует, что основанием для предъявления иска К. о взыскании денежной компенсации морального вреда послужило причинение ему в ноябре 1994 года при исполнении обязанностей военной службы в карауле травмы – огнестрельного сквозного пулевого ранения левого тазобедренного сустава и левого бедра в результате неосторожного обращения сослуживца И. с пистолетом Макарова.

При принятии решения об отказе в удовлетворении иска К. к командующему Балтийским флотом, привлеченным к участию в деле вместо реформированной воинской части, в которой проходил военную службу истец, о денежной компенсации морального вреда гарнизонный военный суд исходил из того, что командование воинской части не являлось непосредственным причинителем вреда здоровью К., при этом вины воинских должностных лиц в ненадлежащей организации караульной службы и в обеспечении безопасности военной службы не установлено. Также суд в своем решении

сослался на факт получения К. страховых выплат в связи с полученным огнестрельным ранением.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования в определенной части, флотский военный суд пришел к выводу, что поскольку вред здоровью К. причинен при несении им караульной службы с оружием, то в соответствии с положениями ст. 151, 1079 и 1100 ГК РФ гражданско-правовая ответственность по возмещению причиненного истцу морального вреда должна быть возложена на соответствующую воинскую часть, как на владельца источника повышенной опасности.

Между тем указанный вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности, и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.).

В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что, по смыслу ст. 1079 ГК РФ, источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами. Учитывая, что названная норма не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать источником повышенной опасности также иную деятельность, не указанную в перечне. При этом надлежит учитывать, что вред считается причиненным источником повышенной опасности, если он явился результатом его действия или проявления его вредоносных свойств. В противном случае вред возмещается на общих основаниях.

Таким образом, в гражданско-правовых отношениях под осуществлением деятельности граждан и юридических лиц, связанной с повышенной опасностью, понимается работа производства, предприятия, управление транспортны-

ми средствами и тому подобная деятельность, связанная с высокой вероятностью причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека.

Несение же караульной службы, в том числе с огнестрельным оружием, указанным признакам не отвечает и в гражданско-правовом аспекте не может признаваться деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих.

С учетом приведенных обстоятельств правовые основания для взыскания с Управления Балтийского флота в пользу К. денежной компенсации морального вреда в связи с причинением вреда его здоровью в соответствии со ст. 1079 и п. 1 ст. 1100 ГК РФ отсутствовали.

Помимо этого, судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм процессуального права.

В отсутствие правопреемника реформированной воинской части, где была организована караульная служба с оружием, при несении которой К. получил травму, суд апелляционной инстанции взыскал соответствующую денежную компенсацию морального вреда с Управления Балтийского флота как с вышестоящего командования владельца источника повышенной опасности.

Однако, как усматривается из материалов дела, Управление Балтийского флота судом к участию в деле не привлекалось.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, возложив на указанное учреждение гражданско-правовую ответственность по возмещению причиненного К. морального вреда, принял решение о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле.

Допущенные судом второй инстанции нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что является основанием для отмены в кассационном порядке апелляционного определения.

При этом решение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении требований К. о денежной компенсации морального вреда за счет воинской части подлежит оставлению в силе, поскольку оно основано на правильном применении норм материального права – ст. 1064, 1069, 1071, 1084 ГК РФ, – и условий для его ревизии не имеется.

5. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Неизвещение административного истца о времени и месте судебного заседания апелляционной инстанции повлекло отмену апелляционного определения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № 201-КГ17-20 по заявлению К. (извлечение)

Решением Московского гарнизонного военного суда от 18 февраля 2016 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления К., в котором он просил признать незаконными приказы воинского должностного лица об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и исключении из списков части соответственно.

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 19 мая 2016 г. решение гарнизонного военного суда в части отказа в удовлетворении заявления об отмене приказа об исключении административного истца из списков части отменено и по делу принято новое решение об удовлетворении заявления в указанной части. В остальном решение оставлено без изменения.

В кассационной жалобе К., указав на ненадлежащее извещение его о судебном заседании суда апелляционной инстанции, а также на отсутствие его согласия с увольнением без обеспечения жилым помещением, просил судебные акты отменить.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение окружного военного суда и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации административное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, при этом ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предусмотрены процессуальные права лиц, участвующих в деле, в частности право представлять доказательства, до начала судебного разбирательства знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в этом деле, и с доказательствами, истребованными в том числе по инициативе суда, участвовать в исследовании доказательств, заявлять ходатайства, давать объяснения суду в устной и письменной форме.

Эти права обеспечиваются надлежащим извещением лиц, участвующих в деле, о месте и времени судебного заседания.

Согласно ч. 1 ст. 140 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в случае разбирательства административного дела в судебном заседании о времени и месте судебного заседания обязательно извещаются лица, участвующие в деле, иные участники судебного разбирательства.

Аналогичное требование закреплено в ч. 2 ст. 306 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, согласно которой, установив, что административное дело подготовлено к судебному разбирательству, суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы в апелляционном порядке, а в случае, если дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надле-

жащим образом о времени и месте судебного заседания, то на основании п. 2 ч. 1 ст. 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации судебный акт подлежит безусловной отмене.

Из материалов дела следует, что после поступления 21 апреля 2016 г. административного дела по заявлению К. в окружной военный суд апелляционное судебное заседание по его рассмотрению назначено на 19 мая 2016 г. в помещении Московского окружного военного суда, о чем заявителю 25 апреля 2016 г. направлено письменное извещение по адресу, указанному в его заявлении.

Однако письменное извещение в дальнейшем было возвращено в суд в связи с невручением адресату, а данных о том, что извещение не было вручено истцу по обстоятельствам, зависящим от него, а также свидетельствующих об уведомлении истца о судебном заседании иным способом, в деле не содержится.

Из изложенного следует, что судом апелляционной инстанции в нарушение ст. 14, 45 и 306 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации дело было рассмотрено в отсутствие истца, не извещенного о времени и месте судебного заседания, что свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права, которое повлияло на исход административного дела и без устранения которого невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов К.

Неправильное определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела, повлекло отмену судебных постановлений

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 209-КГ17-2 по иску А. (извлечение)

Решением 26 гарнизонного военного суда от 22 апреля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением 3 окружного военного суда от 19 июля 2016 г., отказано в удовлетворении иска А. к федеральному государственному унитарному предприятию «Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева» (далее – ФГУП «ГКНПЦ») о восстановлении прежней должности мойщика посуды и взыскании среднемесячного заработка за время вынужденного прогула на работе.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе А., Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу о необходимости отмены судебных постановлений по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. на основании трудового договора осуществляла трудовую деятельность в ФГУП «ГКНПЦ» на должности мойщика посуды в штате работников отдела (столовая) завода по эксплуатации ракетно-космической техники.

24 декабря 2015 г. А. под роспись была уведомлена о сокращении ее должности и предстоящем увольнении. В тот же день она дала согласие на перевод на другую должность (уборщика производственных и служебных помещений), однако при назначении на данную должность работодателем отдано предпочтение другому сотруднику – Н., а А. приказом ФГУП «ГКНПЦ» от 25 февраля 2016 г. уволена с занимаемой должности в связи с сокращением штата работников организации.

Отказывая А. в удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истец уволена с занимаемой должности в соответствии с требованиями закона, поскольку порядок увольнения ответчиком не нарушен, о предстоящем увольнении она предупреждена за два месяца, согласие профсоюзного комитета ФГУП «ГКНПЦ» на расторжение трудового договора с А. получено, на вакантную должность, с переводом на которую А. согласилась, назначен другой сотрудник, имеющий по сравнению с ней преимущественное право на оставление на работе, а от иных должностей, соответствующих ее квалификации, она отказалась.

Суд апелляционной инстанции с решением суда согласился.

Между тем такой вывод судов основан на неправильном применении норм материального права и произведен с нарушением норм процессуального права.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае сокращения численности или штата работников организации.

В пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что расторжение трудового договора с работником по п. 2 ч. 1 ст. 81 Кодекса возможно при условии, что он не имел преимущественного права на оставление на работе (ст. 179 ТК РФ), был предупрежден персонально и под роспись не менее чем за два месяца о предстоящем увольнении (ч. 2 ст. 180 ТК РФ).

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 179 ТК РФ при сокращении численности или штата работников преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам с более высокой производительностью труда и квалификацией. При равной производительности труда и квалификации предпочтение в оставлении на работе отдается: семейным – при наличии двух или более иждивенцев (нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию); лицам, в семье которых нет других работников с самостоятельным заработком; работникам, получившим в период работы у данного работодателя трудовое увечье или профессиональное заболевание; инвалидам Великой Отечественной войны и инвалидам боевых действий по защите Отечества; работникам, повышающим свою квалификацию по направлению работодателя без отрыва от работы.

С учетом приведенных норм материального права юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения спора являлось исполнение ответчиком требований ст. 179 ТК РФ об определении преимущественного права истца по сравнению с другими сотрудниками организации на оставление на работе с учетом производительности труда, уровня квалификации, образования, профессиональных качеств и других обстоятельств.

Однако суд первой инстанции указанные нормы материального права применил неправильно, ошибочно определив и юридически значимые обстоятельства для разрешения дела.

Согласно приказу ФГУП «ГКНПЦ» от 13 ноября 2015 г. о сокращении численности и штата работников завода в столовой, в которой работала А., сокращению подлежали две должности мойщика посуды, в связи с чем была создана комиссия по определению преимущественного права на оставление на работе и определен ее состав.

Таким образом, в распоряжении у суда имелись сведения о том, что сокращению подлежали не все должности мойщика посуды в отделе, где работала А.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в этом случае судом должно было быть проверено наличие у А. преимущественного права на оставление на работе по сравнению с другими сотрудниками, замещающими должности мойщика посуды, а не должность уборщика производственных и служебных помещений.

Однако в материалах дела отсутствует и судом не исследовано штатное расписание завода, в связи с чем количество штатных должностей категории «мойщик посуды» в столовой судом не установлено.

Также судом не определен и не проверен перечень лиц, по сравнению с которыми комиссия пришла к заключению об отсутствии у А. преимущественного права на оставление на работе в связи с сокращением численности и штата работников столовой, как не дана оценка и обоснованности этого заключения.

Изложенное свидетельствует о том, что суд надлежащим образом не проверил соблюдение ответчиком процедуры увольнения истца с работы с точки зрения выполнения положений, определенных чч. 1, 2 ст. 179 ТК РФ, нарушив право А. на судебную защиту.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не оценил доводы истца в апелляционной жалобе о том, что на момент сокращения двух должностей мойщика посуды в столовой работало 8 мойщиков посуды.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Акт проверки отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части может быть оспорен в порядке административного судопроизводства должностными лицами, на которых возложены обязанности по устранению установленных нарушений

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 211-КГ17-5 по заявлению А. (извлечение)

Определением 35 гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 17 мая 2016 года, прекращено производство по административному исковому заявлению начальника федерального государственного казенного учреждения Министерства обороны Российской Федерации (далее – ОМИС) о признании незаконными сведений, изложенных в ряде пунктов акта проверки Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному ок-

ругу) (далее – КФИ) от 24 ноября 2015 года, о встречной проверке отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника ОМИС, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в 35 гарнизонный военный суд в ином составе суда, указав в обоснование следующее.

Как следует из материалов дела, на основании приказа начальника Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному округу) ревизионной группой проверены отдельные вопросы финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС и по результатам составлен акт от 24 ноября 2015 года, в котором отмечены допущенные нарушения, определен размер причиненного материального ущерба, высказаны предложения об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Административный истец, посчитав, что изложенные в акте требования по устранению выявленных в результате проверки нарушений возложены на него как на руководителя организации незаконно и необоснованно, обратился в гарнизонный военный суд с иском, в котором выражал несогласие с изложенными в акте сведениями о непринятии в ОМИС решений по дебиторской задолженности, незаконной выплате заработной платы двум лицам гражданского персонала, неудовлетворительной работе по актуализации арендных ставок по договорам аренды зданий и помещений военного ведомства, о наличии утрат и недостач материальных ценностей, непринятии мер по пресечению бездоговорного безвозмездного использования коммерческими предприятиями федерального имущества, а также с выводами ревизоров о размере ущерба и предложениями начальнику ОМИС по принятию мер для устранения нарушений.

Принимая решение о прекращении производства по делу на основании пункта 1 части 1 статьи 194 и части 2 статьи 225 КАС РФ, гарнизонный военный суд исходил из того, что содержащаяся в акте информация права, свободы и законные интересы административного истца не затрагивает, поскольку к какой-либо ответственности за нарушения, отраженные в акте, он не привлекался, и акт не содержит властного волеизъявления, порождающего для административного истца правовые последствия.

Такой вывод основан на неправильном применении норм процессуального права.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственно- или муниципального служащего, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Судом установлено, что требования об устранении выявленных в ходе проверки нарушений, содержащиеся в оспариваемом акте, обращены к начальнику ОМИС как к руководителю данной организации, ответственному за контроль

фи-нансово-экономической и хозяйственной деятельности вверенного ему подразделения.

При этом оспоренные истцом сведения акта констатируют определенные нарушения, допущенные в фи-нансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС, содержат требования и предложения, обращенные к руководителю названной организации, об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Согласно разделу 4 приказа Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 года № 333 «Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации» исполнение акта проверки фи-нансово-экономической и хозяйственной деятельности части (подразделения) для соответствующего командира войсковой части (руководителя подразделения) является обязательным.

Таким образом, содержание оспариваемого акта свидетельствует о том, что он непосредственно затрагивает права и возлагает определенные обязанности на начальника ОМИС по устранению нарушений, установленных ревизией, а поэтому подлежит обжалованию в порядке административного судопроизводства, предусмотренном главой 22 КАС РФ.

Непривлечение начальника ОМИС к какой-либо ответственности по результатам проверки возглавляемой им организации, вопреки ссылке гарнизонного военного суда, не является препятствием для его обращения в суд с иском об обжаловании акта проверки.

Несмотря на указанные обстоятельства, доводы начальника ОМИС, приведенные в обоснование незаконности оспоренного акта, остались без правовой оценки суда.

С учетом изложенного применение судом в качестве основания прекращения производства по делу пункта 1 части 1 статьи 194 КАС РФ, определяющего прекращение производства в случае, если административное дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке административного производства, является ошибочным.

Кроме того, неправильным является и применение судом в качестве основания прекращения производства по делу части 2 статьи 225 КАС РФ, поскольку в материалах дела отсутствуют сведения о том, что оспариваемый акт отменен, пересмотрен либо перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

При таких данных суду надлежало по существу дать оценку доводам административного истца с точки зрения соблюдения его прав и законных интересов при вынесении оспоренного акта проверки, чего сделано не было.

Решение аттестационной комиссии об увольнении лица с военной службы может быть обжаловано в судебном порядке и рассмотрено совместно с заявлением об оспаривании действий командования, связанных с досрочным увольнением с военной службы

Б. обратился в Хабаровский гарнизонный военный суд с заявлением об оспаривании действий Министра обороны Российской Федерации, командующего войсками Восточного военного округа и командира воинской части, связанных с досрочным

увольнением с военной службы в связи с невыполнением условий контракта. В этом же заявлении он оспорил и решение аттестационной комиссии воинской части о целесообразности такого увольнения, а также действия командира воинской части по утверждению данного решения и представлению его к досрочному увольнению с военной службы по указанному основанию в аттестационном порядке.

Суд посчитал, что решение аттестационной комиссии содержит всего лишь мнение ее членов о дальнейшем служебном предназначении Б., предписаний властно-распорядительного характера, обязательных для командования или аттестуемого лица, в нем нет. Оценочные же суждения не подлежат оспариванию в судебном порядке, так как не нарушают прав истца и не влекут для него правовых последствий. На этом основании суд производство по делу в данной части прекратил, о чем вынес соответствующее определение.

В остальной части суд принял решение, которым в удовлетворении требований Б. о признании незаконными действий Министра обороны Российской Федерации, командующего войсками Восточного военного округа и командира воинской части, связанных с досрочным увольнением с военной службы, отказал.

Оба судебных акта Дальневосточным окружным военным судом отменены в апелляционном порядке по частной и апелляционной жалобам истца по причине существенного нарушения судом первой инстанции норм процессуального права.

Прекращая производство по делу в части оспаривания решения аттестационной комиссии, суд первой инстанции пришел к выводу, что это решение не нарушает прав Б.

Такой вывод противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в п. 1 постановления от 21 марта 2013 г. № 6-П, согласно которой досрочное увольнение военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы возможно при подтверждении аттестационной комиссией в установленном порядке аттестации военнослужащих, что данный военнослужащий перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Из материалов дела усматривается, что решение аттестационной комиссии послужило основанием для досрочного увольнения Б. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

В свою очередь, ошибка в оценке значимости совершенных в отношении Б. аттестационных мероприятий, последовавшее за этим прекращение производства по делу в данной части, повлекли принятие неправильного, постановленного без учета юридически значимых обстоятельств решения, в части, касающейся оценки действий должностных лиц по увольнению его с военной службы.

Раздельное рассмотрение гарнизонным военным судом заявленных истцом требований нарушило права лица, не привлеченного к участию в данном административном деле (аттестационной комиссии воинской части).

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ решение суда первой инстанции подлежит безусловной отмене в случае принятия судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле.

Исправляя данные ошибки, окружной военный суд направил дело в тот же гарнизонный военный суд на новое рассмотрение, предписав привлечь к участию в деле надлежащих лиц, и оценить в совокупности все имеющиеся в деле материалы (в том числе те, производство по которым было незаконно прекращено).

Требования гражданина о признании сведений, содержащихся в служебной характеристике, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации

В связи с проведением аттестации в отношении П. составлен аттестационный лист, содержащий отзыв командира воинской части, с которым военнослужащий был ознакомлен 10 января 2014 г.

Не соглашаясь с данным отзывом, П. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать сведения, содержащиеся в нем, несоответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию.

Принимая заявление к производству, Североморский гарнизонный военный суд пришел к выводу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гл. 22 КАС РФ.

Рассмотрев заявление в предварительном судебном заседании, суд отказал в его удовлетворении в связи с пропуском срока на обращение в суд, установленного ст. 219 КАС РФ.

Между тем, принимая указанное решение, суд не учел правовой позиции, содержащейся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Из пп. 2, 7 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, следует, что требования гражданина о признании сведений, содержащихся в служебной характеристике, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). С учетом того, что требования о защите чести, достоинства и деловой репутации являются требованиями о защите неимущественных прав, на них в силу ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом (п. 14 постановления Пленума).

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии заявления, если оно не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку рассматривается и разрешается в порядке гражданского судопроизводства.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ суд прекращает производство по административному делу, если оно не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке административного судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Эти требования процессуального закона судом не выполнены, поэтому Северный флотский военный суд отменил решение суда первой инстанции, прекратил производство по административному делу по заявлению П. и направил указанное заявление в тот же суд на новое рассмотрение со стадии принятия его к производству суда.

Отсутствие в материалах дела резолютивной части решения суда, объявленной в судебном заседании, является безусловным основанием для отмены судебного акта

Постановлением президиума Восточно-Сибирского окружного военного суда отменено решение Улан-Удэнского гарнизонного военного суда и апелляционное определение окружного военного суда по административному делу по заявлению О.

Основанием к отмене этих судебных актов явилось процессуальное нарушение – отсутствие в материалах дела резолютивной части решения суда, объявленной в судебном заседании, о чем зафиксировано в протоколе судебного заседания.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 179 КАС РФ решение суда излагается в письменной форме и подписывается судьей при единоличном рассмотрении им административного дела.

Согласно ч. 2 ст. 177 КАС РФ по сложным административным делам может быть объявлена резолютивная часть решения суда. Составление мотивированного решения суда может быть отложено на срок не более чем пять дней со дня окончания судебного разбирательства по административному делу, за исключением случаев, предусмотренных КАС РФ. Объявленная резолютивная часть решения суда должна быть подписана судьей, а при рассмотрении административного дела судом в коллегиальном составе всеми судьями, участвовавшими в принятии решения, в том числе судьей, имеющим особое мнение, и приобщена к административному делу.

На основании п. 5 ч. 1 ст. 310 КАС РФ решение суда первой инстанции подлежит безусловной отмене в случае, если оно не подписано судьей или кем-либо из судей либо если решение суда подписано не тем судьей или не теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего административное дело.

Отсутствие в материалах дела резолютивной части решения суда, объявленной в судебном заседании, суд кассационной инстанции расценил как отсутствие подписанного судьей решения суда.

Законом установлен специальный срок на обжалование определения суда о наложении судебного штрафа

Определением Новосибирского гарнизонного военного суда от 8 февраля 2016 г. на первого заместителя начальника Сибирского регионального центра МЧС России наложен судебный штраф в связи с неявкой в судебное заседание представителя административного ответчика.

2 марта 2016 г. в гарнизонный военный суд на данное определение поступила частная жалоба представителя должностного лица.

Определением судьи Новосибирского гарнизонного военного суда от 3 марта 2016 г. указанная жалоба возвращена в связи пропуском предусмотренного ч. 1 ст. 314 КАС РФ пятнадцатидневного срока на обжалование определений суда.

Западно-Сибирский окружной военный суд отменил определение судьи, передав частную жалобу в суд первой инстанции для выполнения требований ст. 302 КАС РФ.

В соответствии со ст. 122 КАС РФ судебный штраф является мерой процессуального принуждения, применение которой и ее обжалование имеет особенности, установленные гл. 11 данного Кодекса.

Частью 3 ст. 123 КАС РФ установлено, что на определение о наложении судебного штрафа может быть подана частная жалоба лицом, на которое наложен судебный штраф, в течение месяца со дня получения копии данного определения.

Из материалов дела следует, что копия определения о наложении судебного штрафа поступила в адрес должностного лица 15 февраля 2016 г.

Следовательно, установленный законом процессуальный срок на подачу частной жалобы истекал 15 марта того же года.

При таких данных оснований для возвращения частной жалобы у суда не имелось.

Несвоевременное рассмотрение или нерассмотрение жалобы вышестоящим органом, вышестоящим должностным лицом свидетельствует о наличии уважительной причины пропуска срока обращения в суд, по которой он может быть судом восстановлен

Решением Краснознаменского гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления старшего прапорщика запаса А., оспорившего действия командования, связанные с привлечением его к дисциплинарной ответственности, досрочным увольнением с военной службы и последующим исключением из списков личного состава воинской части.

Отменяя данное решение и передавая дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, 3 окружной военной суд исходил из следующего.

Как установлено по делу, приказами командира воинской части от 12 и 15 октября 2015 г. к истцу за различные упущения по службе применены дисциплинарные взыскания в виде строгого выговора и предупреждения о неполном служебном соответствии.

Отказ в удовлетворении требований А. суд первой инстанции мотивировал пропуском истцом без уважительных причин установленного ч. 1 ст. 219 КАС РФ трехмесячного срока для обращения за судебной защитой и отсутствием оснований для его восстановления.

Однако суд не учел, что 16 октября 2015 г., то есть в течение установленного ч. 1 ст. 219 КАС РФ срока обращения с заявлением, А. обжаловал в военную прокуратуру действия командира воинской части по вопросам привлечения к дисциплинарной ответственности и по результатам проверки военным прокурором Сергиев-Посадского гарнизона в адрес должностного лица внесены представление и протест об устранении допущенных нарушений закона.

Материалы служебных разбирательств по фактам нарушения А. воинской дисциплины, документы прокурорского реагирования и сведения из воинской части об исполнении представления и протеста военного прокурора судом не истребованы и не исследовались, а утверждение истца о том, что результаты прокурорской проверки ему стали известны лишь 12 апреля 2016 г., опровергнуто не было и в судебном решении не получило должной оценки.

Согласно ст. 27 и 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении возложенных на прокурора функций он рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина. Прокурор или его заместитель приносит протест на акт,

нарушающий права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали этот акт. Представление об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенное нарушение.

В соответствии со ст. 6 этого же закона, требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению соответствующими должностными лицами, а уклонение от их исполнения влечет за собой установленную законом ответственность.

По смыслу чч. 6 и 7 ст. 219 КАС РФ несвоевременное рассмотрение или нерасмотрение жалобы вышестоящим органом, вышестоящим должностным лицом свидетельствует о наличии уважительной причины пропуска срока обращения в суд, по которой он может быть восстановлен судом.

К числу таких должностных лиц в рассматриваемой ситуации необходимо отнести и прокурора, поскольку это должностное лицо государственного органа, осуществляющего надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, в силу предоставленных ему полномочий могло повлиять на разрешение спорного вопроса о привлечении А. к дисциплинарной ответственности и в случае выявления нарушения закона принести соответствующий протест (внести представление) командованию, что подлежало обязательному рассмотрению и принятию соответствующих мер.

С учетом этого при разрешении спора подлежали применению нормы чч. 6 и 7 ст. 219 КАС РФ, поскольку до 12 апреля 2016 г. истец обоснованно ожидал итогов прокурорской проверки, рассчитывая на то, что приказы командира воинской части от 12 и 15 октября 2015 г. о привлечении его к дисциплинарной ответственности будут отменены.

Следовательно, обращаясь 21 апреля 2016 г. в суд с требованиями, касающимися оспаривания указанных действий командования, истец вправе был рассчитывать на восстановление ему пропущенного по уважительной причине процессуального срока.

Принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле, является безусловным основанием для отмены решения

Краснореченский гарнизонный военный суд удовлетворил требования Г. об оспаривании действий руководителя Федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации», связанных с невыплатой в полном объеме ежемесячной надбавки за классную квалификацию, обязав указанное должностное лицо обеспечить доплату истцу денежного довольствия за февраль и март 2016 года, исходя из размера данной надбавки в 20%.

Дальневосточный окружной военный суд отменил решение и направил дело на новое рассмотрение в тот же гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ решение суда первой инстанции подлежит безусловной отмене в случае принятия судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле.

Принимая решение, суд первой инстанции не учел, что в силу пп. 46-48 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих установление, сохранение, изменение, лишение классной квалификации, от которой зависит размер оспариваемой надбавки, осуществляется на основании приказа командира (начальника), обладающего соответствующими полномочиями. Кроме того, командир воинской части в силу требований Временного порядка взаимодействия органов военного управления в ходе работ по обеспечению расчета денежного довольствия, заработной платы в Едином расчетном центре Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного Министром обороны Российской Федерации 23 июля 2011 г., отвечает за внесение в базу данных СПО «Алушта» в полном объеме сведений, касающихся подчиненных ему военнослужащих, объявленных в соответствующих приказах.

Несмотря на внесение 9 марта 2016 г. в СПО «Алушта» должностными лицами воинской части сведений об изменении размера выплачиваемой истцу ежемесячной надбавки за классную квалификацию с 20 % на 10%, дело было рассмотрено судом без привлечения этих лиц к участию в нем.

При неизвестности места пребывания ответчика по искам в интересах Российской Федерации суд обязан в соответствии со ст. 120 ГПК РФ объявить его розыск, результаты которого могут повлиять на определение подсудности гражданского дела

Военный прокурор 53 военной прокуратуры, действуя в интересах Российской Федерации, обратился в суд с иском о взыскании в пользу Федерального государственного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России» с рядового запаса В. денежных средств, затраченных на его военную подготовку в сумме 172 746 руб. 52 коп.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда указанный иск был полностью удовлетворен, поскольку В. отчислен из института за недисциплинированность.

При рассмотрении дела Уральским окружным военным судом в апелляционном порядке установлено, что в ходе подготовки и разрешения дела гарнизонный военный суд местонахождение В., в том числе по месту жительства в г. Кургане, не установил, в связи с чем в соответствии со ст. 50 ГПК РФ назначил ответчику адвоката.

Как указывалось выше, местом жительства В. был указан г. Курган, однако в материалах дела имеются сведения, что он проживает в г. Санкт-Петербурге.

При таких обстоятельствах суду, надлежало, в соответствии с ч. 1 ст. 120 ГПК РФ, вынести определение об объявлении розыска ответчика по причине неизвестности его места пребывания, поскольку требования искового заявления были предъявлены в защиту интересов Российской Федерации. Эти действия необходимо было произвести для установления не только места жительства В., но и для установления возможности рассмотрения данного иска Челябинским гарнизонным военным судом, исходя из правил подсудности.

В соответствии с п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского

процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» при наличии нарушений норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, суд апелляционной инстанции в соответствии со ст. 47 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 33 ГПК РФ отменяет постановление суда первой инстанции по основаниям ч. 3 ст. 330 ГПК РФ и передает дело в суд первой инстанции, к подсудности которого законом отнесено его рассмотрение. В частности, суд апелляционной инстанции вправе это сделать, если у лица отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду по причине неизвещения о времени и месте судебного заседания или непривлечения к участию в деле.

Допущенные судом первой инстанции процессуальные нарушения, т.е. рассмотрение дела в отсутствие ответчика, лишеного возможности заявить ходатайство об изменении подсудности, в силу своего существенного характера не могли быть устранены судом апелляционной инстанции.

В связи с этим окружной военный суд решение гарнизонного военного суда отменил, а дело направил в суд первой инстанции со стадии его подготовки.

Заключение военно-врачебной комиссии, полученное в рамках производства по уголовному делу, не подлежит оспариванию в порядке, предусмотренном КАС РФ

При расследовании уголовного дела по обвинению военнослужащего С. в самовольном оставлении воинской части, обвиняемому проведена военно-врачебная комиссия с целью установления категории годности к военной службе.

С., утверждая, что имеющиеся у него заболевания согласно Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации 4 июля 2013 № 565, указывают о негодности его к военной службе, а само освидетельствование проведено с нарушением установленной для данной процедуры порядка, оспорил обоснованность и законность заключения военно-врачебной комиссии, которым он признан годным к прохождению военной службы по контракту.

Гарнизонный военный суд отказал С. в удовлетворении заявления об оспаривании заключения военно-врачебной комиссии о категории годности его к военной службе.

Рассмотрев данное дело по апелляционной жалобе административного истца, Балтийский флотский военный суд установил следующее.

Согласно материалам дела целью медицинского освидетельствования С. являлась необходимость определения его годности к военной службе в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела по ст. 337 УК РФ, а результаты определения годности к военной службе, оформленные заключением военно-врачебной комиссии, направлены в распоряжение военного следственного органа для приобщения к материалам расследуемого в отношении него уголовного дела.

Таким образом, требования С. неразрывно связаны с проверкой и оценкой одного из доказательств по уголовному делу, которые проводятся по правилам, установленным УПК РФ.

В соответствии с требованиями п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если администра-

тивное исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку это заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, в том числе судом в порядке гражданского или уголовного судопроизводства либо арбитражным судом в порядке, предусмотренном арбитражным процессуальным законодательством.

С учетом этого суд апелляционной инстанции отменил решение гарнизонного военного суда и на основании п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ производство по административному делу об оспаривании С. заключения военно-врачебной комиссии прекратил.

Обзор

практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д.1», «д.2» п. 1, подп. «е.1» п. 2 ст. 51, ст. 51.1)

Изучение в Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации судебной практики показало, что суды в целом правильно применяют законодательство, регламентирующее основания и порядок применения взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д¹», «д²» п. 1, подп. «е¹» п. 2 ст. 51, ст. 51¹).

При рассмотрении дел данной категории суды руководствовались:

Конституцией Российской Федерации;

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;

Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»;

Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»;

Федеральным законом от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов»;

Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495;

Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495;

Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»;

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»;

Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»;

Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»;

Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за ответственностью расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;

Указом Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»;

Указом Президента Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 650 «О порядке сообщения лицами, замещающими отдельные государственные должности Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, и иными лицами о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и о внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»;

постановлением Правительства Российской Федерации от 13 марта 2013 г. № 207 «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности»;

постановлением Правительства Российской Федерации от 13 марта 2013 г. № 208 «Об утверждении Правил представления лицом, поступающим на работу на должность руководителя федерального государственного учреждения, а также руководителем федерального государственного учреждения сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруга (супруги) и несовершеннолетних детей»;

постановлением Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (долж-

ностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации);

приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 мая 2010 г. № 444 «О Порядке уведомления Министра обороны Российской Федерации о фактах обращения в целях склонения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации к совершению коррупционных правонарушений»;

приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 484 «Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей, и работниками, замещающими должности в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, и соблюдения работниками требований к служебному поведению»;

приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 175 «О Перечне воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие, работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей»;

приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 321 «Об утверждении Порядка уведомления военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов»;

приказом ФСБ России от 10 июня 2010 г. № 291 «Об утверждении Порядка уведомления военнослужащими и федеральными государственными гражданскими служащими органов федеральной службы безопасности о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений»;

приказом ФСБ России от 1 декабря 2015 г. № 699 «О представлении в органах федеральной службы безопасности сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» и другими нормативными правовыми актами.

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению дел, связанных с применением взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д¹», «д²» п. 1, подп. «е¹» п. 2 ст. 51, ст. 51¹), на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст. 2, 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Президиумом Верховного Суда Российской Федерации определены следующие правовые позиции.

1. Коррупционные правонарушения, совершаемые военнослужащими, относятся к особой группе дисциплинарных проступков и связаны с нарушением требований законодательства о противодействии коррупции в связи с прохождением военной службы. К ним относятся:

1) непредставление военнослужащим сведений либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представление заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (п. 4 ст. 6, п. 8 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», абзац третий подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»);

2) невыполнение военнослужащим обязанности об уведомлении командования, органов прокуратуры или других государственных органов обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции»);

3) невыполнение военнослужащим обязанности об уведомлении в письменной форме своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения; непринятие военнослужащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является; непринятие военнослужащим, являющимся командиром (начальником), которому стало известно о возникновении у подчиненного ему военнослужащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов (п. 2 ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», абзац второй подп. «д¹» и подп. «д²» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»);

4) невыполнение военнослужащим, являющимся владельцем ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), обязанности в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, пай в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 6 ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции»);

5) несоблюдение военнослужащим запретов и ограничений, предусмотренных п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»:

– оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение;

– использовать в целях, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, финансовые средства и имущество воинской части, а также другое государственное имущество, за исключением случаев использования указанного имущества за установленную плату, в соответствии с федеральными актами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

– получать гонорары за публикации и выступления, связанные с исполнением обязанностей военной службы;

– получать от физических и юридических лиц вознаграждения (подарки, денежные вознаграждения, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных

расходов и иные вознаграждения), связанные с исполнением обязанностей военной службы, за исключением ценных подарков (в том числе именных) и денежных сумм, которыми военнослужащие награждаются в порядке поощрения в соответствии с общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации;

– выезжать в служебные командировки за границу за счет физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на взаимной основе по договоренности органов государственной власти с соответствующими органами государственной власти иностранных государств либо международными организациями;

– использовать служебное положение в интересах политических партий и общественных, в том числе религиозных, объединений, а также для пропаганды отношения к ним;

б) несоблюдение военнослужащим запретов и ограничений, предусмотренных п. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих»:

– участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

– приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход;

– быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в органе военного управления (военной организации), в котором он замещает воинскую должность, если иное не предусмотрено федеральными законами;

– принимать без письменного разрешения командования награды, почетные и специальные звания (за исключением научных) иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, если в его должностные обязанности входит взаимодействие с указанными организациями и объединениями;

– использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума;

– заниматься без письменного разрешения командования оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

8) осуществление военнослужащим предпринимательской деятельности (абзац пятый подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»);

9) вхождение военнослужащего в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации (абзац шестой подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»);

10) нарушение военнослужащим, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. При этом понятие «иностранные финансовые инструменты» используется в значении, определенном указанным федеральным законом (абзац седьмой подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»);

11) совершение административных правонарушений:

– мелкое хищение чужого имущества путем присвоения или растраты с использованием служебного положения при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях);

– незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), выразившееся в незаконной передаче от имени или в интересах военной организации должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание ему услуг имущественного характера за совершение в интересах данной военной организации должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, действия (бездействия), связанного с занимаемым ими служебным положением;

– незаконное привлечение к трудовой деятельности бывшего государственного служащего (ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях);

12) иные коррупционные правонарушения, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

2. Взыскание в виде выговора за коррупционное правонарушение применяется в соответствии с п. 3¹ ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». При этом такое взыскание может быть применено к военнослужащему лишь при наличии одновременно двух условий:

– малозначительности совершенного коррупционного правонарушения. В соответствии с п. 3 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в качестве критериев определения малозначительности следует учитывать характер совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение военнослужащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующих результатов исполнения военнослужащим своих должностных обязанностей;

– наличия рекомендации комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии) о малозначительности совершенного коррупционного правонарушения, принятой по результатам рассмотрения данного правонарушения.

Примерный перечень ситуаций, которые могут быть расценены как малозначительные проступки, и обзор ситуаций, которые расценивались как малозначительные проступки, приведены в письмах Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13 ноября 2015 г. № 18-2/10/П-7073 и от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения».

***

На основании приказа начальника Управления ФСБ России по Хабаровскому краю к капитану Б. применено взыскание в виде выговора за нарушение законодательства о противодействии коррупции.

Б. оспорил в судебном порядке указанный приказ. Решением Хабаровского гарнизонного военного суда в удовлетворении требований Б. отказано по следующим основаниям.

Согласно ст. 27¹ ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащего распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Статьей 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлена обязанность представления гражданскими служащими сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Аналогичные требования содержатся в ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» и распространяются на военнослужащих.

Установлено, что в справках о доходах супруги за 2013–2014 гг. им не указана информация о наличии в собственности супруги 1/3 доли квартиры в г. Хабаровске. Кроме того, в справке о доходах супруги за 2015 г. не указана информация о доходе супруги Б., полученном ей от продажи указанной квартиры.

Таким образом, суд установил, что у начальника Управления имелись основания для привлечения Б. к ответственности за неполное представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2013–2015 гг.

На основании п. 3¹ ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» к военнослужащему при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения может быть применено взыскание в виде выговора.

Доводы Б. о том, что привлечение его к дисциплинарной ответственности является необоснованным ввиду отсутствия умысла и события проступка, суд признал необоснованными, так как ответственность наступает не только за представление недостоверных сведений, но и в случае представления сведений в полном объеме.

Факт представления Б. неполных сведений установлен в ходе проведенной проверки в соответствии с Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, и подтверждается представленными представителем ответчика материалами разбирательства.

Результаты проверки рассмотрены аттестационной комиссией Управления в порядке, предусмотренном Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821.

При таких условиях действия начальника Управления по применению к Б. взыскания за коррупционное правонарушение соответствовали требованиям законодательства о противодействии коррупции.

***

Решением аттестационной комиссии начальнику Управления рекомендовано привлечь капитана М. к дисциплинарной ответственности в соответствии с п. 3¹ ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» за представление неполных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Приказом начальника Управления капитан М. за несоблюдение обязанностей, связанных с прохождением военной службы, выразившееся в представлении заведомо недостоверных и неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (п. 3¹ ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») объявлен выговор. М. оспорил данный приказ в судебном порядке.

Решением Иркутского гарнизонного военного суда в удовлетворении требований М. отказано. Восточно-Сибирский окружной военный суд решение гарнизонного военного суда оставил без изменения, указав следующее.

В соответствии со ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащего распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Согласно положениям Федерального закона «О противодействии коррупции» и Указа Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечней должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей» М. был обязан ежегодно представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги и несовершеннолетних детей.

В соответствии с подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к нему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непредставления им сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений.

Согласно п. 2, пп. 3¹ – 6 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» при малозначительности совершенного коррупционного правонарушения на основании рекомендации комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии) к военнослужащему может быть применено взыскание в виде выговора.

Основание и порядок проведения проверки сведений, представленных в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559, определены Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 (далее – Положение).

В соответствии с Положением проверку достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера осуществляют кадровые службы федеральных государственных органов и кадровые службы территориальных органов федеральных государственных органов по решению должностного лица, уполномоченного руководителем соответствующего федерального государственного органа, либо руководителя соответствующего территориального органа федерального государственного органа при наличии достаточной информации, представленной в письменном виде работниками подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений. По окончании проверки соответствующая кадровая служба обязана ознакомить государственного служащего с результатами проверки с соблюдением законодательства Российской Федерации о государственной тайне.

Согласно материалам дела основанием для проведения проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении М. послужил рапорт начальника отдела кадров Управления о представлении административным истцом неполной или недостоверной информации о наличии обязательств имущественного характера. В соответствии с резолюцией начальника Управления на указанном рапорте службам поручено провести соответствующую проверку. О начатой проверке М. был письменно своевременно уведомлен.

По результатам проверки начальнику Управления старшим офицером отдела кадров Управления по согласованию с начальниками отдела кадров и службы собственной безопасности представлен письменный доклад, из которого следу-

ет, что в соответствующих разделах справок о доходах и расходах за 2013–2015 гг. М. не указал сведения о доходах от страхового возмещения на восстановительный ремонт автомобиля в сумме 79 995 руб. (61 400 руб. + 18 595 руб.), а также сведения о пяти банковских счетах, открытых в ПАО «Сбербанк России», и об одном банковском счете, открытом в ПАО «ВТБ24», на которых находились денежные средств в размере от 1 до 5 руб.

Суд первой инстанции, правильно применив п. 4 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», пришел к обоснованному выводу о том, что взыскание за совершение коррупционного правонарушения в виде выговора применено к М. в пределах срока, установленного данным федеральным законом, и обоснованно сделал вывод о законности оспариваемого приказа начальника Управления.

3. При рассмотрении судами дел о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, следует тщательно исследовать фактические обстоятельства содеянного, которые в своей совокупности, а также с учетом данных о личности привлекаемого к ответственности могут свидетельствовать об отсутствии состава коррупционного правонарушения. Такими обстоятельствами, к примеру, могут быть ненадлежащее соблюдение запрета, неисполнение обязанности вследствие обстоятельств непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (пожар, наводнение и т.д.), а также несение боевого дежурства (боевой службы), учения, походы кораблей и другие мероприятия, предусмотренные п. 3 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», которые объективно препятствуют представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в установленный законодательством срок или получению документов, необходимых для достоверного и полного отражения данных сведений, соблюдению иного запрета или обязанности; неточное указание сведений в справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (далее – Справка) вследствие ошибок и опечаток, допущенных государственным органом или иной организацией в выданных военнослужащему документах (выписках), на основании которых им заполнялась Справка (ошибка в справке 2-НДФЛ, выписке по счету, выданной кредитной организацией и т.п.), а также иных причин, когда неточность в представленных сведениях возникла по причинам, не зависящим от военнослужащего.

4. Наступление вредных последствий не является квалифицирующим признаком объективной стороны коррупционного правонарушения, в связи с чем отсутствие каких-либо последствий не свидетельствует о малозначительности совершенного правонарушения.

***

Прапорщик Г. при представлении в Управление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2015 г. не указал находящийся в его собственности автомобиль ВАЗ-2108, сведения о трех счетах в ПАО «Сбербанк России» и движении денежных средств по ним, а также

находившуюся у него в 2015 г. в пользовании арендуемую по месту службы двухкомнатную квартиру.

Аттестационная комиссия Управления рекомендовала начальнику Управления уволить Г. с военной службы в связи с утратой доверия на основании подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Приказом начальника Управления Г. уволен с военной службы по указанному основанию.

Г., полагая, что уволен с военной службы без достаточных к тому оснований, а именно – без учета того, что автомашина фактически принадлежит брату, поскольку была подарена ему несколько лет назад, данные о своих счетах в ПАО «Сбербанк России» не указал, воспользовавшись советом сослуживца, а факт пользования квартирой в 2015 г. остался неотмеченным по причине допущенной им технической ошибки (описки), Г. обратился с административным иском в Смоленский гарнизонный военный суд, в котором просил признать незаконным приказ начальника Управления об увольнении его с военной службы.

Суд первой инстанции административное исковое заявление удовлетворил.

В апелляционной жалобе представитель начальника Управления просил его отменить и принять новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. В обоснование жалобы он указал, что Г. совершил коррупционное правонарушение, которое необходимо рассматривать в рамках противодействия и профилактики коррупции, и считает ошибочным вывод суда о том, что совершенное Г. коррупционное правонарушение является мало-значительным, а его увольнение с военной службы не соответствует тяжести этого правонарушения, поскольку в силу разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», суды не вправе определять вид применяемого к военнослужащему дисциплинарного взыскания.

Московский окружной военный суд решение гарнизонного военного суда отменил и в удовлетворении требований Г. отказал по следующим причинам.

Военная служба осуществляется в публичных интересах, а лица, несущие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус, содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству.

В связи с этим законодатель вправе предъявлять особые требования к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в том числе устанавливать определенные обязанности.

На основании ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559, а также приказа ФСБ России от 21 ноября 2015 г. № 685 военнослужащие Пограничной службы ФСБ России обязаны ежегодно представлять сведения о своих доходах, полученных за отчетный период (с 1 января по 31 декабря) от всех источников, а также сведения об имуществе по состоянию на конец отчетного периода.

Оспариваемый приказ начальника Управления, на основании которого Г. уволен с военной службы, издан на основании решения аттестационной комиссии Управления, рекомендовавшей уволить административного истца с военной службы по указанному основанию.

Каких-либо нарушений процедуры проверки достоверности и полноты поданных Г. сведений, а также процедуры увольнения административного истца с военной службы по делу не установлено.

При принятии командованием решения в отношении административного истца учтены характер совершенного им коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено.

Вопреки выводу суда первой инстанции, совершенное Г. коррупционное правонарушение не является малозначительным. Несоблюдение законодательства о противодействии коррупции несет существенную угрозу охраняемым государством общественным отношениям. Наступление вредных последствий не является квалифицирующим признаком объективной стороны коррупционного правонарушения, в связи с чем отсутствие каких-либо последствий не свидетельствует о малозначительности совершенного правонарушения.

При проведении проверки поданных административным истцом сведений он не мог пояснить поступление на его счета в банке денежных средств, в том числе в июне 2015 г. более 60 000 руб., то есть в размере, превышающем его ежемесячный доход.

Статья 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» позволяет применять к военнослужащему, совершившему коррупционное правонарушение, взыскание в виде выговора лишь при наличии соответствующей рекомендации аттестационной комиссии. Между тем такая рекомендация аттестационной комиссии Управления отсутствует.

Неуказание Г. находящегося в его собственности автомобиля ВАЗ-2108, сведений о трех счетах в Сбербанке России и наличии на них денежных средств, а также находившейся у него в 2015 г. в пользовании арендуемой по месту службы двухкомнатной квартиры является коррупционным правонарушением, послужившим основанием для утраты к нему доверия со стороны командования.

При таких данных заключение аттестационной комиссии и действия начальника Управления, связанные с досрочным увольнением Г. с военной службы в связи с утратой к нему доверия, являются законными и обоснованными, ввиду чего решение гарнизонного военного суда в связи с несоответствием изложенных в нем выводов обстоятельствам административного дела и неправильным применением норм материального права было отменено с принятием по делу нового решения об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

5. Взыскание в виде досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с утратой доверия со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, помимо причин, указанных в подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», применялось в случаях:

– сокрытия доходов, имущества, источники происхождения которых военнослужащий не мог пояснить или стоимость которых не соответствовала его доходам;

– значительного завышения военнослужащим общей суммы доходов, вкладов в банках либо полученных кредитов с целью финансового обоснования сделок по приобретению объектов недвижимого имущества и транспортных средств;

– указания цены сделки по приобретению объектов недвижимого имущества и транспортных средств существенно ниже рыночной для создания видимости соответствия расходов доходам военнослужащего;

– сокрытия факта наличия банковских счетов, движение денежных средств по которым в течение отчетного года не могло быть объяснено исходя из доходов военнослужащего;

– сокрытия информации о фактах получения доходов от продажи имущества по цене существенно выше рыночной;

– представления недостоверных сведений с целью сокрытия факта наличия у военнослужащего и (или) его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей объектов недвижимого имущества в целях получения жилищной субсидии на приобретение жилого помещения;

– сокрытия сведений о находящемся в собственности недвижимом имуществе, расположенном за пределами Российской Федерации;

– иных обстоятельств, наличие которых могло вызвать объективные сомнения в правомерности полученных доходов или приобретении на законные доходы имущества, информация о которых была неполной либо недостоверной.

В случае если военнослужащий обнаружил, что в представленных им сведениях о доходах не отражены или не полностью отражены какие-либо сведения либо имеются ошибки, он вправе представить уточненные сведения. Невыполнение указанной обязанности является основанием для утраты к военнослужащему доверия со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении с военной службы.

***

Решением Благовещенского гарнизонного военного суда административное исковое заявление мичмана Т., в котором он просил признать незаконным заключение аттестационной комиссии воинской части о применении к нему взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с утратой доверия, а также приказ командира воинской части о досрочном увольнении его с военной службы по указанному выше основанию, оставлено без удовлетворения.

В апелляционной жалобе административный истец выражал несогласие с решением суда, просил его отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении его требований. В обоснование своей просьбы Т. указывал, что был лишен права представить уточненные сведения в течение трех месяцев после окончания срока, указанного в подп. «в» п. 4 Порядка представления в органах федеральной службы безопасности сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденном приказом ФСБ России от 1 декабря 2015 г. № 699.

Также автор жалобы полагал, что обязательным условием увольнения военнослужащего в случае представления им недостоверных или неполных сведений о доходах является наличие умысла на сокрытие таких сведений.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда оставила без изменения решение гарнизонного военного суда, указав следующее.

Согласно подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непредставления военнослужащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений.

Порядок представления в органах федеральной службы безопасности сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера утвержден приказом ФСБ России от 1 декабря 2015 г. № 699 (далее – Порядок).

Пунктом 7 Порядка установлена обязанность военнослужащего представлять сведения о своих доходах, доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, полученных в течение календарного года, предшествующего году представления сведений от всех источников (включая денежное довольствие (денежное содержание), пенсии, пособия, иные выплаты), а также сведения об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и о своих обязательствах имущественного характера по состоянию на конец отчетного периода (31 декабря отчетного года).

В соответствии с п. 12 Порядка, в случае если военнослужащий обнаружил, что в представленных им в подразделение кадров органа безопасности сведениях о доходах не отражены или не полностью отражены какие-либо сведения либо имеются ошибки, он вправе представить уточненные сведения в течение одного месяца после окончания срока представления сведений о доходах.

Т., проходя военную службу в должности техника пограничного сторожевого корабля, приказом командира воинской части досрочно уволен с военной службы в связи с утратой доверия ввиду установления недостоверности и неполноты поданных им сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2015 г.

Основанием для такого решения послужили доклад отдела кадров Пограничного управления ФСБ России по Амурской области и заключение аттестационной комиссии Управления, согласно которым Т. при подаче сведений о доходах за 2015 г. не указал сведения о нахождении у него в собственности земельного участка площадью 2,77 га, расположенного в Амурской области, а также о наличии у его супруги двух банковских счетов и зарегистрированного на ее имя автомобиля, а также неверно отразил остаток денежных средств на ее счете.

При таких обстоятельствах, поскольку указанные сведения подлежали отражению в соответствующих документах, что Т. сделано не было, командованием при принятии решения об увольнении Т. с военной службы были учтены характер совершенного им коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно было совершено.

Довод о том, что он был лишен права на уточнение сведений, отраженных в справке о доходе, несостоятелен, поскольку таким правом в течение срока, установленного п. 12 Порядка, Т. не воспользовался.

Кроме того, начальником отдела кадров Т. был своевременно уведомлен о начале проверки достоверности и полноты поданных им сведений, между тем в

ходе проведенной с ним беседы объяснения относительно неуказанных счетов супруги и земельного участка давать не стал, ограничившись лишь сведениями о неуказанном автомобиле, подтвердив при этом, что остальные сведения о доходах, представленные им, в том числе в отношении членов семьи, являются достоверными и полными.

6. Судам следует учитывать, что Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» Федеральный закон «О статусе военнослужащих» была дополнена ст. 27¹, согласно которой на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации.

Этим же законом внесены изменения в п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», который дополнен подп. «е¹», предусматривающим возможность досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с нарушением им запретов, ограничений и обязанностей, связанных с ее прохождением, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Таким образом, внося указанные изменения в федеральные законы «О статусе военнослужащих» и «О воинской обязанности и военной службе», законодатель выделил несоблюдение антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей в отдельную категорию противоправных действий (бездействия) военнослужащих, санкцией за которые может быть досрочное увольнение с военной службы, и, следовательно, увольнение по названному основанию является частным случаем досрочного увольнения военнослужащего за несоблюдение условий заключенного с ним контракта.

Понятие коррупции дано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Согласно п. 1 приведенной статьи коррупцией признается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица.

Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, связанных с ее прохождением, не за любое нарушение условий контракта о прохождении военной службы, а только за совершение проступка, содержащего признаки коррупционного правонарушения. Совершение военнослужащим, например, административного правонарушения в области дорожного движения, выразившегося в управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, не может расцениваться как нарушение запретов, связанных с прохождением военной службы, в контексте подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и не является причиной для его увольнения по указанному основанию.

7. В соответствии со ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные в том числе ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Поскольку перечисленные в ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» требования к служебному поведению государственных служащих являются общими, не содержащими конкретных ограничений и запретов, установленных федеральными законами «О противодействии коррупции», «О статусе военнослужащих», то нарушение этих требований к служебному поведению военнослужащими следует рассматривать в порядке, предусмотренном ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» лишь в совокупности с конкретными коррупционными правонарушениями, которые по своему смыслу свидетельствуют о несоблюдении какого-либо из перечисленных в ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» требований к служебному поведению.

Например, запреты, предусмотренные подп. 5 п. 3 ст. 12¹ Федерального закона «О противодействии коррупции» (использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности), схожие по содержанию с предусмотренными абзацем третьим п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (использовать в целях, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, финансовые средства и имущество воинской части, а также другое государственное имущество, за исключением случаев использования указанного имущества за установленную плату, в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации), по своему содержанию являются схожими с указанными в п. 13 ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа). В качестве примера можно привести использование должностным лицом воин-

ской части служебного автомобиля в качестве транспортного средства для поездок членов его семьи, не связанных со служебной деятельностью, и т.п.

При таких обстоятельствах, исходя из совокупности предписаний п. 1 и п. 2 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», п. 6 ст. 28², п. 1 ст. 28⁶, п. 1 ст. 28⁸ Федерального закона «О статусе военнослужащих», подп. «в», «г» п. 28 и подп. «в» п. 31 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, для установления наличия либо отсутствия события коррупционного правонарушения в действиях военнослужащего, нарушившего запреты, ограничения и обязанности, установленные ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», не исключается проведение антикоррупционной проверки. По итогам этой проверки возможно сделать вывод о наличии в противоправных действиях военнослужащего признаков коррупционного правонарушения.

В иных случаях, например при совершении военнослужащим проступка, порочащего его честь и достоинство, нарушении правил публичных выступлений и предоставления служебной информации, такие нарушения рассматриваются в общем порядке как дисциплинарные проступки.

***

Майор Е. в судебном порядке оспорил приказ командира воинской части о его досрочном увольнении с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Мирненский гарнизонный военный суд в удовлетворении указанных требований административного истца отказал. Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, Е. подал апелляционную жалобу.

3 окружной военный суд, рассмотрев апелляционную жалобу Е., оставил в силе решение гарнизонного военного суда, указав следующее.

Судом установлено, что в начале июля 2015 г. на одном из служебных совещаний помощник командира воинской части по физической подготовке майор Е. получил разрешение у командира воинской части на участие членов сборной команды воинской части по офицерскому троеборью старших лейтенантов Маг., М., Ф., Л. в проведении спортивных тренировок вне воинской части. Однако, помимо подготовки к соревнованиям, указанные военнослужащие в период с 15 по 19 июля 2015 г. с 16 до 20 часов, а Л. также в периоды с 22 по 24 июля и с 28 по 30 июля по указанию Е. принимали участие в строительстве его гаража и гаража другого должностного лица воинской части. При этом сам Е. осуществлял контроль за ходом работ.

Из представления военного прокурора Плесецкого гарнизона об устранении нарушений законодательства, направленного командованию воинской части, следует, что указанными действиями Е. нарушил требования пп. 5 и 13 ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Феде-

рации» и пренебрег положениями п. 3 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст. 41 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, запрещающих отдавать приказы (приказания) и распоряжения, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации, а также требования приказа Министра обороны Российской Федерации от 8 октября 2005 г. № 428 «О запрещении привлечения военнослужащих к выполнению работ, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы».

Это представление и содержащиеся в нем выводы в судебном порядке не оспарены.

Согласно протоколу аттестационной комиссии воинской части и аттестационному листу аттестационная комиссия пришла к выводу о необходимости досрочного увольнения Е. в запас в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Приказом командира воинской части Е. досрочно уволен с военной службы по указанному основанию.

Проанализировав изложенные выше обстоятельства дела, а также положения ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 26 и 27 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, и положения Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что факт нарушения Е. запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих», установлен, а аттестационная комиссия воинской части, давая заключение о необходимости его досрочного увольнения с военной службы, и командир воинской части, издавая приказ о досрочном увольнении административного истца с военной службы на основании подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», действовали обоснованно, в пределах своей компетенции, прав, свобод и законных интересов Е. не нарушили.

8. Судам следует учитывать, что неуведомление о фактах обращения к военнослужащему в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений является неисполнением обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

***

Старший лейтенант Т. обратился в Московский гарнизонный военный суд с административным иском заявлением, в котором просил признать незаконны-

ми действия начальника управления ФСБ России по Курской области и руководителя Службы ФСБ России, связанные с увольнением его с военной службы.

Гарнизонный военный суд и судебная коллегия по административным делам окружного военного суда отказали Т. в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

Из копии листа ознакомления следует, что Т. 27 января 2011 г. был ознакомлен с общими принципами служебного поведения государственных служащих, ограничениями, запретами и обязанностями, связанными с прохождением военной службы.

В докладе по результатам проверки от 10 декабря 2015 г. указано, что в апреле 2015 г. начальник отдела по проверке залогового обеспечения юридических лиц банка С. обратился к старшему лейтенанту Т. с просьбой познакомить его с сотрудниками полиции, которые могли бы за денежное вознаграждение решить вопрос о прекращении уголовного преследования в отношении предпринимателя Р.

С. сообщил Т. о намерении получить денежные средства в размере 1 000 000 руб. от Р. за свое содействие последнему в прекращении возбужденного органами полиции в отношении Р. уголовного дела. Т. выполнил просьбу С. и познакомил его с сотрудником полиции З. О факте указанного обращения С. старший лейтенант Т. в установленном порядке не сообщил.

Из копий постановлений следователя от 28 января 2016 г. и от 1 февраля 2016 г. следует, что уголовное преследование в отношении Т. по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ и ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 285 УК РФ, было прекращено за отсутствием в его деяниях состава преступления.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» сотрудники обязаны уведомлять руководителей, начальников органов безопасности, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, за исключением случаев, когда по данным фактам проведена или проводится проверка.

Пунктом 2 Порядка уведомления военнослужащими и федеральными государственными гражданскими служащими органов федеральной службы безопасности о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений, утвержденного приказом ФСБ России от 10 июня 2010 г. № 291, определено, что невыполнение сотрудником данной должностной (служебной) обязанности является правонарушением, влекущим его увольнение с государственной службы либо привлечение его к иным видам ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Уведомление о фактах обращения в целях склонения военнослужащего и федерального государственного гражданского служащего органа федеральной службы безопасности к совершению коррупционных правонарушений осуществляется сотрудником незамедлительно в письменном виде (приложение № 1 к Порядку).

В уведомлении отражается информация согласно Перечню сведений, содержащихся в уведомлениях о фактах обращения в целях склонения военнослужащего и федерального государственного гражданского служащего органов феде-

ральной службы безопасности к совершению коррупционных правонарушений (приложение № 2 к Порядку). Уведомление представляется в подразделение кадров органа безопасности.

В соответствии с подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В судебном заседании установлено, что Т. допустил нарушение требований к служебному поведению, выразившееся в неисполнении обязанности уведомлять обо всех случаях обращения к государственному служащему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Кроме того, при принятии решения о мере ответственности Т. было учтено, что военнослужащий имел неснятое дисциплинарное взыскание «строгий выговор».

Принимая это решение, суд исходил из того, что ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» и приказом ФСБ России от 10 июня 2010 г. № 291 регламентирован порядок действий военнослужащего при склонении его к совершению коррупционного правонарушения и этот порядок Т. не соблюден.

Довод Т. о противоправном характере приказа об увольнении с военной службы в связи с изданием его до разрешения вопроса по уголовному делу был признан несостоятельным, поскольку Т. был уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы (подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), выразившимся в совершении коррупционного правонарушения, а не в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела.

9. Судам следует иметь в виду, что соблюдение требований к служебному поведению военнослужащих и урегулированию конфликта интересов может быть проверено аттестационной комиссией воинской части.

***

В ноябре 2015 г. командиром воинской части на основании докладной записки начальнику отделения кадров было поручено проведение проверки по вопросу несоблюдения требований к служебному поведению подполковником Д.

Согласно заключению по материалам проверки по вопросу несоблюдения требований к служебному поведению Д. от 25 ноября 2015 г. Д. в сентябре 2014 г. совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий и повлекшие существенные нарушения охраняемых законом интересов государства, незаконно, без оформления соответствующих документов, за денежное вознаграждение освободил двух военнослужащих от исполнения служебных обязанностей с выездом их за пределы гарнизона, что могло повлечь создание у подчиненных военнослужащих мнения о возможном освобождении от исполнения обязанностей военной службы в обход установленного порядка – за деньги. Возбужденное по данным действиям Д. уголовное дело было прекращено в мае 2015 г. вследствие акта об амнистии. Однако, несмотря на прекращение уголовного дела, в указанных дейст-

виях Д. был установлен факт нарушения им положений пп. 1 и 8 ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и приказа МВД России от 23 августа 2011 г. № 969 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики военнослужащих внутренних войск МВД России».

4 декабря 2015 г. комиссия по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов воинской части приняла решение о том, что Д. не соблюдал требования к служебному поведению, и ходатайствовала перед командиром воинской части о применении к Д. конкретной меры ответственности.

24 декабря 2015 г. аттестационная комиссия воинской части приняла решение ходатайствовать об увольнении Д. в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении.

Командир воинской части, рассмотрев решения указанных комиссий, 31 декабря 2015 г. направил в адрес командующего войсками СКРК ВВ МВД России представление к досрочному увольнению с военной службы Д. по подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы.

Приказом командующего войсками СКРК ВВ МВД России от 19 января 2016 г. Д. досрочно уволен с военной службы по данному основанию.

Д. оспорил указанный приказ в суд. Решением Грозненского гарнизонного военного суда в удовлетворении заявленных Д. требований отказано.

В соответствии с подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Согласно ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащих распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные, в частности, ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Как следует из пп. 3, 5 и 8 ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», государственный служащий обязан осуществлять профессиональную служебную деятельность в рамках установленной законодательством Российской Федерации компетенции государственного органа, не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей, не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство.

Таким образом, действующим законодательством к военнослужащим предъявляются соответствующие требования, в том числе касающиеся личных качеств, несоответствие которым является основанием для досрочного увольнения с военной службы.

При этом порядок применения взысканий за коррупционные правонарушения определен в ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и воен-

ной службе», согласно п. 1 которой взыскания, предусмотренные подп. «д¹» и «д²» п. 1 и подп. «е¹» п. 2 ст. 51 указанного Федерального закона и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы, применяются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения военной службы, с учетом особенностей, определенных этой статьей.

К таким особенностям законом отнесено составление доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также рекомендации аттестационной комиссии (комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов), в случае если доклад о результатах проверки направлялся в эту комиссию.

Эти требования закона командованием при применении к Д. взыскания в виде его досрочного увольнения с военной службы по подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» были соблюдены.

Доводы жалобы о проведении заседания аттестационной комиссии от 24 декабря 2016 г. в незаконном составе являются несостоятельными, поскольку аттестация в отношении истца проведена с соблюдением необходимого кворума и в соответствии с требованиями Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также офицеров, проходящих военную службу по призыву, внутренних войск МВД России, утвержденного приказом МВД России от 2 сентября 2005 г. № 717, а не в Порядке, предусмотренном Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению, в соответствии с которым вопрос об ответственности Д. был рассмотрен ранее на заседании указанной комиссии 4 декабря 2015 г.

Северо-Кавказский окружной военный суд решение гарнизонного военного суда оставил без изменения, поскольку гарнизонный военный суд пришел к обоснованному выводу о соблюдении должностными лицами законности при проведении аттестации Д. и необходимости отказа в удовлетворении его требования об отмене заключения этой аттестационной комиссии, вынесенного по результатам ее проведения.

10. Судам следует учитывать, что заседание комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов считается правомочным, если на нем присутствует не менее двух третей от общего числа членов комиссии.

***

Главный старшина Б. обратился в Заозерский гарнизонный военный суд с административным иском о признании незаконным решения комиссии по соблюдению требований к служебному поведению военнослужащих и урегулированию конфликта интересов в воинской части в части подготовки документов к досрочному увольнению его с военной службы. Решением суда в удовлетворении данного административного искового заявления отказано.

В апелляционной жалобе административный истец, не соглашаясь с этим решением, просил его отменить и вынести новое решение – об удовлетворении его адми-

нистративного иска. В обоснование своей просьбы он указал, что при вынесении решения суд оставил без внимания как отсутствие кворума у названной комиссии при принятии обжалуемого решения, так и то, что персональный состав этой комиссии установленным порядком командиром воинской части утвержден не был.

Северный флотский военный суд удовлетворил заявленные требования, указав следующее.

Приказом командира воинской части была создана комиссия по соблюдению требований к служебному поведению военнослужащих и работников и урегулированию конфликта интересов в воинской части. В соответствии с этим приказом в состав данной комиссии входят председатель, его заместитель, десять членов и секретарь. Таким образом, указанная комиссия состоит из 13 человек.

Из материалов дела следует, что должностными лицами воинской части была проведена проверка соблюдения Б. запретов и ограничений, установленных для военнослужащих в период прохождения военной службы. Материалы названной проверки были рассмотрены на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению военнослужащих и работников и урегулированию конфликта интересов.

Согласно протоколу заседания указанной комиссии в ее работе принимали участие шесть членов (заместитель председателя, четыре члена комиссии и секретарь комиссии).

В силу п.13 Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821, п.6 Положения о комиссиях организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июня 2014 г. № 388, заседание комиссии считается правомочным, если на нем присутствует не менее двух третей от общего числа членов комиссии.

Данная норма носит императивный характер и в случае ее несоблюдения заседание названной комиссии не может быть признано правомочным, а принятое ею решение подлежит отмене.

Суд апелляционной инстанции указал, что в ходе заседания комиссии 8 сентября 2016 г. по соблюдению требований к служебному поведению военно-служащих и работников и урегулированию конфликта интересов в отношении Б. не было кворума, поскольку присутствовало только шесть членов данной комиссии при общем ее составе 13 человек, что противоречит требованиям законодательства Российской Федерации.

11. В п. 1 ст. 28⁶ Федерального закона «О статусе военнослужащих» содержится перечень обстоятельств, подлежащих выяснению при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности, в число которых входит установление как события дисциплинарного проступка, так и вины военнослужащего в его совершении.

В соответствии с п. 6 ст. 28² Федерального закона «О статусе военнослужащих» вина военнослужащего при привлечении его к дисциплинарной ответственности должна быть доказана в порядке, установленном указанным федеральным законом и другими федеральными законами.

Согласно п. 2 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» взыскания за коррупционные правонарушения применяются на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Основанием для осуществления проверки является достаточная информация, представленная в письменном виде в установленном порядке: правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами; работниками подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений и др.

Такая информация, поступившая от правоохранительных органов и иных государственных органов и должностных лиц, включая результаты ревизий, разбирательств, может быть использована подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений для доказательства вины военнослужащего в совершении коррупционного правонарушения.

Судам следует иметь в виду, что использование результатов ревизий, разбирательств и т.п., полученных вне рамок проверки, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, не является строго регламентированной процессуальной деятельностью и требование допустимости, характерное для процессуального доказательства, к материалам, используемым для установления вины военнослужащего в совершении коррупционного правонарушения (если указанное правонарушение не является преступлением), неприменимо.

12. При применении взыскания за коррупционное правонарушение учитываются характер совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение военнослужащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения военнослужащим своих обязанностей.

При определении военнослужащему вида взыскания за коррупционное правонарушение должностными лицами должны учитываться отягчающие и смягчающие обстоятельства совершения соответствующего нарушения требований законодательства о противодействии коррупции.

В качестве отягчающих обстоятельств, как правило, учитываются:

- представление в ходе проверки недостоверных и противоречивых объяснений, совершение иных действий, направленных на затруднение хода проверки;
- одновременное нарушение двух и более требований законодательства о противодействии коррупции;

– нарушение требований законодательства о противодействии коррупции в рамках предыдущих «декларационных» кампаний.

В качестве смягчающих обстоятельств учитываются:

– совершение военнослужащим нарушения требований законодательства о противодействии коррупции впервые;

– безукоризненное соблюдение военнослужащим в отчетном периоде других запретов, исполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции;

– добровольное сообщение о совершенном нарушении требований законодательства о противодействии коррупции в подразделение по профилактике коррупционных и иных правонарушений до начала проверки, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065.

***

Решением Московского гарнизонного военного суда, вступившим в законную силу, подполковнику Т. отказано в удовлетворении требований о признании незаконным приказа руководителя Службы ФСБ России об увольнении с военной службы в связи с утратой доверия, как представившему заведомо недостоверные сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на себя и супругу и нарушившему требования ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», по следующим основаниям.

Из копии представления от 8 октября 2015 г. следовало, что Т. был представлен к увольнению с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». По результатам проверки Т. установлены факты представления им неполных и недостоверных сведений: в 2013 и 2014 гг. при заполнении справок о доходах военнослужащий не указал три открытых в ПАО «Сбербанк России» лицевых счета, с 3 февраля 2012 г. по 2 февраля 2013 г. сдавал квартиру в наем, расположенную в г. Москве, в связи с чем ежемесячно получал денежные средства в размере 1200 долларов США, и сведения об этом не были отражены в справках о его доходах в 2012 и 2013 гг., при заполнении справок о доходах за 2014 г. военнослужащим не указан доход, полученный от выплаты ему ООО Страховая компания «ВСК-Линия жизни» страховой суммы 211 010 руб. 23 коп., в справке супруги за 2013 г. военнослужащий не указал наличие у нее в собственности 1/6 доли жилого помещения, расположенного в г. Москве.

Согласно п. 7 ст. 10 и ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 16¹ Федерального закона «О федеральной службе безопасности», п. 14 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов федеральной службы безопасности указанные сотрудники обязаны в своей служебной деятельности руководствоваться федеральными законами, соблюдать кодекс этики и служебного поведения.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» (далее – Закон) под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества

или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Пунктом 2 указанной статьи Закона определено, что противодействие коррупции как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц, осуществляемая в пределах их полномочий, реализуется по нескольким направлениям: во-первых, профилактика коррупции, т.е. предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции, во-вторых, борьба с коррупцией, предполагающая выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, в-третьих – минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

Правовое регулирование, направленное на предотвращение и преодоление коррупции, обусловлено спецификой государственной службы, поступая на которую, гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и добровольно избирает профессиональную деятельность, предполагающую наличие определенных запретов и обязанностей, связанных с реализацией особых публично-правовых полномочий. Специфика государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов предопределяет правовой статус государственных служащих, исходя из особенностей которого, обусловленных характером выполняемой ими деятельности и предъявляемыми к ним квалификационными требованиями, законодатель вправе в рамках своей дискреции определять с помощью специального правового регулирования права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставлять им соответствующие гарантии с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной службы и, следовательно, требует в соответствующем правовом регулировании соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Положением о предоставлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557, определен Перечень должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Согласно подп. «а» п.2 Положения перечень конкретных должностей федеральной государственной службы в соответствующих федеральных государственных органах, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также

сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, поручено определить руководителям федеральных органов исполнительной власти до 1 сентября 2009 г., а также довести его до сведения служащих соответствующей категории.

Приказом ФСБ России от 20 августа 2009 г. № 409 утвержден Перечень должностей федеральной государственной службы в подразделениях органов безопасности и аппарате Национального антитеррористического комитета, при назначении на которые и при замещении которых служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 утверждено Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению (далее – Положение).

Согласно п. 28 Положения, по результатам проверки должностному лицу, уполномоченному назначать гражданина на должность федеральной государственной службы или назначившему государственного служащего на должность федеральной государственной службы, в установленном порядке представляется доклад. При этом в докладе должно содержаться одно из следующих предложений: о применении к государственному служащему мер юридической ответственности или о представлении материалов проверки в соответствующую комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

В соответствии с подп. «д¹» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и подп. «д¹» п. 3 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае представления военнослужащим заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга).

Порядок применения взыскания за коррупционные правонарушения военнослужащих определен в ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении в случае представления военнослужащим заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супру-

га), применяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения военной службы, с учетом особенностей, определенных указанной статьей, а именно на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Основанием для осуществления проверки является достаточная информация, представленная в письменном виде в установленном порядке, в том числе работниками подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений (п. 10 Положения).

Установив фактические обстоятельства дела, исследовав процедуру проведения в отношении Т. проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, процедуру его увольнения с военной службы, суд пришел к обоснованному выводу, что при проведении указанных мероприятий должностные лица Управления ФСБ России и руководитель Службы ФСБ России действовали правомерно, в порядке, определенном приведенными выше нормативными актами. При определении конкретной меры ответственности административного истца были учтены характер и тяжесть совершенных им правонарушений, обстоятельства, при которых они совершены, а также объяснения Т., представленные им документы и объяснения других лиц.

Кроме того, суд учел, что приказ об увольнении Т. с военной службы издан руководителем Службы ФСБ России на основании представления начальника Управления ФСБ России и в пределах предоставленных ему полномочий (п. 7.10 Полномочий должностных лиц органов федеральной службы безопасности, имеющих право издавать приказы по личному составу, по решению кадровых, организационно-штатных, финансовых и производственно-хозяйственных вопросов, утвержденных приказом ФСБ России от 17 июля 2010 г. № 344).

13. Согласно п. 4 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» взыскания, предусмотренные подп. «д¹» и «д²» п. 1 и подп. «е¹» п. 2 ст. 51 названного федерального закона и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы, применяются не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении военнослужащим коррупционного правонарушения, не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссией). При этом взыскание должно быть применено не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения.

Привлечение военнослужащего к ответственности за совершение коррупционного правонарушения за пределами шестимесячного срока со дня поступления соответствующей информации невозможно независимо от обстоятельств,

послуживших причиной того, что окончательное решение не было принято. Данный вывод основывается также на правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 14 января 2014 г. № 94-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воробьева Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца третьего подпункта «д¹» пункта 1 статьи 51 и пункта 4 статьи 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которой установление таких сроков, носящих пресекающий характер, призвано ограничить период неопределенности правового положения военнослужащего, находящегося под угрозой увольнения со службы в связи с утратой доверия, и тем самым направлено на защиту прав и законных интересов лиц, проходящих военную службу. Указание в законе срока, достаточного для принятия обоснованного решения о применении к военнослужащему взыскания за коррупционное правонарушение, предполагает невозможность его применения за пределами этого срока – независимо от обстоятельств, послуживших причиной тому, что окончательное решение не было принято.

***

Приказом руководителя Службы ФСБ России подполковник Ш. уволен с военной службы в соответствии с подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Полагая свои права нарушенными, административный истец обратился в суд с административным иском с заявлением, в котором просил признать незаконными и отменить приказы о его увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава департамента.

Московский гарнизонный военный суд в удовлетворении административного искового заявления Ш. отказал.

В апелляционной жалобе административный истец, считая решение суда незаконным, просил его отменить, при этом ссылаясь на ст. 28² Федерального закона «О статусе военнослужащих», устанавливающую запрет на привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности по истечении одного года со дня совершения дисциплинарного проступка, и п. 4 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которому срок давности привлечения к ответственности за коррупционное правонарушение установлен в шесть месяцев, считает, что к дисциплинарной ответственности в виде досрочного увольнения с военной службы он привлечен по истечении сроков давности совершения им всех вмененных ему проступков, последний из которых совершен в апреле 2014 г.

Окружной военный суд отказал в удовлетворении требований Ш., указав следующее.

Из материалов дела следует, что по информации, поступившей 26 марта 2015 г. в Департамент ФСБ России из Управления собственной безопасности ФСБ России, 27 марта врио руководителя Департамента ФСБ России назначена проверка, о чем Ш. своевременно уведомлен.

Проверкой установлены обстоятельства, связанные с совершением административным истцом поступков, порочащих его честь и достоинство, а также допущением им конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репута-

ции и авторитету государственного органа, что, в частности, выразилось в оказании им с использованием своего служебного положения и за денежное вознаграждение помощи в разрешении проблем, возникших у граждан Г. и Н. в рамках возбужденного уголовного дела.

При этом о данных обстоятельствах Ш., в нарушение ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции», командование не уведомлял и противоправную деятельность не прекратил.

Кроме того, проверка установила недостоверность и неполноту сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера Ш. и его супруги за 2012–2014 гг.

Приходя к выводу о законности оспоренного приказа об увольнении Ш. с военной службы, суд первой инстанции обоснованно исходил из того, что действия Ш. являются нарушением государственным служащим запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных ст. 27¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

По делу установлено, что с результатами проведенной проверки Ш. командованием был ознакомлен 5 июня 2015 г., что являлось обязательным.

Материалами дела подтверждаются обстоятельства, связанные с тем, что 19 июня 2015 г. врио руководителя Департамента ФСБ России представил руководителю Службы ФСБ России доклад о результатах проведенной в отношении Ш. проверки, который, как следует из приказа от 4 июля 2015 г., послужил основанием для досрочного увольнения административного истца с военной службы.

Так как информация о совершенных Ш. правонарушениях в Департамент ФСБ России поступила 26 марта 2015 г. и после проведенной по ней проверки была доложена руководителю Службы ФСБ России 19 июня 2015 г., решение об увольнении административного истца с военной службы приказом от 4 июля 2015 г. принято в пределах установленного законом срока.

14. Согласно п. 8 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», если в течение одного года со дня применения взыскания за совершение коррупционного правонарушения, предусмотренного подп. «е¹» п. 2 ст. 51 названного федерального закона или другими нормативными правовыми актами Российской Федерации о прохождении военной службы, военнослужащий не был подвергнут взысканию, за исключением увольнения с военной службы, он считается не имеющим взыскания.

В силу приведенной выше правовой нормы срок действия взыскания «выговор» за коррупционное правонарушение, предусмотренное подп. «е¹» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», составляет один год. Порядок снятия такого взыскания определен только истечением срока его действия.

15. В целях пресечения дисциплинарного проступка, установления личности нарушителя, а также подготовки материалов о дисциплинарном проступке и обеспечения своевременного и правильного их рассмотрения в соответствии с п. 1 ст. 28⁷ Федерального закона «О статусе военнослужащих» к военнослужащему может быть применена мера обеспечения производства по материалам о

дисциплинарном проступке в виде временного отстранения от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей.

Основания и сроки временного отстранения военнослужащего от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей установлены п. 6 указанной статьи, а порядок отстранения – п. 5 приложения № 6 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции» государственный служащий в целях предотвращения и (или) урегулирования конфликта интересов может быть временно отстранен от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке.

Как следует из ч. 2 ст. 32 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», представитель нанимателя вправе отстранить от замещаемой должности гражданской службы (не допускать к исполнению должностных обязанностей) гражданского служащего на период проведения проверки:

– достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданским служащим в соответствии с федеральными законами;

– сведений, представленных гражданским служащим при поступлении на гражданскую службу в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации;

– соблюдения гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, исполнения им обязанностей, установленных федеральными законами.

Возможность отстранения от должности на период проведения соответствующих проверок также предусмотрена п. 26 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065. На период проведения проверки государственный служащий может быть отстранен от замещаемой должности федеральной государственной службы на срок, не превышающий 60 дней со дня принятия решения о ее проведении. Указанный срок может быть продлен до 90 дней лицом, принявшим решение о проведении проверки.

Поскольку порядок привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, помимо общих норм, регламентируется также нормами специального законодательства, то при временном отстранении от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей в таком случае должны учитываться положения как п. 6 ст. 28⁷ Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 4 ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», п. 5 приложения № 6 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации, так и п. 26 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными

государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, устанавливающих соответствующие сроки.

Не противоречат законодательству о прохождении военной службы освобождение военнослужащего на период проведения проверки от воинской должности (должности) и зачисление его в распоряжение командира (начальника) не более чем на три месяца в соответствии с подп. «а» п. 2 ст. 13 и ст. 14 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Раздел 2.
Вопросы судебной практики
по уголовным делам

1. НЕСООТВЕТСТВИЕ ВЫВОДОВ СУДА, ИЗЛОЖЕННЫХ В СУДЕБНОМ АКТЕ, ФАКТИЧЕСКИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ДЕЛА, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТМЕНЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

При направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения выводы суда должны быть мотивированны и основаны на таких обстоятельствах, которые свидетельствуют о наличии признаков более тяжкого преступления.

Постановлением Хабаровского гарнизонного военного суда в отношении супругов К., обвиняемых по заявлению частного обвинителя Д. в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), прекращено уголовное преследование со ссылкой на ст. 20, 151 и 321 УПК РФ.

Материалы уголовного дела направлены руководителю военного следственного отдела по гарнизону для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения.

Решение о необходимости уголовного преследования супругов К. в порядке публичного обвинения суд обосновал позицией частного обвинителя и потерпевшей Д., желающей привлечь супругов к уголовной ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Такое решение суда на законе не основано.

В соответствии с ч. 6 ст. 321 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 того же кодекса, то судом выносится постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения.

В данном случае для вывода о возможной квалификации действий, в которых обвинялись супруги К., по закону, предусматривающему квалифицирующий признак совершения из хулиганских побуждений, суду следовало выявить наличие признаков такого деяния, перечисленных в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». Об их наличии, в частности, могло свидетельствовать и очевидное для совершающих преступление лиц грубое нарушение общественного порядка их действиями.

Однако выводы гарнизонного военного суда на такого рода обстоятельствах основаны не были. Не были исследованы в полной мере и не оценены доказательства, которые позволили бы сделать вывод о наличии либо отсутствии таких обстоятельств. В судебном заседании не была предоставлена возможность представления доказательств стороне защиты и, соответственно, они не исследовались судом.

На основании изложенного апелляционным постановлением Дальневосточного окружного военного суда постановление Хабаровского гарнизонного военного суда отменено и дело передано на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

По приговору Астраханского гарнизонного военного суда от 3 июня 2016 года старшина 2 статьи К. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, к штрафу в размере 5000 руб.

Согласно приговору 30 октября 2015 года, находясь в квартире, отчим К., недовольный поведением малолетнего пасынка Х., не реагирующего на замечания по уборке игрушек, ударил последнего ремнем по ягодцам, чем причинил ему физическую боль.

Признавая К. виновным, суд первой инстанции не дал оценку тому, что указанное в приговоре деяние К. в отношении находящегося на его иждивении потерпевшего Х. совершено впервые, не с целью причинения физической боли и страданий ребенку, а также отсутствию у последнего каких-либо телесных повреждений.

В приговоре не приведены и не получили оценки показания законного представителя потерпевшего Х. о том, что после нанесенного подсудимым единичного удара, не повлекшего каких-либо телесных повреждений у ребенка, не реагирующего на сделанные ему матерью и осужденным К. неоднократные обоснованные замечания, потерпевший успокоился, собрал разбросанные им игрушки, играл с ними и смотрел телевизор.

Судом не учтено, что малолетний потерпевший вовлечен родителями в длительный семейный конфликт между ними, связанный с определением в судебном порядке места жительства ребенка, одним из проявлений которого явилось данное уголовное дело частного обвинения.

При этом оставлено без внимания и решение Астраханского областного суда относительно определения места жительства малолетнего Х. и сделанный этим судом вывод о единичном характере применения к ребенку физических методов воздействия.

В связи с этим апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 11 августа 2016 года приговор отменен, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство для более полного установления обстоятельств совершения преступления.

2. ОШИБКИ В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При определении тяжести наступивших последствий в результате совершенного преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, суду следовало исходить из фактически причиненного ущерба.

Органами предварительного следствия Ф. обвинялся в превышении должностных полномочий, повлекшем существенное нарушение охраняемых законом интересов государства и причинение тяжких последствий, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В мае 2013 года Ф., являясь командиром воинской части и региональным представителем государственного заказчика, подписал четыре акта приемки выполненных работ по форме КС-2 о произведенных ЗАО «Севоюр» в полном объеме ремонтных работах на сумму 117 694 499 руб. 72 коп., осознавая, что данные акты содержат сведения, не соответствующие действительности, поскольку фактически работы на сумму 61 981 850 руб. 42 коп. не выполнены.

Причинение государству имущественного ущерба в размере 61 981 850 руб. 42 коп. органы следствия расценили как наступление тяжких последствий.

Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд, рассматривавший уголовное дело в качестве суда первой инстанции, уменьшил размер причиненного ущерба до 29 795 257 руб. 83 коп. и не признал его причинение тяжкими последствиями, сославшись на то, что такой размер ущерба составляет менее 0,2 % от средств Министерства обороны Российской Федерации, выделенных на текущий ремонт на 2012 год, в связи с чем действия осужденного были переqualифицированы с п. «в» ч. 3 ст. 286 на ч. 1 ст. 286 УК РФ и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 80 000 руб.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда по представлению государственного обвинителя приговор в отношении Ф. изменен. Размер причиненного им ущерба увеличен до 61 981 850 руб. 42 коп. Однако юридическая квалификация действий Ф. и назначенное ему наказание были оставлены без изменения.

Оценивая тяжесть наступивших последствий, суд второй инстанции, как и суд первой инстанции, исходил из соотношения размера ущерба и общей цены государственного контракта.

Между тем, по смыслу п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и в соответствии с пунктом 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного указанной нормой уголовного закона, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.

Из уголовного дела усматривается, что при производстве ремонта объектов военного городка воинской части остались невыполненными работы по монтажу вентиляционного, электро- и сантехнического оборудования зданий лазарета, столовой и казарм на 722 человека, что не позволило в полном объеме использовать их по прямому назначению для лечения, питания и размещения во-

еннослужащих, тем самым была нарушена деятельность воинской части. При этом стоимость указанных работ превысила половину (52,7%) общей цены заключенных на указанные цели договоров и составила более 61 981 850 руб. 42 коп., что представляет собой значительный материальный ущерб.

При таких данных не имелось оснований для вывода судебных инстанций об отсутствии тяжких последствий, наступивших в результате преступного деяния, совершенного Ф. Указанный размер причиненного государству материального ущерба сам по себе значителен, его оценка путем соотношения со стоимостью государственного контракта ошибочна, поскольку произведенные затраты по сравнению с выполненным объемом работ на объектах отдельной воинской части и в целом по Минобороны России существенно различаются.

В связи с изложенным президиум Ленинградского окружного военного суда отменил апелляционное определение в отношении Ф. в связи с существенным нарушением норм уголовного закона и передал дело на новое апелляционное рассмотрение.

По результатам рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции приговор был изменен: действия осужденного переквалифицированы с ч. 1 ст. 286 УК РФ на п. «в» ч. 3 ст. 286 того же кодекса и Ф. назначено более строгое наказание.

Транспортное средство не является орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ.

По приговору Белогорского гарнизонного военного суда вещественное доказательство – автомобиль, принадлежащий осужденному по ст. 264¹ УК РФ П., конфискован.

В соответствии с положениями ст. 81 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации.

Из материалов дела следует, что автомобиль, принадлежащий П., а также свидетельство о регистрации транспортного средства и паспорт транспортного средства признаны в качестве вещественных доказательств с указанием на то, что могут служить средством для установления обстоятельств уголовного дела, т.е. обстоятельств, указанных в п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

Суд, решая вопрос о судьбе вещественных доказательств, пришел к ошибочному выводу о признании автомобиля орудием преступления и принял решение о его конфискации.

В данном случае органами предварительного следствия названный автомобиль, признанный в качестве вещественного доказательства, не был признан орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления.

В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в постановлении Пленума от 9 декабря 2008 года № 25 (в редакции от 24 мая 2016 года) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», для целей применения п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 либо 264¹ УК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда в приговор гарнизонного военного суда внесены соответствующие изменения.

3. ОШИБКИ, СВЯЗАННЫЕ С НАЗНАЧЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ

Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по статьям 222 и 222.1 УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2017 года № 205-АП/17-7 по уголовному делу в отношении Т. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 года Т. признан виновным в том числе в незаконном хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 222 УК РФ и частью 3 статьи 222.1 УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: на основании примечания к статье 222.1 УК РФ в части осуждения Т. по части 3 статьи 222.1 УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к статье 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по части 3 статьи 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по части 3 статьи 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 года получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 года, после чего дополнительно получил у другого участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 года.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъят 16 июня 2016 года в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 года, с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объему обвинения по части 3 статьи 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к статьям 222 и 222.1 УК РФ обвине-

ния в ношении и хранения предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 года в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов – одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства – запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъятые в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к статьям 222 и 222.1 УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, т.е. после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к статьям 222 и 222.1 УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Имеющим обратную силу как смягчающий наказание признается в том числе закон, снижающий как максимальный, так и минимальный пределы наказания или хотя бы один из них при неизменности другого.

По приговору Биробиджанского гарнизонного военного суда Ч. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 года № 73-ФЗ), на срок 3 года 6 месяцев.

Суд первой инстанции признал Ч. виновным в действиях, которые правильно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Однако, квалифицируя указанные действия Ч. по ч. 2 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 года № 73-ФЗ), гарнизонный военный суд не учел, что Федеральным законом от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ в редакцию ч. 2 ст. 162 УК РФ были внесены изменения, которыми отменен нижний предел предусмотренного ее санкцией наказания в виде лишения свободы.

При этом суду следовало исходить из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 10 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действующим во время совершения этого деяния, при этом уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу.

Имеющим обратную силу как смягчающий наказание признается в том числе закон, снижающий как максимальный, так и минимальный пределы наказания или хотя бы один из них при неизменности другого.

Поскольку уголовный закон в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ является более мягким, то в силу положений ч. 1 ст. 10 УК РФ суд первой инстанции обязан был применить его.

Исправляя ошибку гарнизонного военного суда, судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда переквалифицировала действия Ч. с ч. 2 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 года № 73-ФЗ) на ч. 2 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), смягчив назначенное наказание.

Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии условий, указанных в ч. 1 ст. 56 УК РФ.

По приговору Севастопольского гарнизонного военного суда от 5 мая 2016 года сержант Г. осужден к лишению свободы на срок: по ч. 4 ст. 111 УК РФ – 6 лет, по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ – 8 месяцев.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание осужденному Г. назначено путем частичного сложения наказаний в виде лишения свободы на срок 6 лет 3 месяца в исправительной колонии строгого режима.

При этом суд, вопреки ч. 1 ст. 56 УК РФ, назначил ранее не судимому Г., впервые совершившему преступление небольшой тяжести, наиболее строгий вид наказания (лишение свободы) из числа предусмотренных санкцией п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, по которой осужденный признан виновным. Обстоятельств, отягчающих наказание Г., судом не установлено.

В связи с этим апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 11 августа 2016 года приговор изменен, Г. по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ назначено наказание в виде исправительных работ на срок 8 месяцев. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательное наказание Г. назначено путем частичного сложения назначенных наказаний с применением п. «в» ч. 1 ст. 71 УК РФ в виде лишения свободы на срок 6 лет 1 месяц в исправительной колонии строгого режима.

При осуждении по второму приговору за преступление, совершенное до вынесения первого приговора, по которому было применено условное осуждение, суд в резолютивной части второго приговора должен указать на самостоятельность их исполнения.

По приговору Балтийского гарнизонного военного суда от 16 ноября 2015 года ранее судимые И., П., К. и З. осуждены за преступления, совершенные ими в период с марта по май 2015 года, к наказанию в виде реального лишения свободы с применением правил ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в тех случаях, когда в

отношении условно осужденного лица будет установлено, что оно виновно еще и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора по первому делу, правила ч. 5 ст. 69 УК РФ применены быть не могут, поскольку в ст. 74 УК РФ дан исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых возможна отмена условного осуждения. В таких случаях приговоры по первому и второму делам исполняются самостоятельно.

Судом первой инстанции было установлено, что приговоры об условном осуждении указанных лиц вынесены Балтийским гарнизонным военным судом 24 июля 2015 года (в отношении К. и З.) и 31 июля 2015 года (в отношении И. и П.). Таким образом, эти приговоры и приговор по последнему делу подлежали самостоятельному исполнению.

В связи с изложенным приговор в данной части был изменен и из него исключено указание о назначении наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, а также определено, что ранее постановленные приговоры и данный приговор исполняются самостоятельно.

При назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение сумм штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного видов наказаний за разные преступления.

Согласно приговору Краснознаменского гарнизонного военного суда К. признан виновным в получении двух взяток (по ч. 6 ст. 290 и по ч. 3 ст. 290 УК РФ), за каждую из которых суд назначил ему наказание в виде лишения свободы со штрафом, и в мошенничестве (по ч. 3 ст. 159 УК РФ), за которое суд подверг его штрафу в качестве основного наказания.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в случае назначения штрафа в качестве основного наказания за одно из преступлений при наличии совокупности преступлений или приговоров подлежат применению общие правила назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров, а также правила, установленные для сложения наказаний ч. 2 ст. 71 УК РФ. При этом в резолютивной части приговора в таких случаях должно быть указано на применение ст. 69 УК РФ или ст. 70 УК РФ, а также на самостоятельное исполнение штрафа.

Поскольку чч. 2 и 3 ст. 32 УИК РФ предусмотрен различный порядок исполнения основного наказания и дополнительного наказания в виде штрафа, при назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение сумм штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного видов наказаний за разные преступления.

Вопреки данному разъяснению, определяя К. окончательное наказание по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ, суд, не указав в резолютивной части на самостоятельное исполнение основного наказания в виде штрафа по ч. 3 ст. 159 УК РФ, сложил его вместе со штрафами, назначенными в качестве дополнительных наказаний по ч. 6 ст. 290 и по ч. 3 ст. 290 УК РФ, что противоречило указанным выше правилам назначения уголовного наказания по совокупности преступлений.

При назначении наказания с применением ст. 64 УК РФ изменение способа исчисления штрафа в качестве основного наказания не допускается.

По приговору Рязанского гарнизонного военного суда старший лейтенант Ж. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к штрафу в размере 80 000 руб. с лишением права занимать организационно-распорядительные должности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, а также в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях на срок 6 месяцев.

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при назначении в качестве основного наказания штрафа, исчисляемого с учетом кратности, в случае применения ст. 64 УК РФ может быть уменьшена величина кратности, предусмотренная соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Изменение способа исчисления штрафа (например, назначение штрафа в определенном размере без применения кратности) в таком случае не допускается.

При наличии исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности совершенного Ж. преступления, наказание ему верно назначено с применением ст. 64 УК РФ, т.е. ниже низшего предела, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. Однако при назначении Ж. в качестве основного наказания штрафа, исчисляемого исходя из величины, кратной стоимости предмета взятки, суд, применив ст. 64 УК РФ, изменил способ исчисления штрафа, назначив ему штраф в определенном размере без применения кратности.

В связи с изложенным апелляционным определением приговор изменен в части способа исчисления назначенного штрафа.

Дополнительное наказание не может быть назначено по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность.

По приговору Новочеркасского гарнизонного военного суда от 23 июня 2016 года старший лейтенант Г. осужден к лишению свободы на срок: по ч. 1 ст. 228 УК РФ – 2 года, по ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228¹ УК РФ – 7 лет со штрафом в размере 100 000 руб.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание осужденному Г. по совокупности преступлений назначено путем частичного сложения наказаний в виде лишения свободы на срок 8 лет в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 100 000 руб.

На основании ст. 48 УК РФ осужденный лишен воинского звания «старший лейтенант».

В соответствии с требованиями ст. 48 УК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного

наказания», дополнительное наказание не может быть определено по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность.

Как видно из приговора, осужденный Г. лишен воинского звания «старший лейтенант» только после назначения ему окончательного наказания по совокупности преступлений в соответствии со ст. 69 УК РФ. Однако ни за одно из преступлений, входящих в совокупность, дополнительное наказание в виде лишения воинского звания Г. судом не назначалось.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 25 августа 2016 года приговор изменен, исключено указание о применении ст. 48 УК РФ и назначении осужденному Г. дополнительного наказания в виде лишения воинского звания «старший лейтенант».

Неприменение акта амнистии при назначении наказания повлекло изменение приговора.

Согласно приговору Барнаульского гарнизонного военного суда младший сержант запаса И. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, к наказанию в виде исправительных работ на срок 1 год, с удержанием из его заработной платы 10 % в доход государства.

Согласившись с судом первой инстанции в части юридической квалификации действий осужденного, суд апелляционной инстанции судебное постановление изменил, указав следующее.

Из материалов дела следует, что И. был осужден в 2013 г. к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Согласно п. 9 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (далее – Постановление) по уголовным делам о преступлениях, которые совершены до дня вступления в силу названного постановления, суд, если признает необходимым назначить наказание, не связанное с лишением свободы, освобождает указанных лиц от наказания.

При таких данных И. подлежал освобождению от назначенного наказания. Однако это гарнизонным военным судом сделано не было.

На основании изложенного, суд апелляционной инстанции, удовлетворив доводы апелляционного представления, изменил приговор суда и освободил И. от назначенного наказания, а также в силу п. 12 Постановления снял с него судимость.

4. НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

В случае, если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 205-АПУ16-25 по уголовному делу в отношении Е. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. Е. осужден по ст. 2053 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) за прохождение в период с 14 ноября по декабрь 2013 года обучения в учебном центре международной террористической организации «Имарат Кавказ», расположенной в г. Харитане Сирийской Арабской Республики, заведомо для него проводимого в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобретение им знаний, практических умений и навыков при изучении правил обращения с оружием, взрывными устройствами и взрывчатыми веществами.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля Б., содержащиеся в протоколе предъявления ему лица для опознания по фотографии об обучении осужденного в ноябре – декабре 2013 года минно-взрывному делу на территории учебного центра г. Харитана.

Из материалов дела следует, что в ходе предварительного следствия Е. и его защитник ходатайствовали о предоставлении им возможности оспорить показания свидетеля Б. путем проведения с ним очной ставки, однако в удовлетворении ходатайства было отказано.

В судебном заседании государственный обвинитель со ссылкой на приобщенные и исследованные доказательства, подтверждающие невозможность в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля Б., заявил ходатайство об оглашении протокола предъявления ему лица для опознания по фотографии. Несмотря на возражение стороны защиты, ходатайство было удовлетворено.

Между тем в соответствии с п. 5 ч. 2 и ч. 21 ст. 281 УПК РФ в случае, если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

При таких данных предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля Б. при проведении опознания не имелось, в связи с чем содержащиеся в протоколе показания названного свидетеля следует признать оглашенными с нарушением закона, в силу чего они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний из протокола опознания не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательств, отвечающих требованиям закона.

***

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 205-АПУ17-4 по уголовному делу в отношении К. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 года К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан к совершению преступления, предусмотренного статьей 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно части 21 статьи 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательствах, отвечающих требованиям закона.

Не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве

Постановление президиума Московского окружного военного суда от 5 апреля 2017 г. по уголовному делу в отношении С. (извлечение)

В соответствии с постановлением заместителя Главного военного прокурора от 7 декабря 2015 г. по результатам проверки соблюдения должностными лицами военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Центральному военному округу требований федерального законодательства об обеспечении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений принято решение о направлении материалов заместителю Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководителю Главного военного следственного управления для решения вопроса об уголовном преследовании заместителя руководителя военного следственного управления С. по ч. 2 ст. 138 и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Постановлением следователя от 15 января 2016 г. по результатам проверки указанных материалов принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.

Постановлением заместителя Главного военного прокурора от 26 февраля 2016 г. данное постановление следователя отменено, прокурором даны указания и перечислены существенные недостатки, которые подлежали устранению следователем.

Постановлением следователя от 30 марта 2016 г. вновь принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.

Постановлением заместителя Главного военного прокурора от 11 апреля 2016 г. данное постановление следователя также отменено, прокурором вновь даны указания о проведении дополнительных проверочных мероприятий.

Постановлением судьи 235 гарнизонного военного суда от 16 мая 2016 г., оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении жалобы С. на постановления заместителя Главного военного прокурора от 7 декабря 2015 г. и 26 февраля 2016 г. отказано. Жалоба С. на постановление заместителя Главного военного прокурора от 11 апреля 2016 г. удовлетворена. Данное постановление признано незаконным, на прокурора возложена обязанность устранить допущенные при его вынесении нарушения.

Рассмотрев материалы судебного производства по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора, президиум Московского окружного военного суда постановление судьи 235 гарнизонного военного суда от 16 мая 2016 г. и апелляционное постановление окружного военного суда от 24 июня 2016 г. отменил и производство по жалобе С. прекратил, указав в обоснование следующее.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление судьи должно быть законным, обоснованным и мотивированным, то есть постановленным в соответствии с требованиями названного кодекса и основанным на правильном применении закона.

Как усматривается из материалов судебного производства, признавая незаконным постановление заместителя Главного военного прокурора от 11 апреля 2016 г. об отмене постановления следователя от 30 марта 2016 г. об отказе в воз-

буждении уголовного дела в отношении С., суд первой инстанции дал оценку ответу на запрос заместителя руководителя Роскомнадзора И. от 23 марта 2016 г. относительно отсутствия в представленных оператором связи ООО фирма «Скайнет» сведениях охраняемой законом тайны переписки, почтовых и иных сообщений граждан, указав, что этот ответ дан уполномоченным лицом и с учетом отсутствия противоречий необходимость привлечения специалиста отсутствует.

Изложенное свидетельствует о том, что судья вышел за пределы своих полномочий, предусмотренных законом, и, вопреки ч. 1 ст. 125 УПК РФ, не установил, в чем конкретно выразилось нарушение конституционных прав и свобод С. обжалуемыми действиями.

Кроме того, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним соответствующие процессуальные решения.

Согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Положения этих норм судьей гарнизонного военного суда не применены и, как следствие, действия заместителя Главного военного прокурора, как того требует уголовно-процессуальный закон, какой-либо правовой оценки с их учетом в судебном постановлении не получили.

Между тем вопреки названному выше выводу судьи гарнизонного военного суда, с которыми согласился окружной военный суд, решения заместителя Главного военного прокурора были приняты в соответствии с действующим законодательством и предоставленными ему полномочиями. Они мотивированны и содержат конкретные указания об устранении нарушений закона.

Кроме того, судами не учтено, что не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве, в частности постановление следователя или прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, решение прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям ст. 225 УПК РФ.

Соответствующие разъяснения содержит п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

При таких обстоятельствах судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона.

Судья, который ранее высказал в ходе производства по уголовному делу свое мнение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания, не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении другого лица за совершение преступления при тех же обстоятельствах.

По приговору Благовещенского гарнизонного военного суда под председательством судьи Ж. от 29 января 2016 года А. был осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ.

По приговору Благовещенского гарнизонного военного суда под председательством того же судьи Ж. от 13 ноября 2015 года Р. осужден по ч. 1 ст. 118 УК РФ.

Как следует из приговора в отношении Р., около 1 ч. 50 мин. 15 ноября 2014 года Р., находясь в баре, используя незначительный повод, применил к потерпевшему П. насилие, в результате которого последнему по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью, выразившийся в переломе левой большеберцовой кости в нижней трети со смещением.

Согласно приговору в отношении А., во 2-м часу 15 ноября 2014 года А., находясь в баре, расположенном в городе Райчихинске Амурской области, схватив лежащего на полу П. за травмированную ногу, протащил последнего по полу. В результате действий А. потерпевшему П. были причинены физическая боль и нравственные страдания.

Таким образом, судом при принятии решения по уголовным делам в отношении Р. и А. дана оценка фактическим обстоятельствам одного и того же события.

Исходя из конституционного права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, связывают судью при принятии по этим вопросам соответствующих итоговых решений. Поэтому судья ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участия в дальнейшем производстве по делу.

При таких обстоятельствах, поскольку ранее под председательством судьи Ж. было рассмотрено уголовное дело в отношении Р., содержащее доказательства, которые были оценены и положены в основу обвинительного приговора и в отношении А., руководствуясь принципами беспристрастности и объективности, судья Ж. не мог рассматривать данное уголовное дело и обязан был уклониться от участия в производстве по делу в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ.

Апелляционным постановлением Дальневосточного окружного военного суда приговор Благовещенского гарнизонного военного суда отменен и дело передано на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

При разрешении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим следует учитывать конкретные обстоятельства дела.

Майор З., временно исполняющий обязанности командира батальона, обвинялся в том, что, достоверно зная о факте применения насилия рядовым П. к рядовому Е., в результате которого последнему был причинен перелом челюсти,

желая создать видимость благополучия во вверенном ему подразделении, не доложил о случившемся командованию воинской части, а отдал указание своим подчиненным организовать обследование и лечение потерпевшего в общегражданском лечебном учреждении.

В результате этих противоправных действий З. были существенно нарушены права и законные интересы Е., что выразилось в подрыве принципа единоначалия и нарушении предусмотренных законом и общевоинскими уставами требований безопасности и порядка прохождения военной службы.

На основании поступившего заявления потерпевшего Е. о применении с З. Наро-Фоминский гарнизонный военный суд прекратил уголовное дело по ч. 1 ст. 285 УК РФ на основании ст. 25 УПК РФ.

Отменяя постановление суда в связи с неправильным применением уголовного закона, суд апелляционной инстанции указал в своем решении, что в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в п. 9 постановления Пленума от 27 июня 2013 года № 19, при разрешении вопросов об освобождении от уголовной ответственности суд должен учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела.

Как видно из материалов уголовного дела действия З., скрывшего от командования воинской части факт нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими вверенного ему подразделения, сопряженного с насилием в отношении рядового Е., повлекли нарушение не только прав и законных интересов последнего, но и охраняемых законом интересов общества и государства.

При таких обстоятельствах достижение примирения между З. и Е. в данном случае являлось недостаточным для применения ст. 76 УК РФ, а потому законных оснований для прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ у суда не имелось.

Истечение срока давности уголовного преследования влечет прекращение уголовного дела.

По приговору 35 гарнизонного военного суда от 14 октября 2016 года И. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, к штрафу в размере 80 000 руб. В соответствии с постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» осужденный освобожден от назначенного наказания.

Как видно из материалов дела, органами предварительного следствия И. обвинялся в мошенничестве, окончившемся 31 марта 2014 года.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ, отнесено законодателем к категории преступлений небольшой тяжести. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 83 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления небольшой тяжести, освобождается от отбывания наказания, если обвинительный приговор не был приведен в исполнение в течение двух лет со дня вступления его в законную силу. Таким образом, срок давности для привлечения И. к уголовной ответственности истек 31 марта 2016 года.

В ходе судебного заседания гарнизонного военного суда 13 октября 2016 года И. было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Это ходатайство также было поддержано и его защитниками.

Обсуждая это ходатайство И., гарнизонный военный суд, выяснив вопрос признания им своей вины в совершении вмененного ему преступления, впоследствии постановил обвинительный приговор с освобождением от наказания в связи с актом амнистии.

Между тем в соответствии с ч. 1 ст. 254 УПК РФ если во время судебного заседания будут установлены обстоятельства, указанные, в частности, в п. 3–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, суд прекращает уголовное дело.

Однако в нарушение названных норм гарнизонный суд уголовное дело в отношении И. в судебном заседании не прекратил, а постановил обвинительный приговор.

В связи с этим флотский суд приговор гарнизонного военного суда отменил и уголовное дело в отношении И. на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратил.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ приостановление производства по уголовному делу в случае, когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно, должно быть мотивированным и основанным на фактических обстоятельствах дела.

Постановлением судьи Владивостокского гарнизонного военного суда от 19 июля 2016 года производство по уголовному делу в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ, приостановлено и ему изменена мера пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ судья выносит постановление о приостановлении производства по уголовному делу в случае, когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно.

Согласно ч. 2 этой статьи суд вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении не содержащегося под стражей обвиняемого, который скрылся от суда, при условии, что данный факт с достоверностью установлен судом.

В обоснование решения о приостановлении производства по делу и об изменении подсудимому меры пресечения на заключение под стражу судья сослался на то, что К. не явился в судебные заседания 8 и 19 июля 2016 года, почтовое отправление с копией постановления о назначении судебного заседания вернулось в связи с истечением срока хранения в отделении связи, в рапорте следователь указал, что К. не находится по месту жительства, подсудимый и его защитник не представили суду сведений об уважительности причин неявки по вызову суда и сведений об изменении местонахождения.

Перечисленные обстоятельства гарнизонный суд расценил как нарушение К. ранее избранной в отношении его меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, его намерение скрыться от суда.

Однако эти выводы не основаны на фактических обстоятельствах дела и требованиях закона не соответствуют.

Судом оставлено без внимания, что К. обвиняется в совершении преступления средней тяжести, в котором полностью признал свою вину, заявил ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовному делу, никаких оснований для вывода о его намерении скрыться от суда из материалов дела не усматривается.

Причины, по которым судебные повестки не были вручены К., судом не выяснены, никаких мер для установления его места нахождения и доставления в судебное заседания не предпринималось.

К. в суде апелляционной инстанции пояснил, что не намеревался скрываться от суда. Узнав о вызове в суд от сестры, получившей повестку, он немедленно сообщил о себе.

Сам по себе факт невручения К. судебных повесток доказательством намерения скрыться от суда не является.

Ссылка в постановлении судьи на рапорты следователя о том, что К. не находится по месту жительства, также необоснованна. Имеющиеся в материалах дела рапорты никакими данными о выяснении через родственников К. или близких лиц либо иным способом причин невручения повесток и фактического места пребывания не подтверждены.

Поэтому оснований для приостановления производства по делу и изменения подсудимому меры пресечения на заключение под стражу у гарнизонного военного суда не имелось.

При таких обстоятельствах флотский военный суд отменил в апелляционном порядке постановление гарнизонного суда.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

По приговору Читинского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2015 года С. осужден по ст. 264¹ УК РФ к штрафу в размере 200 000 руб. с лишением права управлять транспортными средствами на срок 3 года.

Согласно постановлению Читинского гарнизонного военного суда от 29 апреля 2016 года назначенное С. наказание в виде штрафа заменено исправительными работами на срок 1 год с удержанием из его заработной платы 10 процентов в доход государства.

29 апреля 2016 года представление начальника отдела УФССП России по Забайкальскому краю о замене С. штрафа другим видом наказания рассмотрено гарнизонным военным судом в отсутствие защитника.

Согласно ст. 267 УПК РФ председательствующий разъясняет подсудимому его права в судебном заседании, предусмотренные статьей 47 настоящего Кодекса и статьей 82¹ УК РФ.

В соответствии с п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ у подсудимого имеется право пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами

законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», согласно ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

При разрешении такого заявления суду надлежит иметь в виду, что нежелание обвиняемого пользоваться помощью защитника должно быть выражено явно и недвусмысленно. В суде первой инстанции отказ от защитника может быть принят при условии, если участие защитника в судебном заседании фактически обеспечено судом.

Заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный ст. 52 УПК РФ.

В случае, если суд принял отказ обвиняемого от защитника, решение об этом должно быть мотивированным.

Эти требования закона судом первой инстанции выполнены не были.

Сведений о том, что судом принимались меры по вызову и назначению защитника, а также об отказе осужденного от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, материалы дела не содержат.

Суд кассационной инстанции, установив, что при рассмотрении материалов уголовного дела в суде первой инстанции было нарушено право С. на защиту, постановление отменил и материалы дела направил на новое рассмотрение.

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. В случае возникновения спора о том, кому принадлежат эти вещественные доказательства и, соответственно, кому они в случаях, установленных УПК РФ, должны быть возвращены, данный вопрос подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Согласно вступившему в законную силу приговору 94 гарнизонного военного суда Ж. был признан виновным в пособничестве в уклонении от уплаты таможенных платежей, взимаемых с физического лица, совершенном в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, должностным лицом с использованием своего служебного положения, и осужден по ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 3 ст. 194 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 4 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Поскольку в данном приговоре судьба одного из вещественных доказательств – наручных часов, находящихся на ответственном хранении в банковской ячейке ОАО «Сбербанк России», не была разрешена, заинтересованные лица – С. и Ф. обратились в 94 гарнизонный военный суд с соответствующими заявлениями, в которых они, каждый в отдельности, поставили вопрос о необходимости возврата этих часов им.

Постановлением судьи от 11 октября 2016 года, принятым в порядке ст. 396–397 УПК РФ, указанное выше вещественное доказательство суд постановил передать С., фактически оставив заявление Ф. без удовлетворения.

Рассматривая данное дело по апелляционной жалобе Ф., окружной военный суд отменил указанное постановление и производство по заявлениям Ф. и С. прекратил, разъяснив им право на обращение в суд по данному вопросу в порядке гражданского судопроизводства, по следующим основаниям.

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом, если возникает спор о том, кому принадлежат эти вещественные доказательства и, соответственно, кому они в случаях, установленных тем же кодексом, должны быть возвращены, то данный вопрос подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Как следовало из обжалуемого постановления, разрешая по заявлениям Ф. и С. вопрос о вещественных доказательствах в порядке исполнения приговора, вопреки приведенным выше требованиям уголовно-процессуального закона, при очевидном наличии спора о принадлежности указанных выше наручных часов суд вторгся в оценку требований по существу и не учел, что они подлежат рассмотрению и разрешению в ином порядке.

Постановление о назначении судебных экспертиз на стадии предварительного расследования относится к решениям, не подлежащим обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ.

Постановлением Краснореченского гарнизонного военного суда, вынесенным в порядке ст. 125 УПК РФ, отказано в удовлетворении жалобы М. об отмене постановления следователя военного следственного отдела о назначении стационарной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы.

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ в судебном порядке могут быть обжалованы постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Как усматривается из постановления суда о назначении судебного заседания и постановления, которым жалоба М. разрешена по существу, суд не выяснил вопрос о том, был ли в данном случае предмет разбирательства в порядке ст. 125 УПК РФ, как на стадии принятия жалобы, так и в ходе судебного разбирательства.

Исходя из смысла оперативного судебного контроля за расследованием уголовных дел, не могут быть предметом судебного разбирательства в порядке ст. 125 УПК РФ действия и решения следователя, входящие в его исключительную компетенцию, а именно действия, результатом которых является формирование доказательств, могущих стать предметом будущего судебного разбирательства и на основании которых решается вопрос о виновности или невиновности лица при рассмотрении уголовного дела по существу.

Обжалуемое постановление следователя о назначении стационарной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы, в котором предва-

рительно решается вопрос о вменяемости М., является предметом будущего судебного разбирательства при рассмотрении дела по существу и, соответственно, не может быть предметом рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Это разъяснено в п. 3¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», где постановления о назначении судебных экспертиз отнесены к решениям, не подлежащим обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ.

Апелляционным постановлением Дальневосточного окружного военного суда постановлением Краснояреченского гарнизонного военного суда отменено, судебное производство по жалобе М., прекращено.

В порядке ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

Постановлением судьи Благовещенского гарнизонного военного суда от 27 сентября 2016 года П. возмущена поданная в порядке ст. 125 УПК РФ жалоба на действия оперативных сотрудников Службы в городе Райчихинске Пограничного управления ФСБ России по Амурской области, связанные с удержанием транспортного средства и оборудования.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в порядке ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверку поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

Как усматривается из поданной П. жалобы, ею оспаривались действия оперативных сотрудников Службы в городе Райчихинске Пограничного управления ФСБ России по Амурской области по задержанию ее транспортного средства и имущества. Более того, из поступившего по запросу суда сообщения врио начальника Пограничного управления ФСБ России по Амурской области следует, что оперативными сотрудниками по поручению следователя 21 сентября 2016 года проводились оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В связи с этим решение судьи гарнизонного военного суда об отсутствии предмета обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ признано не соответствующим указанным выше разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда постановление судьи Благовещен-

ского гарнизонного военного суда отменено, жалоба П. передана на новое судебное разбирательство в тот же суд, но иным составом суда, со стадии подготовки к судебному заседанию.

Отказ следователя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств не подлежит обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ.

По постановлению заместителя председателя Астраханского гарнизонного военного суда от 14 сентября 2016 года в порядке ст. 125 УПК РФ оставлена без удовлетворения жалоба заявителя Е. на действия следователя, связанные с обращением к командованию войсковой части 00000 о прикомандировании обвиняемого Е. к управлению указанной воинской части.

Согласно материалам досудебного производства после неоднократного нарушения обвиняемым Е. условий избранной в отношении его меры процессуального принуждения – обязательства о явке – следователь обратился к командованию воинской части о прикомандировании обвиняемого Е. к одной из воинских частей соединения по месту производства предварительного расследования по уголовному делу. В связи с этим приказом по войсковой части 28004 майор Е. прикомандирован к управлению указанной воинской части.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию судья выясняет, имеется ли предмет обжалования.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 года № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», правоотношения, связанные с исполнением военнослужащими общих, должностных и специальных обязанностей, являются публично-правовыми.

Таким образом, издание командиром войсковой части 28004 приказа о прикомандировании Е. к управлению указанной части не могло быть обжаловано в порядке ст. 125 УПК РФ.

Кроме того, само обращение следователя к органу военного управления не причиняло ущерб конституционным правам и свободам офицера Е., проходящего военную службу по контракту.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 17 ноября 2016 года постановление судьи отменено, вынесено новое решение о прекращении производства по жалобе в связи с отсутствием предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

5. ОШИБКИ В РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА

При разрешении исковых требований по уголовному делу о хищении недвижимого имущества суду надлежало учитывать положения норм Гражданского кодекса РФ об основаниях и о последствиях недействительности сделок, о защите прав собственника применительно к истребованию жилых помещений у граждан либо к возмещению убытков при этом.

По приговору Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда Х. осуждена за восемь преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, и за пять преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, выразившихся в хищении ряда квартир, принадлежащих городу Санкт-Петербургу.

Судом также удовлетворен гражданский иск Санкт-Петербурга в лице администрации Красносельского района о возмещении материального ущерба и взыскании с Х. в пользу истца 35 190 000 руб.

Как следует из материалов уголовного дела, на похищенные в результате указанных преступных действий жилые помещения был наложен арест.

В ходе предварительного следствия городом Санкт-Петербургом в лице администрации Красносельского района и ее представителя заявлен гражданский иск о возмещении причиненного истцу материального ущерба.

Согласно исковым требованиям истец просил взыскать с Х. солидарно с другими лицами стоимость похищенных квартир в сумме 35 190 000 руб. либо возложить на лиц, в собственность которых оформлены данные жилые помещения, обязанность передать квартиры в собственность города.

По смыслу закона, решение по предъявленному гражданскому иску, которое может быть принято судом при постановлении приговора, должно соответствовать требованиям ст. 196 ГПК РФ и приниматься по заявленным истцом требованиям.

В силу ст. 307, 309 УПК РФ при разрешении гражданского иска суд обязан привести в приговоре мотивы, обосновывающие полное или частичное удовлетворение иска либо отказа в нем, указать с приведением соответствующих расчетов размеры, в которых удовлетворены требования истца, и закон, на основании которого разрешен гражданский иск.

Указанные требования закона гарнизонным судом в полном объеме выполнены не были.

С учетом обстоятельств преступлений, совершенных Х., признанных судом обоснованными, при разрешении исковых требований суду надлежало учитывать положения норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) об основаниях и о последствиях недействительности сделок (параграф 2), о защите прав собственника применительно к истребованию жилых помещений у граждан (ст. 301–305) либо к возмещению убытков при этом (ст. 15, 1064).

Применительно к данному делу в силу приведенных правовых норм взыскание убытков в размере стоимости переданных в собственность гражданам квартир возможно лишь в случае признания судом действительности и законности таких сделок, а указанных граждан добросовестными приобретателями.

Между тем суд первой инстанции указанные юридически значимые обстоятельства не исследовал и не установил, а граждан, в собственности которых в настоящее время находятся спорные жилые помещения, к рассмотрению иска не привлек и без приведения каких-либо мотивов невозможности возврата квартир в собственность города принял решение о взыскании их стоимости с осужденной.

Допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при разрешении гражданского иска являются основанием для отмены приговора в этой части.

Поскольку данное уголовное дело было рассмотрено в особом порядке, без фактического исследования и оценки доказательств, суд апелляционной инстанции, не имея возможности устранить допущенное нарушение закона без передачи дела в этой части на новое судебное разбирательство, приговор в отношении Х. изменил. Решение в части гражданского иска города Санкт-Петербурга в лице администрации Красносельского района к Х. о возмещении материального ущерба было отменено, и дело в этой части направлено в тот же суд на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Признание права на удовлетворение гражданского иска о возмещении имущественного ущерба не препятствует разрешению иска о компенсации морального вреда в том же судебном заседании.

По приговору Севастопольского гарнизонного военного суда от 11 декабря 2015 года капитан З. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год с лишением права управлять транспортным средством на срок 1 год 6 месяцев.

За гражданским иском К. признано право на удовлетворение гражданского иска о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда, а вопрос о размере исковых требований передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

При этом судом не учтено, что исковые требования о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда имеют различную правовую природу, образуют самостоятельные гражданские иски, подлежащие отдельному разрешению. Однако суд первой инстанции не разделил эти требования на два самостоятельных иска и допустил их смешение воедино, признав за потерпевшим право на удовлетворение «гражданского иска».

Кроме того, согласно материалам уголовного дела исковые требования потерпевшего о компенсации морального вреда составляли 500 000 руб. Несмотря на отсутствие препятствий к разрешению гражданского иска о компенсации морального вреда, суд поставил решение данного вопроса в зависимость от наличия материального ущерба.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 14 апреля 2016 года приговор в части решения по гражданскому иску потерпевшего о компенсации морального вреда отменен, уголовное дело в этой части передано в гарнизонный военный суд на новое судебное разбирательство в порядке гражданского судопроизводства.

Решением Севастопольского гарнизонного военного суда от 28 июня 2016 года с гражданского ответчика З. в пользу гражданского истца К. взыскано в счет компенсации морального вреда 90 000 руб.

6. О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ (РЕАБИЛИТАЦИЯ), И ВОЗМЕЩЕНИИ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК

При отмене обвинительного приговора и постановлении апелляционного оправдательного приговора причиненный в результате необоснованного уголовного преследования вред возмещается государством.

О. обвинялась частными обвинителями С. и П. в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 128¹ УК РФ.

В соответствии с приговором Оренбургского гарнизонного военного суда от 16 октября 2014 года О. осуждена за совершение указанных преступлений к штрафу в размере 10 000 руб. за каждое из них, окончательное наказание в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ ей определено в виде штрафа в размере 15 000 руб.

Указанный приговор отменен Приволжским окружным военным судом 8 декабря 2014 года, а О. оправдана по предъявленному ей обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 128¹ УК РФ (постановлен апелляционный оправдательный приговор).

7 апреля 2016 года О. обратилась в Оренбургский гарнизонный военный суд в порядке ст. 135 УПК РФ с требованием о возмещении ей имущественного ущерба, причиненного частными обвинителями в результате необоснованного уголовного преследования, взыскав с каждого из них по 40 000 руб., т.е. денежные средства, выплаченные ею за оказание юридической помощи.

Рассмотрев указанное требование, гарнизонный военный суд удовлетворил его частично, взыскав в пользу О. с С. 10 500 руб., а с П. – 8500 руб.

Рассмотрев апелляционную жалобу О., окружной военный суд пришел к следующим выводам.

Разрешая требование О. о возмещении средств, затраченных на юридическую помощь, суд первой инстанции руководствовался требованиями ч. 9 ст. 132 УПК РФ, которые предусматривают взыскание процессуальных издержек в пользу оправданного по делу частного обвинения с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу.

Вместе с тем суд первой инстанции не учел, что согласно апелляционному приговору Приволжского окружного военного суда от 8 декабря 2014 года О. была оправдана по предъявленному ей обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, за непричастностью к их совершению, соответственно, обвинительный приговор Оренбургского гарнизонного военного суда от 16 октября 2014 года был отменен.

В соответствии с ч. 2¹ ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда, в порядке, установленном гл. 18 того же кодекса, имеют осужденные по уголовным делам частного обвинения в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора суда и оправдания осужденного.

Таким образом, разрешая вопрос о возмещении О. имущественного ущерба, причиненного в результате необоснованного уголовного преследования, суд первой инстанции должен был принять во внимание требования ч. 1 ст. 133 УПК

РФ, согласно которым указанный вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Указанные выше требования закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом первой инстанции выполнены не были, поэтому обжалуемое постановление в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона отменено, заявление О. направлено на новое судебное разбирательство.

В состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях).

В соответствии с приговором 101 гарнизонного военного суда с Д., осужденного за незаконное проникновение в жилище и превышение должностных полномочий с применением насилия, в доход государства взысканы процессуальные издержки в размере 87 050 руб., выплаченные негосударственному судебно-экспертному учреждению за проведение судебной фотоскопической экспертизы.

Изменяя приговор в части взыскания с осужденного указанных процессуальных издержек, судебная коллегия окружного суда в определении указала следующее.

По смыслу ст. 131 УПК РФ, в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов Российской Федерации (ст. 37 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т.е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, вуза, иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование. В определении (постановлении) о назначении экспертизы суду следует мотивировать поручение исследований экспертным учреждениям либо конкретному лицу.

Согласно материалам дела, судебная фоноскопическая экспертиза была проведена на основании соответствующего постановления следователя экспертом автономной некоммерческой организации «Центр Лингвистических Экспертиз». Поручение проведения исследования эксперту названной организации было обусловлено значительной загруженностью государственных судебно-экспертных учреждений, что неизбежно повлекло бы отложение реализации постановления о назначении экспертизы на несколько месяцев и могло привести к необоснованному превышению разумных сроков предварительного расследования.

Таким образом, взыскав с осужденного затраты на производство судебной фоноскопической экспертизы, суд фактически возложил на одну из сторон уголовного судопроизводства дополнительную обязанность с целью соблюдения установленных процессуальных сроков производства по делу. При этом очевидно, что в случае проведения экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении соответствующие суммы не были бы отнесены к процессуальным издержкам.

С учетом этих обстоятельств судебная коллегия исключила из приговора указание о взыскании с осужденного процессуальных издержек по делу, связанных с проведением судебной фоноскопической экспертизы.

Порядок расчета размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению суда, в зависимости от сложности уголовного дела утверждается Министерством юстиции Российской Федерации совместно с Министерством финансов Российской Федерации.

Защитник-адвокат Н., оказывавший по назначению суда юридическую помощь осужденному П., обратился в Калининградский гарнизонный военный суд с заявлением о выплате ему вознаграждения за осуществление защиты подсудимого.

Постановлением указанного суда от 23 августа 2016 года на финансовый орган была возложена обязанность по оплате труда защитника за 17 дней его участия в уголовном деле, по 850 руб. за каждый рабочий день.

Не согласившись с таким постановлением суда, адвокат Н. в апелляционной жалобе просил изменить его и оплатить его труд за 18 рабочих дней, исходя из 1200 руб. за каждый день.

Рассмотрев материалы дела, суд апелляционной инстанции постановление изменил, указав следующее.

В соответствии с п. 5 ч. 2 и ч. 4 ст. 131 УПК РФ порядок и размеры возмещения процессуальных издержек, состоящих из сумм, выплачиваемых адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия в уголовном судопроизводстве по назначению, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 25 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240 (далее – Положение), выплата вознаграждения адвокату осуществ-

ляется на основании постановления суда или определения суда, вынесенного по результатам рассмотрения письменного заявления адвоката после исполнения им своих процессуальных обязанностей.

Как установлено в суде, на момент подачи заявления (3 августа 2016 года) адвокат Н. оказывал юридическую помощь подсудимому П. в его уголовном деле в течение 14 дней.

Именно за эти дни адвокат в заявлении и просил суд оплатить его труд.

Однако вопреки приведенной правовой норме суд вышел за пределы заявленных требований, определив вознаграждение адвокату, помимо 14 рабочих дней, дополнительно еще за 3 дня участия в суде, за которые тот оплату не просил.

Неверно суд рассчитал и размер выплаченного адвокату Н. вознаграждения, не приняв во внимание, что согласно п. 23 указанного положения порядок расчета размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению суда, в зависимости от сложности уголовного дела, утверждается Министерством юстиции Российской Федерации совместно с Министерством финансов Российской Федерации. При этом в названном пункте Положения Правительством Российской Федерации установлен минимальный (550 руб.) и максимальный (1200 руб.) размеры вознаграждения адвоката за один рабочий день участия в уголовном деле по назначению суда.

Порядок расчета размера вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела утвержден совместным приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации от 5 сентября 2012 года № 174/122н (далее – Порядок).

Согласно подп. 2 п. 5 Порядка с 1 января 2013 года суд устанавливает вознаграждение адвокату в размере 980 руб. за один день его участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве в случае предъявления обвинения по трем или более инкриминируемым преступлениям, а также при объеме материалов уголовного дела более трех томов.

Указанный размер вознаграждения адвоката может быть увеличен на 220 руб. на основании мотивированного постановления (определения) суда с учетом степени тяжести вменяемых преступлений, количества подсудимых, объема материалов дела, необходимости выезда адвоката в процессе ведения дела в другой населенный пункт и совершения преступления отдельными категориями граждан (пункт 6 Порядка).

С учетом изложенного, поскольку в настоящем деле оснований для применения к адвокату Н. п. 6 Порядка суд апелляционной инстанции не установил, сумма его вознаграждения за 14 дней участия в суде в качестве защитника подсудимого была определена из расчета 980 руб., что составило 13 720 руб.

7. О РАССМОТРЕНИИ ВОЕННЫМИ СУДАМИ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕНИЕ КОТОРЫХ СОПРЯЖЕНО С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Признавая лицо виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205.5 УК РФ, суд не учел, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2017 года № 203-АП/17-4 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2016 года М. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ) к лишению свободы сроком на 4 года 6 месяцев. На основании статьи 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 3 года и с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила по следующим основаниям.

Признавая М. виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205.5 УК РФ, суд не учел, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона.

Следовательно, исходя из положений статей 9 и 10 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, действия М., связанные с участием в деятельности террористической организации до 14 ноября 2013 года, не могли быть квалифицированы по части 2 статьи 205.5 УК РФ.

Указанные действия М. подлежали квалификации по части 2 статьи 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) как участие в деятельности экстремистской организации, поскольку в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) включает в том числе публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность.

Поскольку названные действия фактически вменялись осужденному в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по

фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает его положения и не нарушает права на защиту, Судебная коллегия нашла необходимым изменить М. обвинение и квалифицировать его действия за период до 14 ноября 2013 года по части 2 статьи 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ).

В связи с тем, что со дня совершения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), являвшегося преступлением небольшой тяжести, прошло более двух лет и при отсутствии в материалах дела данных об уклонении осужденного от следствия, Судебная коллегия на основании пункта «а» ч. 1 статьи 78 УК РФ посчитала М. подлежащим освобождению от отбывания наказания, назначенного за данное преступление, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Что касается квалификации действий М., выразившихся в участии в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, по части 2 статьи 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), то она является правильной.

Кроме того, обосновывая необходимость назначения осужденному лишения свободы условно, суд первой инстанции в приговоре признал обстоятельствами, смягчающими его наказание, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, наличие малолетнего ребенка и указал, что М. ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту работы и жительства характеризуется положительно, чистосердечно раскаялся в содеянном, вину признал полностью, длительное время содержался под стражей, а также принял во внимание, что дело рассматривается в особом порядке при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве.

При этом суд оставил без внимания, что в соответствии с частью 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания помимо личности виновного учету подлежит характер и степень общественной опасности совершенного преступления.

Из материалов дела следует, что М. в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «Хизб-Ислам», и помимо выполнения общих обязанностей он обучал идеологии «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» других членов террористической организации, а также работал в аналитическом центре террористической организации в г. Уфе, где готовил письменные материалы, которые использовались в качестве прокламаций.

Кроме того, судом без должного внимания оставлено то обстоятельство, что преступная деятельность М. была пресечена его задержанием 4 февраля 2015 года, длительное время он вину не признавал, а признательные показания дал только 28 октября 2015 года, после изблечения его органами следствия собранными по делу доказательствами.

При таких данных роль и длительность участия М. в террористической организации, характер выполняемых в ней функций и его личность указывают на повышенную общественную опасность совершенного им преступления и, вопреки выводу суда, не свидетельствуют о том, что цели наказания осужденного могут быть достигнуты без его изоляции от общества.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила:

признала М. виновным в совершении в период с 6 ноября 2011 года по 13 ноября 2013 года преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб.;

освободила М. от наказания, назначенного по части 2 статьи 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования;

его же признала виновным в совершении в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

***

По аналогичным основаниям апелляционным определением Судебной коллегии по делам военнослужащих от 9 марта 2017 года № 203-АПУ17-5 изменен приговор Приволжского окружного военного суда от 28 декабря 2016 года в отношении Г.

Отменяя приговор в части назначения Г. условного осуждения и назначая ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, Судебная коллегия помимо прочего указала, что осужденный в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «хизбием», и помимо общих обязанностей выполнял обязанности помощника руководителя группы («масуля») террористической организации, занимался подготовкой преподавателей и просвещением участников этой организации.

Оставление судом без должного внимания конкретных обстоятельств дела при назначении осужденному размера штрафа повлекло изменение приговора

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11 мая 2017 года № 203-АПУ17-11 по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 17 февраля 2017 г. Б. осужден к штрафу в размере 150 000 руб. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), к штрафу в размере 100 000 руб. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ), а по совокупности преступлений в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ путем поглощения менее строгого наказания более строгим – к штрафу в размере 150 000 руб.

На основании ч. 5 ст. 72 УК РФ Б. освобожден от отбывания назначенного ему наказания в виде штрафа.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила по следующим основаниям.

Б. признан виновным в публичном оправдании терроризма и в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии, что выразилось в размещении в период с 14 декабря 2014 г. по май 2015 г. на созданной им через телекоммуникационную сеть «Интернет» в одной из социальных сетей личной страницы пользователя фото и видеофайлов, а также текстовых записей, оправдывающих террористическую деятельность, формирующих положительную установку по отношению к ней, а также направленных на возбуждение ненависти и вражды, на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии.

Признание в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, активного способствования осужденным раскрытию преступления и явки с повинной, принятие во внимание привлечения его к уголовной ответственности впервые и положительных характеристик, а также учет влияния наказания на его исправление, позволили суду в данном конкретном случае прийти к правильному выводу о возможности назначения Б. наказания в виде штрафа.

Однако при определении размера штрафа суд оставил без внимания, что размещение осужденным значительного количества фото и видеофайлов, а также текстовых записей происходило в течение длительного времени, что позволило их просмотреть большому количеству пользователей.

Данное обстоятельство свидетельствует о повышенной общественной опасности совершенных Б. преступлений.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу о необходимости изменения приговора в части размера штрафа за оба преступления.

Кроме того, исходя из характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, а также конкретных обстоятельств дела, Судебная коллегия посчитала необходимым назначить Б. наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний и на основании ч. 5 ст. 72 УК РФ – не освободить от отбывания наказания, а смягчить назначенное наказание с учетом шестимесячного срока содержания его под стражей.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила:

Б. назначено за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), наказание в виде штрафа в размере 200 000 руб., за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ), наказание в виде штрафа в размере 200 000 руб.

По совокупности преступлений назначено окончательное наказание Б. в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний в размере 350 000 руб.

На основании ч. 5 ст. 72 УК РФ с учетом срока содержания Б. под стражей с 19 мая по 19 ноября 2016 г. смягчено назначенное ему наказание до 200 000 руб.

Наказание назначается по совокупности преступлений, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в

другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 года № 201-АПУ17-19 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 16 февраля 2017 г. М. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.1 и ч. 1 ст. 280 УК РФ, путем частичного сложения наказаний к лишению свободы на срок 8 лет в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что по приговору районного суда от 24 июня 2014 г. М. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, к 1 году лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Преступление совершено им в период с 2007 г. по 18 мая 2014 г.

После отбывтия М. наказания было установлено, что он виновен еще и в других преступлениях, которые совершил до вынесения приговора от 24 июня 2014 г., а именно: в склонении в период с октября 2013 г. по май 2014 г. четырех лиц к совершению преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, и в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности в период с 14 декабря 2013 г. по 21 марта 2014 г.

Согласно ч. 5 ст. 69 УК РФ наказание назначается по совокупности преступлений, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу; в этом случае в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

При таких данных апелляционное представление в части необходимости назначения М. наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ подлежит удовлетворению, а приговор в указанной части – изменению, с зачетом в срок наказания, назначенного по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, наказания, фактически отбытого по первому приговору с 18 мая 2014 по 13 января 2015 г. включительно.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор Московского окружного военного суда от 20 февраля 2017 г. в отношении М. изменила: на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 222 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний М. назначено 8 лет 4 месяца лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Срок отбывания наказания М. исчислен с 20 февраля 2017 г. с зачетом в этот срок наказания, отбытого по первому приговору с 18 мая 2014 по 13 января 2015 г. включительно, а также времени содержания под стражей.

При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

В срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2017 года № 201-АПУ17-3сс по уголовному делу в отношении Г. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 3 ноября 2016 года, Г. и С. осуждены по части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), а Г-в и Ф. – по части 5 статьи 33, части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), все к лишению свободы со штрафом.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из приговора указание о назначении осужденным дополнительного наказания в виде штрафа, указав следующее.

Дополнительное наказание в виде штрафа согласно санкции части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ) не является обязательным, при этом необходимость его назначения осужденным в приговоре не мотивирована.

Это не соответствует положениям пункта 4 статьи 307 УПК РФ, а также разъяснениям, данным в пункте 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 59 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», о том, что при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

Также Судебная коллегия изменила приговор в отношении Ф. и по другим основаниям.

В силу пункта 3 части 10 статьи 109, пункта 9 части 1 статьи 308 УПК РФ в срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; решение о зачете времени предварительного содержания под стражей суд должен принимать с учетом времени фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, применения к нему соответствующей меры пресечения или времени, когда лицо помещалось в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Из материалов дела усматривается, что на основании постановления судьи районного суда г. Москвы обвиняемая Ф. была в порядке части 2 статьи 203 УПК РФ помещена в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской экспертизы. Срок помещения Ф. в медицинскую организацию исчислен с момента вынесения

постановления. Как следует из заключения судебно-медицинских экспертов от 29 июля 2010 года экспертиза в отношении Ф. производилась по 29 июля 2010 года.

Принимая решение о зачете времени предварительного содержания Ф. под стражей суду следовало учесть период ее помещения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, с 23 июня по 29 июля 2010 года, что не сделано.

При таких обстоятельствах в срок содержания Ф. под стражей необходимо включить период с 23 июня по 29 июля 2010 года.

Судебная коллегия также нашла необходимым изменить приговор в отношении Ф. в части основного наказания, о чем поставлен вопрос в апелляционном представлении государственного обвинителя.

Из положений статей 6, 43 и части 1 статьи 60 УК РФ следует, что назначенное наказание должно быть справедливым, оно применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. При этом необходимо учитывать, как будет влиять наказание на условия жизни семьи осужденного.

Указанные требования уголовного закона по настоящему уголовному делу судом первой инстанции соблюдены не в полной мере.

Суд в должной степени не принял во внимание наличие у Ф. двух малолетних детей, один из которых является инвалидом с детства, страдает тяжелым заболеванием. Сама Ф. страдает рядом заболеваний, подтвержденных имеющимися в деле медицинскими документами, к уголовной ответственности привлекается впервые, ранее ни в чем предосудительном замечена не была, характеризуется только с положительной стороны. Недостаточно учтена судом роль Ф. в преступлении, с момента совершения которого прошло значительное время.

При таких обстоятельствах назначение судом Ф. реального лишения свободы ввиду тяжести не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновной и целям наказания, определенным в статье 43 УК РФ.

В связи с изложенным, учитывая совокупность приведенных смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, Судебная коллегия определила: на основании статьи 73 УК РФ считать назначенное Ф. наказание условным.

При признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 205-АПУ16-30 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 октября 2016 года, М. признан виновным и осужден за публичное оправдание терроризма и за действия, направленные на возбуждение вражды по признаку отношения к религии, а также принадлежности к социальной группе (представителей власти и сотрудников правоохранительных органов), совершенные публично.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционным жалобам защитников осужденного, приговор изменила: исключила из приго-

вора указания о судимости М. по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года; о признании в его действиях отягчающего наказание обстоятельства – рецидива преступлений и назначении наказания с применением статьи 68 УК РФ; смягчила наказание, назначенное М. по части 1 статьи 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ, от 3 февраля 2014 года № 5-ФЗ), по части 1 статьи 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) и по совокупности преступлений.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия по делам военнослужащих указала следующее.

Согласно пункту «а» части 4 статьи 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

Суд признал обстоятельством, отягчающим наказание М., его судимость по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года, на основании которого он был осужден по части 1 статьи 282 УК РФ к штрафу в размере 150 000 руб.

Как указано в приговоре, преступление М. совершил примерно в июле 2012 года, выступив на пятничной проповеди в мечети с призывами, направленными на возбуждение вражды, а также унижение достоинства человека и группы лиц по признакам отношения к религии.

По действовавшему в то время уголовному закону это деяние относилось к категории преступлений небольшой тяжести, в связи с чем, а также в силу требований части 1 статьи 9, части 1 статьи 10 УК РФ судимость за его совершение не образует рецидив преступлений по настоящему уголовному делу.

Психическое расстройство, не лишаящее осужденного способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, подлежит учету в качестве обстоятельства, смягчающего наказание

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 201-АПУ17-23 по уголовному делу в отношении Н. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 17 марта 2017 г. Н., родившийся 10 ноября 1998 г., осужден к лишению свободы на срок 7 лет по ч. 3 ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за организацию и руководство в несовершеннолетнем возрасте убийством Г. группой лиц по предварительному сговору и к лишению свободы на срок 3 года по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ за публичное оправдание терроризма, а по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний к лишению свободы на срок 9 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, признала в качестве смягчающего наказание обстоятельства имеющегося у Н. психическое расстройство, не исключающее его вменяемости, смягчила назначенное ему наказание на два месяца за каждое из совершенных им преступлений и по совокупности преступлений, указав следующее.

В суде установлено, что у Н. имеются признаки психического расстройства в форме социализированного расстройства поведения, которое не лишало его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ.

К числу таких обстоятельств согласно разъяснениям, содержащимся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», относится психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключающее вменяемости.

Поскольку Н. совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте и у него обнаружено психическое расстройство, не лишающее способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, суд был обязан при назначении осужденному наказания учесть это обстоятельство в качестве смягчающего наказание, однако не сделал этого.

Совершение преступления средней тяжести и приготовление к тяжкому преступлению влечет назначение наказания по совокупности преступлений по правилам, установленным ч. 2 ст. 69 УК РФ

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № 201-АПУ17-14 по уголовному делу в отношении Н. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 2 февраля 2017 г., Н. признан виновным в приготовлении к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и в действиях, направленных на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам национальности, совершенных публично, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, путем частичного сложения наказаний в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ Н. осужден на срок 4 года в исправительной колонии общего режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, апелляционным жалобам осужденного и его защитника, приговор изменила: исключила из резолютивной части приговора указание о применении положений ч. 3 ст. 69 УК РФ и в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначила Н. наказание в виде лишения свободы на срок 3 года 10 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия по делам военнослужащих указала, что Н. совершены преступление средней тяжести и приготовление к тяжкому преступлению, что влечет назначение наказания по совокупности преступлений по правилам, установленным ч. 2 ст. 69 УК РФ, которые являются более мягкими по сравнению с ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 201-АПУ16-41 по уголовному делу в отношении И. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 17 августа 2016 г. И., К. и Р. осуждены к лишению свободы по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ они освобождены от отбывания наказания.

К. также осужден по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 152-ФЗ) к 5 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и жалобам осужденных и их защитников, приговор изменила, указав в обоснование, что с учетом положений ст. 9 и 10 УК РФ незаконные действия К., выразившиеся в участии в деятельности террористической организации в период с 14 ноября 2013 г. по 24 июня 2014 г., подлежали квалификации по уголовному закону, действовавшему во время совершения преступления, то есть по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ).

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) преступления, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), являются преступлениями небольшой тяжести.

Санкции чч. 1, 2 ст. 282.2 УК РФ предусматривают, наряду с лишением свободы, наказания в виде штрафа, принудительных работ, ареста.

Поскольку осужденные ранее судимы не были, преступления небольшой тяжести, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 282.2 УК РФ, совершили впервые, обстоятельства, отягчающие наказание, судом не установлено, приговор в части решения о наказании за совершение указанных преступлений подлежит изменению с назначением более мягкого вида наказания, нежели лишение свободы.

На основании изложенного Судебная коллегия переквалифицировала действия К. с ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 152-ФЗ) на ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) и назначила ему наказание.

За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), Судебная коллегия назначила И., К. и Р. наказание в виде штрафа каждому и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ освободила осужденных от наказания.

Учет судом положительных данных о личности осужденного при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств исключало назначение ему за совершенное преступление максимального наказания

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 201-АПУ17-20 по уголовному делу в отношении Х. (извлечение)

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 30 марта 2017 г. Х. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, к лишению свободы на срок 10 лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное Х. наказание за совершенное им преступление до 9 лет 6 месяцев лишения свободы.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из следующего.

Х. признан виновным в приготовлении в октябре 2016 г. к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

В соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Следовательно, максимальный срок наказания Х. за приготовление к участию в деятельности террористической организации не может превышать 10 лет лишения свободы.

При назначении наказания суд учел состояние здоровья и материальное положение Х., а также то, что в быту, на работе и по месту жительства он характеризуется положительно. Обстоятельства, отягчающие наказание Х., по делу не установлены.

При таких данных назначенное осужденному максимальное наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Если по первому приговору лицо было осуждено за умышленное преступление (кроме преступления небольшой тяжести) к лишению свободы условно, при вынесении второго приговора за новое преступление суд, на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ, отменил условное осуждение и назначил наказание в соответствии со ст. 70 УК РФ, то при постановлении третьего приговора за вновь совершенное преступ-

ление первая и вторая судимости учитываются при определении наличия рецидива преступлений

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 г. № 203-АПУ17-13 по уголовному делу в отношении И. (извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 24 марта 2017 г. И. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ, к лишению свободы на срок на 7 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе защитника, Судебная коллегия оставила приговор без изменения, в том числе в части назначенного осужденному вида исправительного учреждения.

Согласно приговору И. 12 января 2010 г. осужден районным судом за преступление, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

29 июля 2011 г. И. вновь осужден районным судом за преступление, предусмотренное пп. «а» и «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору районного суда от 12 января 2010 г. было отменено и по совокупности приговоров ему назначено окончательное наказание в виде 3 лет лишения свободы. После отбытия наказания в виде лишения свободы за названное тяжкое преступление, в период непогашенной судимости, И. вновь совершил одно тяжкое преступление и два преступления средней тяжести, за которые он осужден к реальному лишению свободы.

Согласно п. «а» ч. 3 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений признается особо опасным при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

При этом в соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», содержащимися в п. 45, если по первому приговору лицо было осуждено за умышленное преступление (кроме преступления небольшой тяжести) к лишению свободы условно, при вынесении второго приговора за новое преступление суд, на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ, отменил условное осуждение и назначил наказание в соответствии со ст. 70 УК РФ, то при постановлении третьего приговора за вновь совершенное преступление первая и вторая судимости учитываются при определении наличия рецидива преступлений.

При таких данных суд первой инстанции правомерно назначил И. отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

Суд может снять с осужденного судимость до истечения срока погашения судимости, если после отбытия наказания он вел себя безупречно в течение срока, достаточного для оценки его поведения судом

Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. № 201-УДП16-18 по уголовному делу в отношении Ч. (извлечение)

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 14 августа 2015 г. с учетом внесенных в него изменений апелляционным определением Московского окружного военного суда от 23 декабря 2015 г. Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 90 тысяч рублей.

Постановлением 235 гарнизонного военного суда от 19 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского окружного военного суда от 1 апреля 2016 г. и постановлением президиума того же суда от 7 сентября 2016 г., по ходатайству осужденного Ч. от 28 января 2016 г. с него снята судимость до истечения срока ее погашения.

Рассмотрев дело по кассационному представлению прокурора, Судебная коллегия по делам военнослужащих, нашла судебные решения подлежащими отмене по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены либо изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

В силу ст. 7 УПК РФ постановление суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Частью 1 ст. 86 УК РФ определено, что лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами.

Согласно п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы, по общему правилу, судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания.

При этом ч. 5 ст. 86 УК РФ предусмотрено, что если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости.

По смыслу указанной уголовно-правовой нормы, безупречное поведение осужденного может свидетельствовать о степени его исправления, если оно продолжалось в течение срока, достаточного для его объективной оценки судом, с учетом конкретных обстоятельств преступления, его характера, степени общественной опасности, отношения осужденного к совершенному преступлению, а также достижения целей уголовного наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ, данных о личности лица, отбывшего наказание, его поведения в быту и общественных местах, отношении к труду и другим значимых обстоятельствах, в том числе длительности периода, прошедшего с момента отбытия или исполнения наказания.

Удовлетворяя ходатайство осужденного Ч. о снятии с него судимости до истечения срока ее погашения, суд первой инстанции в основу своего постановления положил сведения о том, что Ч. 25 декабря 2015 г. уплатил штраф, а 22 января 2016 г. возместил процессуальные издержки. Также суд учел положи-

тельную служебную характеристику Ч. от 16 января 2016 г. и его характеристику по месту жительства за период с 25 декабря 2015 г. по 27 января 2016 г.

Суд апелляционной инстанции, где осужденный подтвердил дополнительно информацию о полном отбытии наказания, и президиум Московского окружного военного суда, пересматривая в кассационном порядке материал в отношении Ч., оставили без изменения постановление суда первой инстанции. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций в обоснование принятого ими решения сослались на установление безупречности поведения Ч. после отбытия им наказания.

Между тем, принимая решение о досрочном снятии судимости с Ч. менее чем через два месяца после вступления в законную силу приговора, гарнизонный военный суд формально оценил лишь факты уплаты осужденным штрафа, возмещения им процессуальных издержек, а также наличие положительных характеристик.

Однако в характеристиках, представленных Ч. в обоснование ходатайства о снятии судимости и положенных в основу судебного постановления, отсутствуют сведения, свидетельствующие о безупречном поведении Ч. в период после отбытия им наказания.

Так, в служебной характеристике от 16 января 2016 г. вовсе не проанализировано поведение Ч. в период после 23 декабря 2015 г., а в характеристике по месту жительства от 27 января 2016 г. сообщено лишь об удовлетворительной характеристике осужденного за период с 25 декабря 2015 г. и об отсутствии в отношении его компрометирующей информации. При этом в указанных документах какие-либо определенные сведения, свидетельствующие о безупречном поведении Ч. после исполнения уголовного наказания, не приведены.

При таких объективных обстоятельствах, а также с учетом краткосрочности периода (менее двух месяцев), за который судом оценивалась безупречность поведения осужденного за совершение тяжкого преступления после вступления приговора в законную силу, оснований для признания постановления 235 гарнизонного военного суда от 19 февраля 2016 г., построенного на указанных выше характеристиках, обоснованным и надлежащим образом мотивированным не имеется.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила постановление 235 гарнизонного военного суда от 19 февраля 2016 г., апелляционное постановление Московского окружного военного суда от 1 апреля 2016 г. и постановление президиума того же суда от 7 сентября 2016 г. в отношении Ч. и передала материал на новое судебное рассмотрение в 235 гарнизонный военный суд в ином составе суда.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осужденному должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2017 года № 201-АПУ17-1 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 26 октября 2016 года осужден за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи

205.2 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), к лишению свободы сроком на три года с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в части решения о взыскании с осужденного процессуальных издержек в сумме 158 000 руб. за производство судебных экспертиз отменила ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона и направила дело в этой части на новое рассмотрение в тот же суд, указав в обоснование следующее.

В соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 299 УПК РФ при постановлении приговора суд помимо вопросов, указанных в данной статье, разрешает вопрос, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки. При этом согласно требованиям части 6 статьи 132 УПК РФ при взыскании процессуальных издержек с осужденного суд должен учитывать его имущественное положение.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осужденному должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения.

Однако данные требования закона судом не выполнены.

Как следует из материалов дела, вопрос о взыскании процессуальных издержек с М. в судебном заседании на обсуждение сторон не выносился, какие-либо доказательства, подтверждающие рассмотрение вопроса о взыскании расходов на производство судебных экспертиз, в судебном заседании не исследовались. Данных о том, что судом осужденному разъяснялись положения статей 131, 132 УПК РФ, не имеется, в связи с чем он был лишен возможности по вопросу о взыскании процессуальных издержек довести до сведения суда свою позицию относительно размера взыскиваемых процессуальных издержек с учетом своего материального положения.

В приговоре отсутствуют мотивы в обоснование решения о взыскании с осужденного расходов на производство судебных экспертиз, а также оценка оснований их производства вне служебного задания.

Судебная коллегия по делам военнослужащих указала, что при новом рассмотрении вопроса о взыскании процессуальных издержек с осужденного суду необходимо учесть изложенные выше обстоятельства, проверить основания производства экспертиз вне служебного задания и постановить законное и обоснованное решение.

Повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела недопустимо

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 2017 г. № 203-АПУ17-12 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Приволжского окружного военного суда от 25 ноября 2016 г. М. признан виновным и осужден, в том числе за подстрекательство двух лиц к участию в деятельности организации, признанной в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор отменила и передала уголовное дело на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии судебного разбирательства в ином составе суда.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих указала следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 389.15, п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ основанием для отмены обвинительного приговора в апелляционном порядке является вынесение его незаконным составом суда.

Согласно ч. 2 ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основания полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного дела. В частности, как предусмотрено ст. 63 УПК РФ, исключается повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела.

В силу общепризнанных принципов справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, закрепленных в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также положений ст. 63 УПК РФ в их конституционно-правовом толковании, повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела (поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу) является недопустимым во всех случаях, в том числе и при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства и вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом ранее принятое с участием этого судьи решение.

В противном случае высказанная судьей в процессуальном решении позиция о наличии или об отсутствии события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, о достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного судебного решения и таким образом могла бы поставить под сомнение объективность и беспристрастность судьи.

Данные положения при производстве по уголовному делу в отношении М. соблюдены не были.

Как следует из материалов уголовного дела, М. обвинялся органами предварительного расследования и признан судом виновным в том числе в склонении Х. и Ш. к участию в деятельности организации, признанной в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической.

Указанные действия М. в рамках предъявленного ему обвинения квалифицированы судом по ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) как подстрекательство Х. и Ш. к участию в деятельности террористической организации.

Вместе с тем 7 февраля 2017 г. (до рассмотрения этого уголовного дела) Приволжским окружным военным судом в составе тех же судей были постановлены в особом порядке принятия судебного решения приговоры в отношении Х. и Ш., которые признаны виновными в приготовлении к участию в деятельности организации, признанной в соответствии с законодательством Российской Фе-

дерации террористической, – преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. Данные приговоры вступили в законную силу.

Как следует из приговоров в отношении Х. и Ш., преступление каждый из них совершил при подстрекательстве М., то есть в силу ст. 33 УК РФ – в соучастии с ним.

Несмотря на то, что уголовные дела в отношении Х. и Ш. рассмотрены по правилам гл. 40 УПК РФ без исследования и оценки в общем порядке собранных по делу доказательств, суд как по этим делам, так и по рассмотренному в общем порядке делу в отношении М. оценивал обоснованность обвинения соучастников преступления, излагая в судебных решениях выводы относительно одних и тех же событий по одним и тем же вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора.

При этом в приговорах в отношении Х. и Ш. судом указано, что обвинение, с которым согласились подсудимые, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Таким образом, в нарушение требований ч. 1 ст. 63 УПК РФ в ее конституционно-правовом смысле судьи, ранее принимавшие участие в рассмотрении уголовных дел в отношении Х. и Ш. и высказавшие свою позицию в приговорах относительно наличия события преступления, достаточности собранных доказательств и обоснованности вывода о виновности в его совершении Х. и Ш. при соучастии каждого с М., в дальнейшем участвовали в рассмотрении уголовного дела в отношении М., которое было связано с оценкой ранее исследовавшихся с участием указанных судей обстоятельств.

ОБЗОРНАЯ СПРАВКА
практики рассмотрения военными судами уголовных дел
о преступлениях, предусмотренных статьями 290, 291, 291¹ УК РФ,
совершенных военнослужащими

Борьба с коррупцией является одной из важнейших задач государства и его судебной системы.

Среди коррупционных преступлений наиболее распространенным и опасным является взяточничество. Оно посягает на основы государственной власти и нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений.

Правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Вопросы, возникающие у судов при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве и об иных связанных с ним коррупционных преступлениях, получили разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 (в редакции постановления от 3 декабря 2013 года) “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” (далее - постановление Пленума)

В ходе обобщения проведено изучение поступивших из окружных (флотских) военных судов материалов о практике рассмотрения уголовных дел указанной категории.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

За дачу, получение, посредничество во взяточничестве военными судами в **2015** году осуждено **74** военнослужащих (в **2014** году за взяточничество (статьи 290-291 УК РФ) было осуждено **67** военнослужащих).

Большинство лиц осуждено на основании ст. 290 УК РФ за получение взятки - **62** человека (83, 7%). 11 человек осуждено за дачу взятки на основании ст. 291 УК РФ и 1 человек за посредничество во взяточничестве на основании ст. 291¹ УК РФ.

Основное число осужденных лиц составляют офицеры. В 2015 году за дачу, получение взятки, посредничество во взяточничестве осуждено **56** офицеров, в том числе: в Вооруженных Силах – 36, во внутренних войсках МВД России – 11, в ФСБ России – 6, в ФСО России – 2, в иных войсках – 1.

За получение взятки (ст. 290 УК РФ) к лишению свободы осуждено **45%**, к штрафу **52%** от числа осужденных и 2 человека осуждены к лишению свободы условно.

За дачу взятки (ст. 291 УК РФ) к штрафу осуждено **98%** лиц и 1 человек осужден к лишению свободы условно.

За посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) 1 человек осужден к лишению свободы.

В 2016 году за дачу, получение, посредничество во взяточничестве военными судами осуждено **79** военнослужащих.

Большинство лиц осуждено на основании ст. 290 УК РФ за получение взятки – 61 человека (77%). 13 человек осуждено за дачу взятки на основании ст. 291 УК РФ и 5 человек за посредничество во взяточничестве на основании ст. 291¹ УК РФ.

Из числа осужденных **57** офицеров, в том числе: в Вооруженных Силах – 42, в войсках национальной гвардии – 9, в ФСБ России – 3, в иных войсках – 3;

За получение взятки (ст. 290 УК РФ) к лишению свободы осуждено **51%**, к штрафу **47%** от числа осужденных и 2 человека осуждены к лишению свободы условно.

За дачу взятки (ст. 291 УК РФ) к штрафу осуждено **62,5%** лиц, к лишению свободы **37,5%**.

За посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) 1 человек осужден к лишению свободы, 1 человек осужден к лишению свободы условно и 3 человека осуждены к штрафу.

Таким образом, в целом за 2015 и 2016 г.г. военными судами за преступления анализируемой категории осуждено **153** военнослужащих. От числа всех осужденных военнослужащих это составляет около **1,4 %**.

Таким образом, из приведенных данных видно, что за последние 3 года наблюдается небольшой рост числа лиц, осужденных за совершение этих преступлений.

Подавляющему большинству лиц (**61,5 %**), осужденных за указанные преступления, назначено наказание не связанное с лишением свободы – штраф и условное лишение свободы. Это на 20% меньше чем в 2014 году, когда штраф и условное лишение свободы было назначено 81% осужденных.

К лишению свободы на определенный срок осуждено **37,5 %** лиц от числа военнослужащих, осужденных за указанные преступления.

Из числа лиц, осужденных за взяточничество, в отношении **35%** осужденных судом назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе и заниматься определенной деятельностью, а 15 осужденных судом лишены воинского звания.

Всего в Российской Федерации судами общей юрисдикции в **2015** году за преступления анализируемой категории осуждено **7.055** человек, что составляет менее одного процента от числа всех осужденных.

При этом структура судимости несколько отличается - большинство лиц осуждено за дачу взятки (ст. 291 УК РФ) **73,9** (5.216 человек), за получение взятки (ст. 290 УК РФ) осуждено 24 % (1700 человек) и за посредничество во взяточничестве осуждено 2% 139 человек (среди военнослужащих основное число лиц осуждено военными судами не за дачу, а за получение взятки (80%) от числа осужденных за взяточничество).

По большинству уголовных дел о взяточничестве размер взятки составлял сумму до **10 тысяч рублей**.

Среди осужденных за указанный период судами общей юрисдикции наказание в виде штрафа назначалось в большинстве случаев осужденным за дачу взятки по ст. 291 УК РФ (79% осужденных). Лишение свободы чаще назначалось лицам, осужденным за посредничество во взяточничестве 36% и за получение взятки 23%.

К наказаниям не связанным с лишением свободы судами общей юрисдикции всего осуждено **85%** от числа лиц осужденных за взяточничество (73% к штрафу и 12% к лишению свободы условно) и **15%** лиц к лишению свободы на определенный срок.

В отношении **12,5 %** осужденных судами принято решение о назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе и заниматься определенной деятельностью.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Суд обоснованно расценил как предмет взяточничества оказание услуг имущественного характера

Гаджиевским гарнизонным военным судом на основании ч. 1 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере 400 000 рублей осужден подполковник Н.

Н., обладая в силу занимаемых в период прохождения военной службы должностей - начальника отделения службы войск и безопасности военной службы штаба войсковой части, отвечал за организацию пропускного режима на территорию запретной зоны указанной воинской части, через контрольно-пропускной пункт.

Используя свое должностное положение, Н. потребовал от генерального директора ООО «Косам», которая осуществляла строительные работы на территории части, за содействие в беспрепятственном проезде строительной техники данной организации через КПП на территорию запретной зоны, взятку в виде услуг имущественного характера, выразившихся в проведении ремонтных работ в принадлежащем ему гараже.

В частности, в гараже Н. ООО «Косам» безвозмездно за счет организации была установлена новая кровля, произведен демонтаж старого деревянного пола и установка бетонной стяжки, выравнивание площадки перед гаражом с засыпкой ее щебнем и вывоз мусора, находящегося рядом на улице, а также установка вместо старых новых металлических ворот.

В соответствии с заключением экспертизы общая стоимость оказанных услуг составила 40 тысяч рублей.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума предметом взяточничества (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера (например, ремонт квартиры, строительство дачи).

Оказанные в качестве взятки услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта.

В связи с этим действия Н. судом обоснованно были квалифицированы как получение взятки по ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Ответственность за получение, дачу взятки наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки - до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя

Североморским гарнизонным военным судом капитаны 3 ранга Ф. и Н. признаны виновными: первый в даче взятки в виде ноутбука, а второй в получении указанной взятки.

Ф., являясь командиром боевой части связи воинской части, в связи с необходимостью подготовки поста видеоконференцсвязи к аттестационным испытаниям дал указание своим подчиненным подготовить для этого необходимые документы.

Организация и проведение указанных аттестационных испытаний были поручены Н., исполнявшему в указанный период обязанности начальника отделения технической защиты информации - начальника комплекса технического контроля части.

Перед проведением испытаний Н. позвонил помощнику начальника штаба войсковой части Сав-ко, и предложил довести до Ф. информацию о возможности оказания им содействия в прохождении аттестации поста без учета ранее выявленных нарушений за взятку в виде ноутбука.

В тот же день Сав-ко через военнослужащего Сто-ва передал данное предложение Ф., с чем последний согласился, и поручил лейтенанту Паш-чу приобрести ноутбук и передать его вместе с актами и формуляром для утверждения Н.

Выполняя поручение, Паш-ч приобрел в городе Мурманске ноутбук стоимостью 10 990 рублей и вместе с актами и формуляром через Сав-ко, передал его в штабе флота для Н. Позже Н. использовал данный ноутбук по своему усмотрению.

Через несколько дней необходимые документы по результатам аттестационных испытаний на соответствие требованиям безопасности информации, без предъявления специалистам службы контроля штаба Северного флота были подписаны соответствующими должностными лицами и переданы Ф.

Как следует из правовой позиции Верховного Суда РФ, приведенной в п.8 Постановления Пленума, ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки - до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки.

С учетом этого судом действия Ф. и Н. были правильно квалифицированы судом по ч. 1 ст. 291 и ч. 1 ст. 290 УК РФ как дача и получение взятки соответственно.

Совершение должностным лицом за взятку действий, образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного статьей 290 УК РФ и содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки и по соответствующей статье Особенной части УК РФ

Балашихинским гарнизонным военным судом командир войсковой части Р. был осужден за получение взятки в крупном размере по п. «в» ч. 5 ст. 290 и злоупотребление властью по ч. 3 ст. 285 УК РФ.

Проходя военную службу в должности командира части и являясь районным представителем заказчика при приемке работ, выполняемых ОАО «Славянка» для Министерства обороны Российской Федерации по государственному контракту на оказание услуг по санитарному содержанию зданий и территории военного городка, Р. согласился с предложением сотрудника филиала ОАО «Славянка» М. за взятку в размере 24 000 руб., а с марта 2012 года - 39 000

руб., ежемесячно подписывать этой организации акты сдачи-приемки оказанных услуг без реального их оказания.

Действуя во исполнение данной договоренности, явно незаконно, из корыстных побуждений, с единым умыслом на получение такой взятки, и злоупотребляя при этом своими должностными полномочиями, Р. больше года подписывал акты сдачи-приемки услуг, которые фактически не оказывались, за что каждый раз получал взятки в оговоренных суммах, всего получив таким образом 486 000 рублей, то есть взятку в крупном размере.

Подписанные и переданные Р. подрядчику акты сдачи-приемки оказанных по военному городку услуг за вышеуказанный период, которые в действительности оказаны не были, явились основанием для последующей необоснованной оплаты Министерством обороны РФ ОАО «Славянка» этих услуг, что повлекло причинение государству материального ущерба в размере 2 660 816 руб. 76 коп., то есть тяжкие последствия.

Совершение должностным лицом за взятку действий, образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п. (пункт 22 постановления Пленума).

Незаконное подписание Р. фиктивных актов принятия работ в результате использования своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности повлекло причинение тяжких последствий в виде материального ущерба Министерству обороны Российской Федерации, образует самостоятельный состав преступления злоупотребление должностными полномочиями.

В связи с этим квалификация судом содеянного Р. по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 и ч. 3 ст. 285 УК РФ, является правильной.

Судом также обоснованно были взысканы с Р. в пользу Министерства обороны Российской Федерации незаконно выплаченные ОАО «Славянка» денежные средства в размере 2 660 816 рублей 76 копеек.

* * *

По аналогичному делу Черемховским гарнизонным военным судом майор С. признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями, а также в получении должностным лицом двух взяток за незаконные действия.

С., являясь помощником командира части по физической подготовке - начальником физической подготовки части, в связи со своими должностными полномочиями участвовал в оценке уровня физической подготовленности военнослужащих и разработке приказов командира воинской части о производстве дополнительных выплат, в зависимости от достигнутого уровня.

Действуя вопреки интересам службы, из корыстных побуждений - с целью получить выгоду имущественного характера для себя и обеспечить условия для ее получения другими лицами, в нарушение установленного порядка обеспечения

личного состава денежным довольствием, С. включал в приказ о выплате ежемесячной надбавки за особые достижения в службе военнослужащим, имеющим квалификационный уровень физической подготовленности лиц, не достигших такого уровня, то есть не имевших законных оснований для получения данной выплаты.

Такое использование С. своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности повлекло причинение тяжких последствий в виде материального ущерба Министерству обороны РФ, вследствие незаконного расходования бюджетных средств, предназначенных для выплаты денежного довольствия военнослужащим в размере 566 346 рублей и в подрыве авторитета командного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Кроме того, С. получил взятки от двух лиц в размере 20.000 и 10.000 рублей за их незаконное включение в приказ на выплату надбавок для производства незаконных выплат.

За указанные действия С. обоснованно был осужден военным судом по совокупности совершенных преступлений на основании ч. 1 ст. 285 и ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Если должностное лицо отказалось принять взятку действия лица, непосредственно направленные на ее передачу, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное статьей 291 УК РФ

Органами предварительного следствия К. обвинялся в том, что находясь в служебном кабинете Управления ФСКН России по Мурманской области с целью сокрытия от командования совершенного им административного правонарушения и желая избежать предусмотренной законом ответственности, дал взятку в значительном размере старшему оперуполномоченному УФСН России по Мурманской области капитану полиции Кр-му, положив в лежавшую на столе последнего папку денежные средства в сумме 40.000 рублей, за сокрытие им от командования части сведений о совершении К. административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ.

Однако Кр-ий от получения взятки отказался, разъяснив, что последний может быть привлечен за данные действия к уголовной ответственности. После этого, несмотря на предупреждение сотрудника полиции, К. положил деньги в папку на рабочем столе Кр-ого, откуда они и были изъяты следователем.

Указанные действия К. органами предварительного следствия расценены как дача взятки в значительном размере должностному лицу за совершение заведомо незаконного действия (бездействия) и квалифицированы по ч. 3 ст. 291 УК РФ.

Однако органы предварительного расследования, квалифицируя указанные действия как оконченное преступление, не учли, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися п. 12 постановления Пленума, в случае, если должностное лицо отказалось принять взятку, действия лица, непосредственно направленные на ее передачу, подлежат квалификации, как покушение на преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ.

В связи с этим Мурманский гарнизонный военный суд, давая юридическую оценку действиям К., переквалифицировал содеянное им на ч.3 ст.30 и ч.3, ст.291 УК РФ как покушение на дачу взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействие).

Ошибочное решение было принято Уфимским гарнизонным военным судом по делу К.

К. за 1400 рублей незаконно приобрел наркотическое средство каннабис (марихуану) общей массой 10,41 грамма, то есть в крупном размере.

После своего задержания он в ходе и после проведения с ним опроса в течение дня неоднократно предлагал старшему оперуполномоченному капитану полиции Д. денежное вознаграждение за прекращение в отношении себя уголовного преследования и за возврат документов, относящихся к задержанию. Однако Д. от этого предложения отказался и сообщил своему руководству о случившемся.

Несмотря на это, реализовывая свой умысел на дачу взятки, К. прибыл в Можгинский межрайонный отдел Управления ФСКН России по Удмуртской Республике, вошел в служебный кабинет и вновь предложил Д. деньги, а затем достал из кармана своей спортивной куртки бумажный сверток, в котором находилось 87.000 рублей, и положил его в лежащую на столе папку. При выходе из кабинета К. был задержан сотрудниками правоохранительных органов.

Суд посчитал установленным, что К. передал денежные средства в размере 87 000 рублей должностному лицу - старшему оперуполномоченному этого отдела капитану полиции Д. за совершение заведомо незаконных действий, направленных на прекращение уголовного преследования.

Эти действия подсудимого суд неправильно расценил как оконченное преступление - дачу взятки в значительном размере должностному лицу за совершение тем заведомо незаконных действий и квалифицировал их по ч. 3 ст. 291 УК РФ.

Такая квалификация содеянного виновным по изложенным выше основаниям является ошибочной, поскольку действия виновного в данном случае следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ.

* * *

Правильные решения о квалификации действий осужденных были приняты судами по делам в отношении С. и А.

С. Пензенским гарнизонным военным судом, а А. Полярным гарнизонным военным судом были признаны виновными в том, что с целью избежать ответственности за совершенные административные правонарушения, предлагали взятку в виде денег в сумме 3 000 руб. и 1000 рублей (соответственно) должностным лицам - инспекторам полиции за совершение последними заведомо незаконного бездействия в виде отказа от составления в отношении них протокола об административном правонарушении.

В обоих случаях инспектора ДПС отказались принять взятку и сообщили о совершенном преступлении другим сотрудникам полиции.

Поскольку при таких обстоятельствах преступления не были доведены до конца по независящим от С. и А. обстоятельствам, эти их действия военными судами правильно были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ как покушение на дачу взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконного бездействия.

Получение взятки в условиях оперативно-розыскного мероприятия должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом.

Уфимским гарнизонным военным судом Х. признан виновным в том, что являясь должностным лицом, начальником военного представительства Министерства обороны Российской Федерации, обладающим организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями по отношению к подчиненным сотрудникам и подконтрольному предприятию, ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг», решил незаконно обогатиться за счет данного предприятия.

Реализуя задуманное, он незаконно потребовал от исполняющего обязанности главного инженера «Аксион-холдинга» А. передать ему лично взятку в виде денег в сумме 300 000 рублей за согласование проекта одного из договоров, подлежащих согласованию военным представительством, и за общее попустительство по службе в пользу предприятия при выполнении функций по организации контроля качества и приемки продукции. В случае невыполнения его требования Х. грозил приостановить приемку и отгрузку готовой продукции военного назначения, используя свое должностное положение, а в случае получения денег выразил готовность подписать договор, несмотря на возможные нарушения требований конструкторской документации. Повторно свои требования он высказал через месяц в кабинете А. и тот, в свою очередь, согласился передать деньги позднее.

Через несколько дней Х. в своем рабочем кабинете получил от А., действующего в рамках проводимого сотрудниками Управления ФСБ России по Удмуртской Республике оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», часть взятки в виде денег в сумме 160 000 рублей, то есть, в крупном размере, после чего был задержан при убытии со службы.

Давая юридическую оценку действиям виновного, суд принял во внимание, что получение взятки Х. осуществлялось под контролем правоохранительных органов и распорядиться денежными средствами он не смог.

При этом суд правильно исходил из того, что получение или дача взятки, в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом (пункт 13 постановления Пленума).

Эти действия подсудимого суд расценил как получение должностным лицом взятки в виде денег в сумме 300 000 рублей, то есть, в крупном размере, за действия, входящие в служебные полномочия должностного лица, в пользу представляемой взяткодателем организации, а также за общее попустительство по службе в отношении этой организации, совершенное с вымогательством, и правильно квалифицировал их как оконченное преступление по пунктам «б» и «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Хищение путем мошенничества необоснованно квалифицировано судом как получение взятки

Пермским гарнизонным военным судом К. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290 и ч. 1 ст. 286 УК РФ, осужден к лишению свободы на срок 5 лет 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима со штрафом 5 миллионов 676 тысяч рублей.

Согласно приговору К., будучи начальником Центра управления авиацией и являясь должностным лицом, следуя достигнутой с гражданином В. договоренности, оформил документальное поступление последнего на военную службу для достижения им определенной выслуги лет в целях приобретения права на пенсионное обеспечение, за что К. в период с марта 2008 года по апрель 2014 года получал денежные средства начислявшиеся В. в качестве денежного довольствия и иных дополнительных выплат, на общую сумму 1 892 258 руб. 70 коп., то есть в особо крупном размере.

Как указал в приговоре суд, указанные денежные средства К. получены за общее покровительство по службе и незаконные действия по освобождению В. от исполнения обязанностей военной службы, что выразилось в заключении с ним контракта о прохождении военной службы, издании приказов о зачислении в списки личного состава части, присвоении ему воинского звания, производстве дополнительных выплат, а также сокрытии его отсутствия на службе и создании видимости исполнения им служебных обязанностей.

Эти действия К. суд квалифицировал по ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Кроме того, действия К., связанные с незаконным освобождением В. от исполнения обязанностей военной службы и неправомерным включением в выслугу лет для назначения пенсии периода военной службы, когда он фактически каких-либо обязанностей по службе не исполнял, суд квалифицировал по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Данная квалификация незаконных действий осужденного Котлярова представляется ошибочной по следующим основаниям.

В соответствии с уголовным законом объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (получение взятки), является установленный порядок функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, а также Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, законодательных, исполнительных, административных или судебных органов иностранного государства, публичных международных организаций; авторитет государственной власти. Объектами превышения должностных полномочий являются отношения в сфере государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы (основной), а также в сфере охраны прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства (дополнительный).

Предметом взятки являются деньги, иные материальные ценности, которые взяткодатель передает взяткополучателю за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя.

Как усматривается из материалов уголовного дела и приговора, суд на основе исследованных доказательств фактически установил, что осужденный К. незаконно завладел государственными денежными средствами, предназначенными для обеспечения денежным довольствием и иными выплатами военнослужащего по контракту В., который благодаря незаконным действиям осужденного на военную службу не поступал и никаких обязанностей, связанных с прохождением военной службы, не исполнял, а заключенный с ним контракт о прохождении военной службы и издаваемые осужденным приказы, в том числе о зачислении в списки личного состава Центра, присвоении воинского звания были

оформлены не в порядке прохождения В. военной службы, а с целью хищения государственных денежных средств.

Таким образом, преступные действия К., в том числе связанные с изданием им приказов в отношении В. и иными предпринятыми мерами, направленными на увеличение объема денежного довольствия и иных выплат, причитающихся последнему, сокрытие его незаконного отсутствия на военной службе, ошибочно расценены судом как общее покровительство по службе (которую В. не проходил и не намеревался проходить), и совершение в пользу В. незаконных действий, хотя фактически указанные действия К. являлись способом хищения денежных средств Министерства обороны РФ, на которые В. права не приобрел.

Произведенный судом анализ исследованных доказательств и установленные обстоятельства свидетельствуют о том, что незаконное обращение К. в свою пользу указанным выше способом (в том числе с использованием им своего служебного положения) государственных денежных средств непосредственно посягало на объект преступления, предусмотренный главой 21, а не главой 30 УК РФ.

Поскольку похищенные К. у государства денежные средства В. не принадлежали, и сам В. этих денег К. не давал, то по смыслу уголовного закона они не могли быть расценены в качестве предмета взятки.

Более того, сделав вывод о получении К. взятки в определенном размере, суд одновременно расценил взятку в качестве ущерба, причиненного государству в лице Министерства обороны Российской Федерации, и удовлетворил гражданский иск о возыскании с осужденного 1 892 978 руб. 70 коп. в качестве возмещения материального ущерба. Однако не учел, что преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, по объекту преступного посягательства, в отличие от ст. 159 УК РФ, не посягает на отношения собственности и не влечет наступления последствий в виде имущественного ущерба государству, поскольку незаконно воздействует на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти и управления.

Указанные обстоятельства оставлены без должной оценки и судом апелляционной инстанции, хотя они имели важное юридическое значение для правильной квалификации действий осужденного, в которых усматриваются признаки хищения чужого имущества в форме мошенничества, а выводы судов в указанной части с учетом описания в приговоре преступных действий являются противоречивыми и содержащими признаки преступления, не связанного со ст. 290 УК РФ.

Лица, добровольно сообщившие после совершения преступления о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело, а также активно способствовавшие раскрытию и расследованию преступления обоснованно освобождены судом от уголовной ответственности, в силу примечания к статье 291 УК РФ

Калининградский гарнизонный военный суд, рассмотрев дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.291 УК РФ обоснованно прекратил его по следующим основаниям.

Органами предварительного следствия М. обвиняется в том, что он, находясь в здании штаба части за совершение должностным лицом заведомо незаконного бездействия - прекращения проверки вопросов финансово-хозяйственной

деятельности в столовой взвода материального обеспечения роты и предотвращения наступления для себя негативных последствий в результате выявления упущений в его служебной деятельности, передал через посредника взятку в значительном размере - в сумме 50000 рублей старшему ревизору отдела ревизий внутренних войск МВД России Г.

В суде адвокатом было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении М. в связи с примечанием к статье 291 УК РФ, поскольку подсудимый активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, после совершения преступления добровольно сообщил о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело, а также имело место вымогательство взятки.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 29 постановления Пленума, к числу обязательных условий освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 291 УК РФ, в силу примечаний к указанным статьям относятся добровольное сообщение после совершения преступления о даче взятки, посредничестве во взяточничестве либо коммерческом подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело, а также активное способствование раскрытию и (или) расследованию преступления.

Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом не может признаваться добровольным сообщение, сделанное в связи с тем, что о даче взятки, посредничестве во взяточничестве или коммерческом подкупе стало известно органам власти.

Активное способствование раскрытию и (или) расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяткодателя, взяткополучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.

Как было установлено судом при рассмотрении дела, о совершении М. преступления органам следствия стало известно из его письменного сообщения направленного в военный следственный отдел, что и послужило в последующем основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела.

М. задолго до возбуждения уголовного дела добровольно и подробно сообщил в правоохранительные органы об обстоятельствах дачи им взятки должностному лицу, совершил преступление впервые, активно способствовал его раскрытию и расследованию.

Кроме того, из показаний подсудимого и ряда свидетелей, по мнению суда, усматриваются признаки вымогательства взятки должностным лицом через посредника, выразившиеся в угрозах в случае не передачи денег совершения активных действий для наступления негативных последствий в виде увольнения Мельника и привлечения его к уголовной ответственности за выявленные в ходе проверки упущения по службе.

В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства М. в содеянном раскаялся и давал правдивые показания, изобличающие взяткополучателя и посредника в даче взятки. Тем самым, по мнению суда, М. загладил вред, причиненный в результате преступления.

Все вышеперечисленные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что вследствие деятельного раскаяния подсудимый перестал быть общественно опасным. Принимая также во внимание положительные данные о личности подсудимого, характеризующегося положительно и имеющего на иждивении малолетнего ребенка, а также беременную супругу, отсутствиеотягчающих обстоятельств, суд приходит к выводу, что по делу имеются основания для прекращения уголовного дела.

Подсудимый и государственный обвинитель против прекращения дела не возражали.

Частью 2 статьи 28 УПК РФ предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования по уголовному делу о тяжком преступлении при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 75 УК РФ лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, освобождается от уголовной ответственности в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Поскольку в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ лицо давшее взятку освобождается от уголовной ответственности при наличии вышеуказанных обстоятельств, установленных в судебном заседании решение суда о прекращении дела в отношении М. является обоснованным.

* * *

Обоснованное решение о прекращении дела было принято 101 гарнизонным военным судом в отношении старшего прапорщика С., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ.

С., являясь студентом 4 курса заочной формы обучения филиала Оренбургского госуниверситета, узнав о возможности оказания содействия гражданином К., обучающимся в той же группе, в проставлении заведующим кафедры П. отметок о сдаче экзаменов, зачетов и расчетно-графических заданий по ряду дисциплин без их фактической сдачи договорился с К. об оказании ему в этом содействия за денежное вознаграждение. Для этого С. со своей банковской карты перечислил на принадлежащую Костикову, как посреднику, банковскую карту денежные средства в сумме 17500 рублей.

К., выступая посредником между С. и П. передал зачетную книжку и деньги С. гражданке Сне-вой, которая была знакома с П. и его супругой. Сне-ва, в свою очередь, выступая посредником, передала зачетную книжку и деньги П., который на своем рабочем месте проставил в зачетной книжке С. отметку «удовлетворительно» или «зачтено» по ряду дисциплин без фактического приема зачета и экзамена.

В судебном заседании адвокатом было заявлено ходатайство, поддержанное подсудимым, о прекращении уголовного дела в отношении С. в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ, поскольку С., как до возбуждения уголовного дела в отношении него, так и до возбуждения уголовного дела в отношении П. по получению взятки, добровольно сообщил о даче им взятки в сумме 17500 рублей. Кроме того, подсудимый явно активно способствовал раскрытию преступления, в отношении взяткополучателя и посредников, также он активно способствовал расследованию преступления, подтверждая свои признательные показания.

В судебном заседании установлено, что при проведении допроса С. сообщил следователю о совершении им дачи взятки за проставление отметок в зачетной книжке. Данные действия подсудимого суд обоснованно расценил как добровольное сообщение о совершении преступления, предусмотренное ст. 291 УК РФ.

В суде установлено, что органы предварительного расследования не могли с достоверностью знать, что в действиях С. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, так как рапорт об обнаружении признаков преступления, совершенного С. был зарегистрирован в книге регистрации сообщений о преступлении на несколько месяцев раньше, чем было возбуждено уголовное дело. Поскольку С. допрашивался по делу возбужденному в отношении П. о даче им взятки органам предварительного следствия стало известно только после его добровольного заявления об этом.

Кроме того, добровольное сообщение С. в протоколе допроса по уголовному делу в отношении П. о совершении им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, на основании приведенных выше доводов суд расценил, как явку с повинной.

Поведение подсудимого до возбуждения в отношении него уголовного дела и в ходе предварительного расследования явно свидетельствовало о его содействии предварительному следствию.

Он активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, как в отношении П., так и себя, подтвердив свои показания как в судебном заседании по уголовному делу в отношении П. в районном суде, так и в ходе расследования его уголовного дела, тем самым изобличая причастных к совершенным преступлениям - взяткополучателя и посредника, в ходе предварительного расследования в полном объеме подтверждал свои первичные показания, активно участвовал в следственных действиях.

В соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и расследованию преступления, а также после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Судом установлено, что к уголовной ответственности С. привлекается впервые, не судим, обвиняется в тяжком преступлении, вину признавал в ходе предварительного расследования и признает ее в суде, в содеянном раскаивается, характеризуется по службе в армии и в быту положительно, имеет па иждивении 3-х малолетних детей, обстоятельств, отягчающих наказание по делу не усматривается.

По смыслу закона, при установлении в судебном заседании обстоятельств, влекущих освобождение лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям УК РФ, дело прекращается на основании примечания к норме уголовного закона.

При таких данных суд обоснованно освободил С. от уголовной ответственности, в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ, как активно способствовавшего раскрытию и расследованию преступления и добровольно сообщившего о преступлении с прекращением уголовного дела и уголовного преследования на основании ч. 2 ст. 28 УПК РФ и ч. 2 ст. 75 УК РФ.

Хотя фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало значительный размер, суд обоснованно признал его виновным в получении взятки в значительном размере, поскольку данное лицо намеревалось получить взятку именно в таком размере

Читинским гарнизонным военным судом командир батальона подполковник Ш. наряду с совершением другого преступления осужден на основании ч. 2 ст. 290 и п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере 6.500.000 рублей с лишением права занимать должности в органах местного самоуправления или государственных органах, связанные с руководством, а также с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций на срок 3 года.

Ш. предложил подчиненному ему военнослужащему С., исполняющему обязанности старшины роты, найти кандидата на вакантную должность «электрик-дизелист» во вверенном ему подразделении. При этом, Ш. пояснил С., что для занятия указанной должности кандидат должен будет передать ему через С. 80 000 рублей.

С. в качестве такого кандидата подыскал ефрейтора У., который за деньги согласился перевестись в батальон связи. При этом У. сообщил С., что поскольку требуемая денежная сумма для него является значительной, то отдать ее он сможет лишь частями. С переданным через С. условием У. Ш. согласился и одобрил его кандидатуру к назначению на вакантную воинскую должность электрика-дизелиста в возглавляемом Ш. батальоне.

В тот же день, за выданное ему отношение и возможность занять должность электрика-дизелиста У. через С. передал Ш. в качестве части взятки 10 000 рублей.

На следующий день, полученные от У. денежные средства С. перевел на банковские карты, указанные ему Ш., в связи с чем последний получил возможность распоряжаться указанной денежной суммой по своему усмотрению.

Больше У. денежных средств Ш. сам, либо через С. передавать не успел.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 10 постановления Пленума, если должностное лицо намеревалось получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере.

В связи с этим суд обоснованно признал Ш. по данному эпизоду виновным в получении взятки в значительном размере 80 000 рублей, хотя фактически ему была передана лишь часть взятки в размере 10 000 рублей.

Кроме того, Ш. достоверно зная, что в связи с предстоящим в войсковой части проведением организационно-штатных мероприятий там планировалась аттестация личного состава, в своем служебном кабинете сообщил об этом С. и потребовал от него за содействие при его отборе в качестве кандидата на новые должности и возможность продолжить ему военную службу в условиях новых штатных должностей, а также за то, чтобы не создавать С. препятствий при прохождении им дальнейшей службы по контракту, передать ему взятку в виде денег в сумме 80 000 рублей.

При этом Ш. пригрозил С., что в случае отказа передать ему требуемую сумму денег, он совершит действия, которые могут причинить вред его законным интересам, а именно, поспособствует написанию в его аттестационном листе неудовлетворительного отзыва, что, в свою очередь, может повлечь его перевод в другую воинскую часть либо вовсе увольнение с военной службы.

С. с незаконными требованиями Ш. согласился, опасаясь высказанной начальником угрозы, которую он мог реально осуществить учитывая его должностное положение и властные полномочия. Поскольку у С. необходимой суммы взятки в полном объеме не имелось, то между ними была достигнута договоренность о ее передаче частями.

Через некоторое время Ш. в своем служебном кабинете напомнил С. о необходимости передачи ему взятки, при этом, потребовал от него перевести часть требуемых денежных средств в сумме 15 000 рублей на банковскую карту арендодателя его жилого помещения гражданина К., сообщив С. необходимые для этого банковские реквизиты карты.

Во второй половине того же дня С. перевел со своей банковской карты принадлежащие ему денежные средства в сумме 15 000 рублей на банковскую карту, указанную Ш., после чего сообщил ему об этом.

Через некоторое время Ш., продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на получение взятки от С., потребовал от него передать ему 23 000 рублей, путем их перевода на принадлежащую Ш. банковскую карту, номер которой он отправил С. телефонным сообщением. Тогда же Ш. вновь напомнил С. о наличии у него возможности создать для него неблагоприятные условия и поспособствовать увольнению с военной службы, которую он может использовать в случае его отказа от передачи ему денег.

В ходе очередной встречи Ш. потребовал от С. передать ему в счет ранее оговоренной суммы взятки еще 50 000 рублей, тем самым, увеличив сумму требуемой взятки до 88 000 рублей.

Через несколько дней С., предварительно сообщив о противоправных действиях своего начальника в правоохранительные органы, прибыл в служебный кабинет Ш., где передал ему 50 000 рублей, во время получения которых Ш. был задержан.

Всего же Ш. от С. была получена взятка в виде денег в размере 88 000 рублей.

Под вымогательством взятки (пункт “б” части 5 статьи 290 УК РФ) следует понимать не только требование должностного лица дать взятку сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (пункт 18 постановления Пленума).

С учетом этого суд обоснованно расценил действия Ш., связанные с угрозами уволить или перевести в другую часть С. если последний не даст ему взятку, как вымогательство взятки и квалифицировал эти его действия п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Признавая виновными должностных лиц в получении взятки по предварительному сговору группой лиц суд ошибочно квалифицировал их действия по разным нормам уголовного закона

Читинский гарнизонный военный суд признал виновными командира учебного батальона подполковника Ш. и командира учебной роты капитана Д. в получении взяток по предварительному сговору группой лиц при следующих обстоятельствах.

Ш. и Д., зная о том, что уборку помещений казармы возглавляемого Ш. батальона незаконно осуществляют не имеющие отношения к Вооруженным Силам Российской Федерации гражданки А. и П. и получают от проходящих там обучение военнослужащих за это денежные средства, вступили между собой в предварительный сговор на получение от них, за разрешение находиться в расположении воинского подразделения и осуществлять там уборку помещений, взятки.

Согласно достигнутой между ними договоренности и распределенным ролям, непосредственно допуск А. и П. в подразделения батальона, общение с ними, предъявление им требований о передаче денег, а также получение от них взятки должен был осуществлять Д., а Ш. должен был не препятствовать их незаконному нахождению в казарме батальона при уборке и скрывать от вышестоящих воинских должностных лиц факт их неправомерной деятельности в подразделении.

При этом было обусловлено, что взятки от А. и П. они будут получать на протяжении не менее одного года в размере 50 000 рублей за каждый курс интенсивной общевоинской подготовки. Указанную сумму они делили между собой пополам.

Всего Ш. и Д. за вышеуказанные периоды 16 раз были получены взятки на общую сумму 830 000 рублей, которые они использовали на личные нужды.

Дело в отношении Д. рассматривалось Читинским гарнизонным военным судом в особом порядке в связи с заключением Д. досудебного соглашения о сотрудничестве, отдельно от дела Ш.

При этом суд указанные выше действия Д. расценил как 16 отдельных преступлений предусмотренных п. «а» ч.5 ст. 290 УК РФ т.е. как получение должностным лицом взятки в значительном размере за действия (бездействие), совершенное в пользу взяткодателей, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, совершенные группой лиц по предварительному сговору и назначил наказание отдельно за каждое из шестнадцати преступлений, а затем по совокупности преступлений.

Рассматривая дело Ш. в другом составе, Читинский гарнизонный военный суд правильно расценил действия Ш. как получение взятки в размере 830 000 рублей, за совершение незаконных действий (бездействия) в пользу взяткодателей, совершенное группой лиц по предварительному сговору и в крупном размере, и квалифицировал содеянное им по пунктам «а» и «в» части 5 статьи 290 УК РФ как единое продолжаемое преступление.

В приговоре суда указано, что судом бесспорно установлено совершение виновными преступления по предварительному сговору группой лиц.

Исследованные в суде доказательства свидетельствуют о едином умысле Ш. и Д. на систематическое совершение противоправных действий и о их желании продолжать незаконно получать от уборщиц деньги в течении длительного времени.

При этом делается обоснованный вывод о том, что действия Ш. правильно квалифицированы по пункту «в» части 5 статьи 290 УК РФ, так как им совершено не шестнадцать отдельных преступлений, а единое продолжаемое преступление, поскольку его действия были объединены единым умыслом.

Указанная позиция суда соответствует разъяснениям, содержащимся в п. 21 постановления Пленума о том, что от совокупности преступлений следует отличать продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки.

Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом.

Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка получена от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц.

С учетом этого квалификация действий Д. по совокупности 16 отдельных групповых взяток в значительном размере является ошибочной, поскольку им в группе с Ш. совершено одно единое продолжаемое преступление, ответственность за которое предусмотрена пунктами «а» и «в» части 5 статьи 290 УК РФ.

Такая квалификация действий Д. соответствует и требованиям ч. 2 ст. 34 УК РФ предусматривающей, что соисполнители, которыми являются Д. и Ш., отвечают по статье Особенной части УК РФ предусматривающей ответственность за преступление совершенное ими совместно, а в соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Суд без достаточных оснований исключил из обвинения лица вымогательства и переквалифицировал его действия с ч. 5 на ч. 2 ст. 290 УК РФ

95 гарнизонным военным судом подполковник С. осужден по ч. 2 ст. 290 УК РФ к трем годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере тридцатикратной суммы взятки - в сумме 3 195 000 рублей.

Также постановлено, на основании ч. 1 ст. 104.2 УК РФ, конфисковать у С. сумму полученной взятки в размере 106 500 рублей.

С., являясь заместителем командира дивизии по тылу - начальником тыла и обладая организационно-распорядительными полномочиями по контролю за работой сторонних организаций по оказанию услуг в соответствии с заключенными государственными контрактами и по приемке таких услуг, сообщил К., отвечающему за организацию ООО «Транзтерминал» питания в столовых войсковой части, о том, что он должен передавать ему ежемесячно деньги в сумме 20 000 - 25 000 рублей если он не хочет, чтобы он предъявлял ему каких-либо претензий по объему, качеству и соответствию требованиям госконтракта оказываемых услуг, то есть создаст благоприятные условия в его работе, с чем последний, опасаясь негативных последствий для своей деятельности в случае невы-

полнения этого требования начальника тыла дивизии, согласился. Опасаясь выказанной С. угрозы, которую он мог реально осуществить, учитывая его должностное положение и властные полномочия, К. перечислил С.у на его банковскую карту за четыре месяца взятку в общем размере 106 500 рублей, которыми С. распорядился по своему усмотрению.

Органами следствия С. обвинялся в получении взятки сопряженном с ее вымогательством и его действия были квалифицированы по п. «б» ст. 290 УК РФ.

Суд, рассмотрев дело, исключил из обвинения С. данный признак, однако какого-либо обоснования этого решения в приговоре не привел.

Под вымогательством взятки (пункт “б” части 5 статьи 290 УК РФ) следует понимать не только требование должностного лица дать взятку сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. При этом не имеет значения, была ли у должностного лица реальная возможность осуществить указанную угрозу, если у лица, передавшего взятку имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (п. 18 постановления Пленума).

Требование С. дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам К., были установлены в суде и отражены в приговоре, в связи с чем представляется, что решение об исключении признака вымогательства взятки и переквалификации содеянного на ч. 2 ст. 290 УК РФ, принято судом без достаточного обоснования и противоречит разъяснению постановления Пленума.

Суд обоснованно признал, что должностное лицо вымогало взятку и квалифицировал его действия по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ

Санкт-Петербургским гарнизонным военным судом начальник отделения кадров войсковой части капитан Р. осужден по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере четыре миллиона рублей, с лишением в соответствии со ст. 47 УК РФ права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, на 3 года и с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания «капитан».

Р., желая незаконно обогатиться, сказал П. передать К., что он, Р., решит вопрос о включении К. в список кандидатов для поступления в Военную академию материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, однако за эти действия К. должен будет передать ему, Рыкову, пять подарочных сертификатов сети магазинов «Рив Гош», стоимостью по 10000 рублей каждый, либо деньги в сумме 50000 рублей.

К. обдумал поставленное Р. условие и решил не давать ему взятку и поступать в другую академию.

В ответ на это Р., желая добиться передачи ему взятки путем ее вымогательства, сказал П., чтобы тот передал К., что если тот не передаст ему 50000 рублей, то

он, Р., в силу своего должностного положения сделает так, что К. вообще не поступит ни в какую военную академию.

Кроме того, Р. через некоторое время после указанного разговора повторил свою угрозу совершения в отношении К. действий, направленных на лишение его законного права на получение образования, и направил П. смс - сообщение следующего содержания: «До обеда вопрос надо закрыть!!!!».

В тот же день П. рассказал К. о разговоре с Р., в котором Р. угрожал воспрепятствовать К. в поступлении в любую военную академию, если тот не передаст ему, Р., деньги в качестве взятки в размере 50000 рублей, и об смс-сообщении.

К., осознавая, что Р. в силу своего должностного положения начальника отделения кадров вполне может совершить действия, которые лишат его законной возможности поступить в военную академию, реально опасаясь осуществления Р. этой угрозы, решил передать последнему через П. взятку в сумме 50000 рублей с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.

Поскольку требование Р. дать взятку сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам К. были установлены в суде и отражены в приговоре, суд при таких обстоятельствах обоснованно квалифицировал действия виновного по пункт "б" части 5 статьи 290 УК РФ.

Суд обоснованно переквалифицировал содеянное должностным лицом с ч. 3 на ч. 1 ст. 290 УК РФ, поскольку взятка была им получена за совершение действий, входивших в его служебные полномочия

224 гарнизонным военным судом рассмотрено дело в отношении капитана 2 ранга К., обвинявшегося органами следствия наряду с другими преступлениями в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Как установлено в судебном заседании, А. совершил дисциплинарный проступок, а временно исполняющий в этот период обязанности командира войсковой части К. в пределах установленного законом усмотрения принял наиболее благоприятное для него решение (не привлекать его к дисциплинарной ответственности), а ограничиться напоминанием о его обязанностях и воинском долге, получив за это денежные средства.

Давая юридическую квалификацию действиям К., связанным с получением от А. денежных средств в сумме 25 000 рублей, суд не согласился с предъявленным ему обвинением по ч. 3 ст. 290 УК РФ, то есть в получении лично взятки в виде денег за незаконное бездействие.

Согласно п. 3 постановления Пленума, под входящими в служебные полномочия действиями должностного лица следует понимать такие действия, которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяткодателя решения).

В силу ст. 52 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации при совершении военным служащим дисциплинарного проступка командир может ограничиться напоминанием военному служащему о его обязанностях и воинском долге, а в случае необходимости привлечь к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах суд обоснованно переквалифицировал содеянное К. на ч. 1 ст. 290 УК РФ как получение должностным лицом лично взятки в виде денег за совершение действий, входящих в его служебные полномочия, в пользу взяткодателя.

Поскольку должностное лицо получило ценности за обещание совершить действия, которые в действительности оно не могло осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий с целью их присвоения, его действия правильно квалифицированы как мошенничество

Санкт-Петербургским гарнизонным военным судом Ф. признан виновным в совершении преступления предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 80 000 рублей.

Ф., будучи командиром взвода курсантов СПб ВИ ВВ МВД РФ, решил путем обмана курсантов совершить хищение принадлежащих им денежных средств под предлогом оказания им помощи за денежное вознаграждение в сдаче государственного экзамена на право управления транспортными средствами в МРЭО ГИБДД МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, хотя в действительности повлиять на результаты этих экзаменов он никак не мог и каких-либо действий по оказанию помощи в сдаче данного экзамена совершать не собирался.

Осуществляя задуманное, Ф. попросил подчиненного ему курсанта Б. узнать у военнослужащих, собирающихся в рамках учебного процесса института сдавать экзамен на получение водительского удостоверения, о желании воспользоваться его помощью при сдаче указанного выше экзамена за денежное вознаграждение.

Б. выполнил данную просьбу и сообщил Ф., что курсант З. изъявил желание воспользоваться данной услугой, после чего Ф. назвал сумму вознаграждения в размере 16 000 рублей и попросил сообщить об этом З.

З. согласился с данным предложением и пообещал передать указанную сумму в случае получения водительского удостоверения. В то же день З. в установленном порядке сдал государственный экзамен на право управления транспортным средством и получил водительское удостоверение.

Ф., узнав об успешной сдаче З. экзамена, попросил Б. получить от З. ранее оговоренную сумму и передать ему. В тот же день З. перевел 16000 рублей на банковскую карту Б., который в тот же день передал Ф 15000 рублей, а 1000 рублей оставил себе по взаимной договоренности с Ф. в счет возврата денежного долга. В дальнейшем Ф. распорядился полученными деньгами по своему усмотрению.

В том случае, если должностное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (пункт 24 постановления Пленума).

В связи с этим, при вышеуказанных обстоятельствах, действия Ф. судом обоснованно расценены как мошенничество, однако поскольку оно совершалось виновным с использованием своего должностного положения его действия подлежали квалификации не по ч. 1, а по ч. 3 ст. 159 УК РФ, предусматривающей

ответственность за мошенничество совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Применение главы 15¹ УК РФ по делам о взяточничестве

В соответствии с главой 15¹ УК РФ предусмотрена конфискация указанного в законе имущества полученного преступным путем, в частности полученного в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ.

При этом по смыслу закона применение конфискации имущества является обязательной для судов.

В ст. 104¹ УК РФ конфискация имущества определяется как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, указанного в законе. То есть в данном случае закон определяет, что если есть указанное в законе имущество - оно подлежит изъятию.

Это обязательное предписание, поскольку в нормах гл. 15¹ УК РФ не говорится о возможности оставления имущества, определенного законом у виновного или иных лиц. Не предусматривается подобная возможность и уголовно-процессуальным законом. С учетом этого конфискация имущества является обязательной к применению.

При этом конфискация может быть обращена не только на имущество, полученное в результате взяточничества, но и на любые доходы от этого имущества, нередко составляющие весьма значительные суммы, за исключением имущества подлежащего возвращению законному владельцу.

Конфискация имущества распространяется также и на деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы.

Данное положение исключает возможность использования результатов преступной деятельности в тех ситуациях, когда имущество, полученное в результате совершения преступлений, преобразуется в иное имущество, например, когда преступник успевает на похищенные средства приобрести недвижимость, вложить их в производство и т.д.

Если же имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

При этом судам следует иметь в виду, что указанные выше виды имущества, в частности полученные в виде взяток, должны быть конфискованы на основании ст. 104¹ УК РФ, но это же имущество в соответствии со ст. 81 УПК РФ может быть признано вещественным доказательством по делу (деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления). В соответствии со ст. 81 УПК РФ деньги, ценности и иное имущество, указанные в п. п. “а” - “в” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, также подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ст. 81 УПК РФ.

Как показало изучение судебной практики суды в основном правильно применяют положения закона о конфискации имущества при рассмотрении дел о взяточничестве.

* * *

Так, по упоминавшемуся делу в отношении К. суд принял правильное решение о судьбе денег переданных в качестве взятки и признанных вещественными доказательствами по делу – деньги в сумме 40 000 рублей, находящиеся на ответственном хранении в ФКУ «Управление финансового обеспечения МО РФ по Мурманской области» на основании п. 4¹ ч. 3 статьи 81 УПК РФ по вступлении приговора в законную силу обратиться в доход государства.

* * *

По упоминавшемуся делу в отношении С. судом принято правильное решение о конфискации в доход государства в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ и п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ изъятых и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств денежных средств в сумме 3000 рублей, которые использовались Серовым как средство при совершении преступления (покушение на дачу взятки).

* * *

По упоминавшемуся делу в отношении Х., осужденного за получение взятки, деньги передавались виновному в ходе оперативного мероприятия и принадлежали ФСБ. После задержания деньги были изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Поскольку эти денежные средства на сумму 160 000 рублей не являлись предметом преступления, суд принял правильное решение о их возвращении в Управление ФСБ России по Удмуртской Республике по принадлежности.

* * *

По упоминавшемуся делу в отношении Ш. суд принял обоснованное решение в отношении денежных средства осужденного в сумме 459 839 рублей, находившихся на его счете в банке и на которые в ходе следствия был наложен арест. По вступлению приговора в законную силу указанные деньги, принадлежащие Ш. в соответствии с частью 1 статьи 104¹ и частью 1 статьи 104² УК РФ судом были конфискованы и обращены в собственность государства.

* * *

Как было установлено судом по делу в отношении К., полученные им в качестве взятки денежные средства в сумме 25 000 рублей были истрачены осужденным, вследствие чего их конфискация невозможна. В связи с этим суд на основании ч. 1 ст. 104² УК РФ обоснованно конфисковал у него денежную сумму, соответствующую размеру полученных им в результате совершения указанного выше преступления денег.

Кроме того, суд принял обоснованное решение в отношении арестованного в ходе следствия принадлежащего К. транспортного средства – автомобиля Тойота.

Суд правильно указал в приговоре, что в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 299 УПК РФ и ст. 104³ УК РФ, его надлежит обратиться в счет исполнения наказания в виде штрафа и в счет конфискации денежных средств, а в оставшейся части - возмещения имущественного ущерба по гражданскому иску.

В то же время по ряду дел вопреки требованию закона о конфискации имущества, полученного в результате взяточничества, судами его положения применены не были.

Московский гарнизонный военный суд осудил заместителя начальника главного военного госпиталя им. Бурденко полковника П. к лишению свободы сроком на 9 лет в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 42 500 000 рублей, признав его виновным в хищении 70 695 000 рублей путем мошенничества на основании ч. 4 ст. 159 УК РФ и в получении взятки в сумме 14 120 000 рублей, т.е. в особо крупном размере на основании ч. 6 ст. 290 УК РФ.

В качестве вещественных доказательств по данному делу были признаны денежные средства, обнаруженные и изъятые в ходе обыска в жилище П. в сумме 30 000 долларов США и 112 140 рублей, а также изъятые у П. денежные средства в сумме 3 963 000 рублей, полученные им в качестве взятки, а также изъятые в его индивидуальном банковском сейфе деньги в сумме 39 510 000 рублей.

Потерпевших по данному делу нет, поскольку лица, давшие взятку, не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей переданных в виде взятки (п. 30 постановления Пленума).

В соответствии с п. 4¹ ч. 3 ст. 81 УК РФ при вынесении приговора судом должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом деньги, ценности и иное имущество, указанное в пунктах «а» - «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ подлежат конфискации.

Однако суд по данному делу денежные средства, полученные П. в качестве взятки, на основании ст.ст. 104¹ и 104² УК РФ не конфисковал, и не принял решение о конфискации денежных средств изъятых у осужденного и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств по делу.

При этом суд, указав, что принадлежность признанных вещественными доказательствами денег в сумме 3 963 000 рублей, полученных в качестве взятки, а также изъятых индивидуальном банковском сейфе подсудимого в сумме 39 510 000 рублей не установлена, в нарушение требований уголовно-процессуального закона вопрос об этих вещественных доказательствах оставил в приговоре без разрешения.

В отношении изъятых в ходе обыска денежных средства в сумме 30 000 долларов США и 112 140 рублей суд принял решение исключить их из числа вещественных доказательств и возвратил их сестре осужденного - Е.

При этом в приговоре не содержится каких-либо данных о том, на каком основании суд пришел к выводу, что эти деньги принадлежат именно ей и что они не были переданы ей осужденным и почему суд признал именно ее законным владельцем этих денег.

По ряду рассмотренных дел судами вообще не принимались решения о конфискации имущества, полученного виновными в качестве взяток.

Так, Североморским гарнизонным военным судом по упоминавшемуся делу в отношении Н. не было принято предусмотренное законом (ст. 104¹ УК РФ)

решение о конфискации полученного Н. в качестве взятки ноутбука или его стоимости.

По делу в отношении Ш. Читинский гарнизонный военный суд не взыскал на основании ст. 104¹ УК РФ полученные виновным в качестве взятки денежные средства в размере 80 000 рублей.

Тулским гарнизонным военным судом по делу в отношении Х. не были конфискованы полученные в качестве взятки 109 300 рублей.

Не были конфискованы судом полученные осужденными в качестве взяток денежные средства и по делу Р. в размере 486 000 рублей и по делу С. в размере 30 000 рублей.

* * *

По ряду дел суды принимали ошибочные решения о взыскании с виновных незаконно полученных в качестве взяток денежных средств не на основании ст. 104¹ УК РФ, а на основании ст. 169 ГК РФ применяя последствия недействительной сделки.

Так, по упоминавшемуся делу в отношении Р. Выборгский гарнизонный военный суд постановил на основании статей 166 и 169 ГК РФ взыскать с осужденного в доход Российской Федерации противоправно полученные им денежные средства в сумме 375 000 рублей,

При этом суд признал, что и взяткодатель и взяткополучатель осознавали противоправность своих действий, данная сделка является в силу закона ничтожной и фактически применил в отношении взятки последствия ничтожной сделки.

* * *

Аналогичные ошибки допущены Санкт-Петербургским гарнизонным военным судом по делу Ф., получившего в качестве взятки 16000 рублей, и по делу Р., получившего денежные средства в сумме 50 000 рублей.

Судом противоправно полученные в качестве взяток деньги с них взысканы в доход Российской Федерации на основании ст.ст. 166 и 169 ГК РФ.

Такой подход судов, рассматривающих получение взятки как гражданско-правовую сделку, является неправильным.

В подобных случаях действия виновных образуют состав уголовно наказуемых деяний, а поэтому взыскание незаконно полученных в результате взяточничества денег регулируется не гражданским, а уголовным законом, поскольку конфискация полученных в качестве взятки денег прямо предусмотрена ст. 104¹ УК РФ.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

Изучение судебной практики по делам анализируемой категории показало, что суды в основном правильно применяют правила назначения наказания и надлежащим образом мотивируют принимаемые решения в приговорах.

При определении вида и размера наказания, назначаемого за взяточничество, военные суды руководствуются положениями, закрепленными в ст. 6 УК РФ, направленными на достижение предусмотренных главой 9 УК РФ целей наказания: восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных и предупреждению новых преступлений.

При этом, реализуя принцип индивидуального подхода при назначении наказания, суды руководствовались требованиями п. 36² постановления Пленума и при наличии условий, указанных в части 3 статьи 47 УК РФ, обсуждали вопрос о необходимости назначения виновному в совершении коррупционного преступления лицу дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, имея в виду, что такой вид наказания может быть назначен независимо от того, предусмотрен ли он санкцией уголовного закона, по которому квалифицированы действия осужденного.

Наряду с основным наказанием, связанным с лишением свободы, гарнизонные военные суды назначали виновным и дополнительные наказания, такие как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение воинского звания, причем, в ряде случаев к осужденным одновременно применялось несколько дополнительных наказаний.

Приговор суда изменен, в связи с назначением осужденному несправедливого вследствие мягкости наказания

По упоминавшемуся делу в отношении приговора Х., осужденного Уфимским гарнизонным военным судом, допущена ошибка при назначении наказания.

Х. признан виновным в получении должностным лицом взятки в виде денег в сумме 300 000 рублей с ее вымогательством с ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг» через сотрудника названного предприятия за согласование проекта договора и попустительство по службе и осужден по п. «б, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ к штрафу в размере десятикратной суммы взятки в сумме 3 000 000 (три миллиона) рублей.

В апелляционном представлении государственный обвинитель, выражая несогласие с приговором суда первой инстанции по мотивам его несправедливости и назначения мягкого наказания, явно не соответствующего тяжести совершенного преступления, просил его изменить, исключить из приговора указание на ст. 64 УК РФ и назначить Х. наказание в виде лишения свободы с лишением права занимать должности представителя власти либо организационно-распорядительные, административно-хозяйственные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации со штрафом и в соответствии со ст. 48 УК РФ лишить его воинского звания «подполковник».

Приволжский окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, в своем решении указал следующее.

Мотивируя назначение наказания в виде штрафа, гарнизонный военный суд сослался на явку Х. с повинной. Кроме того, суд учел его положительную характеристику по службе, наличие 19 лет военной выслуги и ведомственных наград, нахождение на иждивении несовершеннолетнего ребенка и отсутствие отягча-

общих обстоятельств. Также принято во внимание получение взятки под контролем компетентных органов, что, по мнению суда, значительно уменьшает степень общественной опасности совершенного Х. преступления.

Оценив указанные обстоятельства в их совокупности, суд первой инстанции признал их исключительными и пришел к выводу о возможности назначения Х. наказания с применением положений ст. 64 УК РФ, то есть ниже низшего предела, предусмотренного санкцией ч. 5 ст. 290 УК РФ.

При этом суд не усмотрел оснований для снижения категории преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Не подвергая сомнению правильность вывода гарнизонного военного суда о возможности применения положений ст. 64 УК РФ в отношении Х. и назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ, суд апелляционной инстанции не согласился с принятым решением относительно вида наказания, назначенного осужденному.

Принимая решение о возможности назначения наименее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией ч. 5 ст. 290 УК РФ, а именно штрафа, суд сослался на те же смягчающие обстоятельства, что и при применении положений ст. 64 УК РФ, которые, по мнению суда, существенно уменьшают степень общественной опасности содеянного Х.

При этом в нарушение положений ст. 60 УК РФ суд формально подошел к оценке характера и степени общественной опасности содеянного Х. с точки зрения мотива и цели совершения преступления, что повлияло на назначение несправедливого наказания вследствие его чрезмерной мягкости.

Судом установлено, что для достижения преступной цели Х. на протяжении длительного времени угрожал созданием препятствий в нормальной работе предприятия по выполнению оборонного заказа, что существенно увеличивает степень общественной опасности совершенного им преступления, и указывает на невозможность его исправления в случае назначения ему наказания не связанного с лишением свободы. Однако данное обстоятельство оставлено судом без внимания.

Получение Х. взятки под контролем компетентных органов, вопреки выводам суда первой инстанции, не свидетельствует об уменьшении степени общественной опасности содеянного поскольку преступление было окончено с момента получения части требуемой взятки.

Допущенные нарушения являются существенными, искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции обоснованно посчитал, что гарнизонный военный суд переоценил смягчающих обстоятельств и формально подошел к оценке характера и степени общественной опасности содеянного Х.

Исходя из этого окружной военный суд пришел к выводу о том, что достижение цели исправления осужденного, совершившего особо тяжкое преступление, возможно только в случае назначения Х. наказания в виде лишения свободы на определенный срок с назначением дополнительных наказаний, предусмотренных санкцией ч. 5 ст. 290 УК РФ.

С учетом изложенного апелляционная инстанция приговор изменила и назначила Х. наказание в виде 4 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого

режима, с лишением права занимать должности представителя власти либо организационно-распорядительные, административно-хозяйственные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации на срок 2 года и со штрафом в размере 3000 000 рублей.

Неправильное назначение судом наказания по правилам части 5 статьи 69 УК РФ повлекло изменение приговора

95 гарнизонным военным судом была допущена ошибка при назначении наказания по совокупности совершенных преступлений в отношении Б.

При назначении наказания по совокупности преступлений суд первой инстанции на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ окончательное наказание определил путем частичного сложения назначенного наказания по данному приговору, а также назначенного наказания по ранее вынесенному приговору этого же военного суда от 3 декабря 2013 года (по которому Б. был осужден по ч. 2 ст. 291 УК РФ к штрафу в размере 1 000 000 рублей за совершение преступления, совершенного до вынесения первого приговора), с зачетом уплаченного им частично штрафа по прежнему приговору в сумме 123 250 рублей, назначил ему окончательное наказание в виде штрафа в сумме 1 500 000 (один миллион пятьсот тысяч) рублей.

Суд апелляционной инстанции внес изменения по следующим основаниям.

В соответствии с ч.5 ст. 69 УК РФ, по правилам, предусмотренным ч.ч. 1-4 этой статьи, назначается наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу. В этом случае в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

В данном случае суду надлежало принять решение о назначении Б. наказания по совокупности совершенных им преступлений по настоящему приговору и по приговору 95 гарнизонного военного суда от 3 декабря 2013 года, по которому он был осужден по ч. 2 ст. 291 УК РФ, а затем зачесть в это окончательное наказание сумму штрафа, уплаченную им в порядке исполнения приговора от 3 декабря 2013 года, чего судом сделано не было.

Как следует из резолютивной части приговора, суд засчитал выплаченную часть штрафа по первому приговору и только после этого определил ему наказание в виде штрафа в сумме 1 500 000 рублей по совокупности преступлений, что противоречит вышеуказанной норме закона.

При этом приведенная в приговоре формулировка окончательного наказания повлечет возникновение неясности при его исполнении.

С учетом этого приговор был изменен. В соответствии с ч.5 ст. 69 УК РФ, Б. окончательное наказание назначено путем частичного сложения наказаний по данному приговору и приговору 95 гарнизонного военного суда от 3 декабря 2013 года, в виде штрафа в размере 1 500 000 рублей, с лишением его права занимать должности на государственной службе, связанные с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью сроком на 2 (два) года и в окончательное наказание засчитана часть штрафа, выплаченного Б. по приговору от 3 декабря 2013 года, в сумме 123 250 рублей.

Апелляционная инстанция изменила приговор в связи с неправильным назначением осужденным дополнительных наказаний

При рассмотрении 3-м окружным военным судом дела в отношении подполковника Д. и полковника З., которые наряду с другими преступлениями, были осуждены по пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к различным срокам лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций за получение взяток в 2009 и 2010 годах, была допущена ошибка при назначении дополнительного наказания.

Судебная коллегия по делам военнослужащих (далее – Судебная коллегия) рассмотрев дело в апелляционном порядке в своем определении указала, что в части назначенного З. и Д. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, за получение ими взяток в связи с государственными контрактами от 21 сентября 2009 г. и от 1 апреля 2010 г. приговор подлежит изменению.

Так, назначая З. и Д. за данные преступления названные дополнительные наказания, суд не учел, что на момент совершения этих преступлений уголовное законодательство Российской Федерации не предусматривало в качестве дополнительного наказания за получение взятки группой лиц по предварительному сговору в крупном размере лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Таким образом, назначив это дополнительное наказание за совершение двух упомянутых преступлений, имевших место до внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, суд ухудшил положение осужденных З. и Д., в связи с чем Судебная коллегия исключила из приговора указание о применении к З. и Д. за получение ими взяток в связи с государственным контрактом от 21 сентября 2009 г. и договором подряда от 29 сентября 2009 г., а также в связи с государственным контрактом от 1 апреля 2010 г. и договором подряда от 9 апреля 2010 г. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно- хозяйственных функций.

**Объединенная редакция военно-правовых изданий
представляет:**

Журнал «Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»

Сборник «Юридическая энциклопедия военнослужащего»

Интернет-портал военно-правовой информации «Военное право»
www.voennpravo.ru

**Портал военно – правовой информации
«Военное право» (www.voennpravo.ru)**

Основные задачи портала военно-правовой информации «Военное право»:

– информационная поддержка посетителей сайта в сфере правового регулирования вопросов обороны и военной безопасности, в том числе деятельности предприятий военно-промышленного комплекса;

– размещение информации в целях обеспечения редакционной деятельности и распространения военно-правовых изданий: научно-практического журнала «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»; сборника «Юридическая энциклопедия военнослужащего».

Основные разделы портала:

Новости военного права

ВПК: вопросы права

Военная служба

Комментарии законодательства

Военно-правовая наука

Судебная практика

Журнал

Книги

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»

Основан в 1997 году, первый номер вышел в июле 1997 года.

Формы издания: печатная и электронная (сайт voennpravo.ru) версии.

Периодичность – ежемесячный. Объем – 128 страниц.

Редакционный совет журнала: 10 докторов юридических наук, являющихся ведущими специалистами в различных областях права, в том числе и военного права.

Авторский коллектив: практические работники органов военной юстиции и подразделений юридической службы практически всех военных организаций независимо от ведомственной принадлежности.

Подписка на журнал:

На печатную версию:

1. Журнал включен в подписной каталог Агентства «Роспечать» (подписной индекс 72527, раздел «Военное право»). (<http://www.gosp.ru>), подписка в любом почтовом отделении.

2. Журнал распространяется подписным агентством «Урал-Пресс» (<http://www.ural-press.ru>), подписка через сайт агентства (подписной индекс 72527, раздел «Военное право»).

На электронную версию:

Через сайт <http://www.voennpravo.ru/>

После оплаты подписки предоставляется доступ к сетевой электронной версии журнала.

Контакты: тел. +7 (499)785-89-17

E-mail: pvsvpo@mail.ru

Целевая аудитория журнала

Военнослужащие и гражданский персонал Минобороны России и Вооруженных Сил Российской Федерации; военнослужащие и сотрудники ФСБ и ФСО России, войск Национальной гвардии Российской Федерации и других военных организаций; работники военных комиссаров; военные прокуроры, судьи, следователи.

Основная тематика журнала

Публикации в журнале представляют в помощь читателю практические консультации и разъяснения основных правовых норм, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных актах, регулирующих военную службу, статус военнослужащих, деятельность военных организаций, вопросы правового регулирования обороны и военной безопасности, международные аспекты военного права.

Научный статус журнала

Научное направление журнала: 12.00.00 – юридические науки, 20.02.03 – военное право, военные проблемы международного права.

Решением Президиума ВАК Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

За активное участие в правовом просвещении граждан Российской Федерации научно-правовой журнал “Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение” награжден Министром юстиции Российской Федерации памятной медалью имени Анатолия Федоровича Кони.

**Сборник «Юридическая энциклопедия военнослужащего»
учрежден и зарегистрирован в 2003 году.**

Аудитория сборника предназначена широкому кругу читателей – военнослужащим и членам их семей, призывникам, их родителям, адвокатам, юристам-консультантам, сотрудникам органов военной юстиции, военным пенсионерам и всем иным заинтересованным лицам.

Подписка на сборник «Юридическая энциклопедия военнослужащего»

Серия книг включена в подписной каталог Агентства «Роспечать» (индекс 80680, раздел «Военное право»).

Подписаться можно в любом почтовом отделении или через сайт Агентства (<http://press.rospress.ru>) и через сайт Агентство «Урал-Пресс» (<http://www.uralpress.ru>).

В серии:

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 - 2016). В книге представлены обзоры судебной практики и конкретные решения Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, окружных и гарнизонных военных судов за 2016 год.

Жилищная энциклопедия военнослужащего, лиц уволенных с военной службы и членов их семей. Первый раз книга вышла в 2005 году, в последующем неоднократно переиздавалась. С учетом последних изменений военного и жилищного законодательства подготовлено актуальное практическое издание, которое предназначено для широкой аудитории – военнослужащих, гражданского персонала, органов военной юстиции, адвокатов и всех кто интересуется вопросами жилищного обеспечения.

Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». Первый комментарий к Закону РФ «О статусе военнослужащих» был издан более 20 лет назад - в 1997 году (авторы – Кудашкин А.В. и Фатеев К.В.). За последующие годы комментарий неоднократно переиздавался, последний раз в 2005 году.

Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». Первый комментарий к Закону РФ «О воинской обязанности и военной службе» был издан в 1999 году. За последующие годы комментарий неоднократно переиздавался, последний раз в 2007 году.

Справочник по совершению нотариальных действий в военных организациях.

Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретико-правовые и практические аспекты деятельности: научно-практическое пособие.

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2016 – 2017). – М. : Центр правовых коммуникаций, 2017. – Вып. 5. – 256 с. – (Серия «Юридическая энциклопедия военнослужащего»).

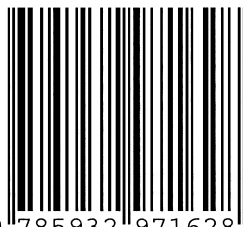
Редактор *Кудашкин А.В.*
Оператор компьютерной верстки *Зулькарнаев А.Б.*

Подписано в печать 01.11.2017. Формат 60 x 90/16.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага газетная. Печ. л. 16. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство ООО «Центр правовых коммуникаций»
105118, г. Москва, проспект Буденного, д. 14,
к. 208 (здание ДК «Чайка»)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, д. 2

ISBN 978-5-93297-162-8

9 785932 971628